

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ISSN 0132-0831

4

1990

«...Конечно, не все действующие у нас в настоящее время правовые нормы отвечают требованиям сегодняшнего дня. Однако для того, чтобы не нарушались права и интересы советских граждан, необходимо неукоснительное соблюдение и этих, возможно, и не очень хороших законов»,— так считает Любовь Борисовна Литвинова, прокурор отдела общего надзора прокуратуры Сахалинской области. В ее компетенции — надзор за соблюдением жилищного и трудового законодательства.

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ СССР

№ 4 (232) АПРЕЛЬ 1990. ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1971 ГОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». МОСКВА

В НОМЕРЕ

3

ПЕРЕСТРОЙКА: ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ПРАВО

Ю. ИДАШКИН. Эмоции, политика, законность... 3

Н. АНИСИН. Нахлебники поневоле 8

Л. ПЕТУХОВА. Назад к жестокости? 15

Комментирует Пресс-центр МВД СССР 20

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

В центре внимания — ГАИ. Беседа с подполковником милиции Н. КАЛАЙТАНОМ 22

25

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

В. НЕРСЕСЯНЦ. В поисках собственника 25

Н. ВАРЛАМОВА. Пенсии. Проблемы остаются 30

А. СМЕРНОВ. Полмиллиарда для Чернобыля 36

44

ПРЕСТУПНОСТЬ: ОРГАНИЗАТОРЫ И ИСПОЛНИТЕЛИ

А. ГУРОВ. Один шанс из пяти миллионов 44

58

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВСЕОБУЧ: ОПЫТ. ПРОБЛЕМЫ

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
Ставки государственной пошлины 58

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ 60, 128

РЕДАКЦИИ ОТВЕЧАЮТ 61

ЗАОЧНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

Что может ВТЭК? Беседа с главным экспертом по ВТЭК г. Москвы Е. ЖМОТОВОЙ 62

ЮРИНЕСКИ	67, 127
АЗБУКА ДОРОЖНОГО ДВИ- ЖЕНИЯ	68
ОТ «А» ДО «Я»	
М. ЖУРАВЛЕВ. Укрыва- тельство преступлений	70

73

К. ГРЕКОВ. Майкопский «Негус». Документальная повесть	73
Из Памятников права	35, 92

93

Л. ЗАХАРОВА, В. СИРЕН- КО. Год дракона. Роман	93
МИНИ-ДЕТЕКТИВ	
Е. ИЩЕНКО. Серебристая пыль	125

126

КРОССВОРД	
Знаете ли вы право?	126

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ

Прошли выборы в местные Советы народных депутатов. И теперь от новых хозяев этого здания зависит, будут ли москвичи быстрее получать жилье и меньше стоять в очередях, дышать чистым воздухом и не бояться ложиться в больницу, проводить митинги и спокойно спать по ночам. Мы понимаем, что на первой сессии не решить всех накопившихся проблем. Но пусть после нее появится и не угасает надежда.

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

Главный редактор В. М. СИРЕНКО

Редакционная коллегия:

В. А. АБОЛЕНЦЕВ,
Г. К. БОЛЬШАКОВА (заместитель главного редактора),
В. А. ЖУРАВЛЕВ (ответственный секретарь),
И. В. ИЛЬИН, И. Н. КУЗНЕЦОВ,
В. Д. ПОВОЛЯЕВ, И. С. САМОЩЕНКО,
П. И. СЕДУГИН, Ю. С. СЕМЕНОВ,
Е. В. СМЕРНОВА, А. Я. СУХАРЕВ,
А. А. ТРЕБКОВ, А. М. ФИЛАТОВ,
И. Ф. ШИЛОВ

Технический редактор Л. С. АЛЕКСЕЕВА

Оформление М. Ю. БАЙКОВОЙ

ПЕРЕСТРОЙКА:

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ПРАВО

ЭМОЦИИ, ПОЛИТИКА, ЗАКОННОСТЬ...

Что там ни говори и ни пиши, а нельзя за пятилетие вытравить из сознания, из обихода, из привычек и навыков то, что внедрялось и утверждалось десятилетиями: приоритет политики над правом и законностью.

Да, верно, что и многие законы-то у нас были, скажем прямо, не вполне совместимы с правом, что в них самих были заложены эти приоритеты. И все же согласимся: небезупречный и даже плохой закон — одно, а несоблюдение законов — совсем другое. Ибо плохие законы в конце концов отменяются. Вместо них со временем появляются хорошие. Но если в сознание и в практику внедрилось неуважение к законности, к праву, привычка к их безнаказанному нарушению, то возникают проблемы, выходящие далеко за пределы права и возвращающие нас к... политике.

В октябре 1964 года в широкое употребление вошло иностранное словцо «волюнтаризм». Остряки шепотком окрестили его «партийной кличкой» Хрущева. Действительно, уход на пенсию Н. С. Хрущева вызвал к жизни частое поминание волюнтаризма на различных пленумах, совещаниях и собраниях. Но беда-то, оказалось, не в том: мы давно умели читать между строк и прекрасно понимали связи между возникшей модой на это словцо и внезапной отставкой нашего бодрого и энергичного лидера. Беда, а скорее всего трагедия заключалась в том, что после действительно импульсивных, далеко не во всем разумных политических и экономических экспериментов Хрущева наступила эра подлинного, ничем не стесненного волюнтаризма. Произвольно вводились бесполезные, а то и вредные законы, совершались незаконные международные акции в Чехословакии и Афганистане, беззастенчиво искажались цифры государственной статистики и факты окружающей жизни, осуждались и направлялись в психиатрические клиники невинные и вполне здоровые.

Разумеется, все это не могло не вызвать соответствующего отношения у многих миллионов людей, результатом чего стала начатая по инициативе партии и широко поддержанная в народе перестройка. Но было бы непростительной наивностью полагать, что вся партия и весь народ, получив достаточно широкие возможности для свободомыслия и свободного волеизъявления, достигнут полного единогласия. Полное единомыслие и единогласие — скорее признак

тоталитаризма, нежели демократии. Так стоит ли удивляться тому нарастанию бурных политических страстей, которые вошли в жизнь нашего общества вместе с перестройкой и проявляются в таких шокирующих многих, а многими приветствуемых формах, как уличные митинги, шествия, демонстрации, пикетирование зданий, забастовки и даже голодовки? Стоит ли удивляться тому, что по уровню организованной преступности и количеству рецидива мы стремительно догоняем Запад и одновременно стремимся догнать и даже по возможности обогнать его по гуманизации уголовного и уголовно-процессуального законодательства? И стоит ли сетовать на то, что буквально ежедневно жизнь ставит перед обществом, перед всеми нашими народами проблемы такой остроты и сложности, о которых в доперестроечные времена и помыслить-то было невозможно?.. Не случайно ведь, усталые и раздраженные, многие из нас думают, а иногда в сердцах говорят вслух о том, что, дескать, все трудности и беды наши начались с перестройкой.

Что поделаешь: иногда и такой сложный конгломерат, как человеческое общество, уподобляется малому ребенку, возлагающему вину за боль не на болезнь, а на врача. То, что у ребенка проходит с возрастом, пройдет и у общества в целом по мере накопления гражданской и политической зрелости. Но чтобы это случилось, необходимо обеспечить нормальные условия для естественного развития общественного организма.

Во главе угла таких условий должно находиться строжайшее соблюдение законности. Чуть не написал привычно: «социалистической». И подумал: а что, собственно, это означает? Ведь если наше государство, по конституции, социалистическое, то и все в нем должно быть социалистическим? И законность, и экономика, и автомобилестроение, и торговля, и книгопечатание, и просвещение... А если экономика не обеспечивает удовлетворение элементарных потребностей общества, автомобилестроение отстает не только от развитых, но и от некоторых развивающихся стран, торговля фактически заменена распределением и поражена страшным вирусом коррупции, книгопечатание не может снабдить читающую публику даже теми книгами, которые все жаждут купить, а просвещение не гарантирует и отличникам уровень знаний, необходимых для продолжения образования, то не напоминает ли все это пресловутый метод социалистического реализма, воссоздавший не ту жизнь, которой жило общество, а ту, которой оно должно было бы жить, не разразись над нами сталинщина? Так, может быть, не стоит, говоря о законности, присовокуплять к ней это обязывающее определение. Ведь если мы будем ее неуклонно и скрупулезно соблюдать, она и впрямь станет соответствовать тому определению, которое мы ей частенько давали авансом. А без нее, без законности, нашему обществу не повзрослеть ни граждански, ни политически.

Мы так долго мечтали о свободе, о демократии, о гласности, что сейчас и слышать не хотим о каких бы то ни было ограничениях. Если суверенитет, то полный и абсолютный. Если свобода слова, то не только без цензуры, но и без соблюдения простых приличий. Если торжество справедливости, то любой ценой, даже — новых несправедливостей. Если гуманизация правосудия, то отпускать под подписку о невыезде даже явного бродягу, подозреваемого в совершении преступления. Если трансляция Съезда народных депутатов, то от первой и до последней секунды, пусть даже это не способствует гражданскому миру и чревато обострением ситуации в регионах.

Дождавшись наконец возможности говорить, мы вдруг обнаружили не только нежелание слушать других, но и готовность к тому, чтобы не слушали и нас самих. Право на крик, на манифест, на лозунг мы ставим выше диалога, выше возможности установления взаимопонимания, если и не достижения пресловутого консенсуса, который гораздо менее узнаваем сегодня, чем когда-то волюнтаризм, то по крайней мере сближения позиций.

Общественное мнение легко и мгновенно восстает против любого призрака узды, предела, ограничения. Нарушается все: законы, существовавшие до перестройки, и законы, принятые вновь избранными высшими органами государственной власти; регламент и решения, принятые Верховным Советом или Съездом народных депутатов; решения местных органов власти и уставы общественных организаций. Даже судебные решения не исполняются или исполняются ненадлежащим образом.

В Верховном Совете царит атмосфера законодательной лихорадки. Отдавая себе ясный отчет, что страна, народ с нетерпением ждут законов, которые хоть в чем-то облегчат жизнь, члены нашего парламента чуть ли не круглосуточно работают в комитетах и комиссиях, стремясь ускорить законодательные решения. Честь и хвала им за самоотверженность и патриотизм, но можно ли ждать качества и стабильности от принятых в такой спешке законов?

Говорят, что мы учимся парламентаризму. Видимо, эта наука не так уж легка, как кажется, и овладение ею потребует не года и не двух. Но все ли можно списать на издержки процесса обучения? Не хочу называть конкретные фамилии — не в них дело, но уже несколько раз случалось, что после выступлений тех или иных депутатов выступали другие с обвинениями первых во лжи и клевете. Первые, в свою очередь, давали объяснения, и... на том дело заканчивалось. Никто не принес никому публичных извинений, никто не был изобличен в умышленных или неумышленных попытках ввести в заблуждение парламент, да и всю страну. Как такое возможно? Ведь не подростки повздорили, а поостыв, не стали возвращаться к конфликту... По крайней мере в двух памятных мне случаях речь шла о проблемах огромной государственной важности. И скажу откровенно, когда я теперь вижу на трибуне двух членов Верховного Совета, не могу отрешиться от чувств недоверия и неприязни к ним. Этих чувств бы не возникло, если бы они публично признали свою неправоту или объяснили, как и кем были введены в заблуждение.

И это недоверие ничего общего не имеет с несогласием или даже категорическим неприятием позиций некоторых парламентариев. Есть среди депутатов три-четыре, почти каждая мысль, почти каждое слово которых вызывает у меня непримиримое противодействие. Но ведь они честно говорят то, что думают. И хочу я того или не хочу, за их мнением стоят мнения и унастроения тысяч, а может быть, и миллионов моих сограждан. Значит, я обязан с этим фактом считаться. Так же, как с тем, что речи депутатов, выражающие мое мнение, мой взгляд на прошлое и будущее страны, вызывают несогласие, а порой даже негодование очень большого числа избирателей, пославших в парламент совсем других представителей. Так что же делать? На этот вопрос цивилизованный мир давно дал ответ: вести политическую борьбу в рамках законности и парламентской этики. Но мы пока этого не умеем. А может быть, не хотим? С чего бы это нам не хотеть — усомнится кто-то. А вот с чего. Во-первых, очень трудно дается нашему обществу признание, что идет поли-

тическая борьба. У нас так долго «не было» политических заключенных и политических эмигрантов, мы так долго «еще теснее» спланивались, что даже когда появились опасные признаки удушья, мы все еще не решались вслух произнести уже поставленный диагноз. А во-вторых, каждая из противоборствующих сторон абсолютно убеждена, что выступает от имени большинства народа, а стало быть, права. Ну, а коли так, то к чему эти «антимонии»: не проще ли объявить политического оппонента антипатриотом, клеветником, лжецом, а то и членом или агентом мафии?

Проще-то, конечно, проще. Но, как известно, «сегодня ты, а завтра я...». И если продолжить цитату, плакать будет не неудачник, а весь огромный, многонациональный и многострадальный наш народ, ибо неудачу потерпит сама перестройка, отодвинутая хаосом этого всеобщего политического «кэтча», то есть борьбы без правил...

А правилами может быть только строжайшее соблюдение законности. Здесь необходимо заметить, что трагический опыт истории заставляет нас с особо тревожным вниманием присматриваться к любым шагам правоохранительных органов — от задержания и обыска до разгона несанкционированного митинга. Да и судебные приговоры мы зачастую встречаем неодобрительным ропотом: одним они кажутся слишком мягкими, другим — вообще необоснованными. Но не забываем ли мы при этом, что подлинное торжество законности — это не только ни одного невинно осужденного, но и осуждение всех без исключения виновных. Да, память о массовых бессудных репрессиях, как пепел Клааса, еще долго будет стучать в наше сердце. Но, удваивая, утраивая общественную бдительность в отношении любых нарушений законности, мы не вправе забывать, что ее обеспечивает и неотвратимость наказания за нарушения законов.

Давайте же задумаемся: почему правоохранительные органы порой проявляют совершенно непрофессиональную робость? Уж не под нашим ли отчасти влиянием, не под воздействием ли общественного мнения?

Вспомним многочисленные факты, приведенные средствами массовой информации: там сгноили на складах тонны сверхдефицитных продуктов, там месяцами не разгружают и энергично разворовывают вагоны с импортом, там, в подсобных помещениях нескольких десятков магазинов одного города, нашли укрытые от покупателей товары... Да, нельзя судить людей на основании газетных статей или телевизионных репортажей. Да, многие из этих случаев могли и не содержать состава преступления. Многие, но не все же без исключения!..

Очень давно, работая юрисконсультom в строительном тресте, я не раз сталкивался с фактами привлечения к уголовной ответственности снабженцев за несвоевременную разгрузку и длительные простои вагонов. Правда, никто из них не был осужден к лишению свободы, но и исправительные работы по месту службы с удержанием определенного процента зарплаты заставляли и их, и их коллег с чрезвычайной серьезностью относиться к использованию подвижного состава. Нельзя в качестве стимулятора в труде использовать страх наказания, — скажут мне. Хорошо, а что можно стимулировать при помощи безответственности и безнаказанности? И невольно вспоминается отмена Верховным Советом СССР собственного решения о министре путей сообщения Н. С. Конареве. Я не вправе судить о деловых качествах товарища Конарева. А в том, что мне

с каждым годом труднее приобретать железнодорожные билеты и страшнее, и неудобнее ездить по железной дороге, возможно, виновен не он, а объективные обстоятельства. Но ведь если в такой огромной стране, как наша, лишь один-единственный человек способен руководить железнодорожным транспортом, то не виновен ли этот единственный хотя бы в том, что не подготовил ни одного достойного преемника?

Если в нашей основательно дезорганизованной экономике, по всеобщему мнению, непрерывно нарастают проявления группового эгоизма, фондирование даже в обеспечение госзаказа не покрывает всех потребностей в сырье и материалах, если торговля все больше заменяется распределением, а осуждение за взяточничество, по судебной статистике, неуклонно снижается, то что можно сказать о такой законности?

Разумеется, никакие чрезвычайные законы, никакие демонстрации и митинги с требованиями немедленных массовых арестов среди работников кооперации и торговли нам не нужны. В качестве напоминания о том, что незаконные репрессии прошлого до сих пор ничему не научили некоторых наших сограждан, достаточно и выступления с высокой трибуны Съезда народных депутатов оратора, призвавшего трижды расстрелять Чурбанова по трем статьям Уголовного кодекса. Примечательно, что этот оратор — работник правоохранительных органов. Факт, заслуживающий серьезных раздумий...

Вообще эмоции частенько захлестывают нас. Вот на массовом митинге звучат лозунги, оскорбляющие национальное достоинство целого народа. Вот ультралевый оратор заявляет в рупор, что большевики узурпировали государственную власть и она должна быть «вырвана из их рук». Вот его ультраправый оппонент клеймит одного из руководителей нашего правительства «иностранным наймитом». Да что там массовые митинги, где собирается очень разный народ. Нечто подобное, а то и похлестче, можно услышать на пленумах общественных организаций, да и в зале заседаний высших органов государственной власти... Как же быть? Ведь дальнейшая эскалация подобной митинговой стихии лежит за пределами законов, хотя я глубоко убежден, что ряд уже известных всем фактов мог бы стать предметом судебного разбирательства. Никакие ссылки ни на необходимость «наконец-то сказать всю правду», ни на свободу, ни на плюрализм мнений, никакие напоминания о 37-м годе или о необходимости соблюдения международных конвенций не могут служить основанием для нарушения советских законов. Никому не может быть дано право безнаказанно совершать то, что запрещено законами страны.

Не надо бояться политической борьбы как таковой, не надо опасаться и резкой поляризации наших мнений. Ведь в конечном счете даже если какие-то из них сегодня возникают на почве недостаточности и общей, и политической культуры, то по мере приобретения этой культуры, по мере роста гражданской зрелости общества плюрализм мнений и дифференциация позиций будут расширяться и углубляться. И в этом нет никакой беды, а есть обретение демократии.

Но для этих будущих обретений сегодня необходимо диалектическое единство двух противоположностей: всемерного расширения прав и свобод граждан и строгого ограничения их противоправного использования.

НАХЛЕБНИКИ ПОНЕВОЛЕ

Все нам нынче ясно: стране нужна новая система хозяйствования. Но качество экономики — это еще и качество работника. Безрукий да несмышленный каши не сварят при любой системе. И ни перемены в отношениях собственности, ни переворот в структуре производства сами по себе экономику нашу конкурентоспособной не сделают. Стране необходима также реформа трудовой подготовки молодежи. Но о ней, в отличие от реформы экономической, разговор на разных уровнях идет сегодня лишь вскользь. А между тем весь нынешний уклад жизни молодого поколения, освященный соответствующими законами и инструкциями, работников в нем просто-напросто умерщвляет. По-иному не скажешь.

ИСК ОТЦАМ ПИОНЕРЛАГА

Лет пять назад начальник мой в одной союзной газете подбил меня сменить профессию. Я направил стопы в Брянск, к знакомому из тамошнего облисполкома. И с помощью его приискал себе место в пионерлагере, с тем чтобы, сделавшись на три с лишним недели воспитателем отряда, написать потом статейку: как видится лагерная жизнь изнутри.

Отважившись на воспитательские погоны в пионерлагере «Солнечный», я изучил Положение о загородном пионерском лагере. Там говорилось: в лагере организуется разносторонняя культурно-массовая работа, создается широкая сеть кружков юных техников, натуралистов, художественной самодеятельности, используются физкультура, спорт и туризм, происходит вовлечение школьников в сельскохозяйственный труд, в работу по сбору лекарственных трав, растений, плодов и ягод. Из чтения сего и составилось у меня представление: лагерь есть нечто детей обучающее, развивающее, укрепляющее, обогащающее, в прямом смысле (за труд производительный везде ведь полагается платить). И я ступил за ограду «Солнечного», веруя, что главнейшая моя задача как воспитателя — пособить всяк приставленному ко мне ребенку добыть новых умений да знаний, прибавить мышц да мозолей и увезти с собой капиталец на карманные расходы.

Под водительство мое отдали второй отряд: 45 мальчиков и девочек в тринадцать-четырнадцать лет. Так чем и как мне им пособлять?

Утром над «Солнечным» прошелся ливень. На стадионе — лужи. Зарядку там отменили. Велено было ее делать поотрядно, на асфальте у спальных корпусов. Выстраиваю «вверенный мне контингент» в шеренгу по трое. Мама родная! Все ежатся от утренней прохлады. Вид у многих — будто их на пытку вывели. А приседают — как тяжело. Начали отжиматься от асфальта — живота некоторые поднять не могут. Мотаю себе на ус: кого к какому виду спорта лучше приохотить.

После завтрака Саша Клепов — пионер, как позже выяснилось, жутко не компанейский, но до всего любопытный, явился ко мне с тремя грибами: вот нашел за клубом — как они называются и съедобны ли. Я не стал признаваться в своем растительном невежестве. Сказал Саше: ты собери грибы всех мастей, а потом я отведу тебя к биологу и он сразу во всем тебя просветит.

Уложив детей на «тихий час», я подался к начальнику лагеря — Вячеславу Семеновичу Долгинцеву. Узнать-то мне у него надо было всего ничего: кто будет учить моих пионеров игре на гитаре, спорту и грибному делу.

«Да вы с луны, что ли, свалились! Где же я вам найду таких учителей? — рассердился начальник. — Нам дают не того, кого мы просим, а того, кого с легким сердцем отпускают руководители цехов и отделов». Я растерялся: «А чем мы в этом случае будем заниматься с детьми?» Брови Вячеслава Семеновича сурово сошлись на переносице: «Мы будем работать по плану воспитательных мероприятий дружины».

На следующий день этот самый план передали к нам в отряд. Он включал 17 общелагерных мероприятий. Мне с моими детьми предстояли «веселые старты» и обыкновенные турниры и первенства, смотры песен и сказок, ярмарка поделок и «Зарница»... Цель у всех этих забав была одна-единственная — хоть как-то занять детей. Ни о каких тренировках к стартам и подготовке к конкурсам и речи быть не могло. Все 17 мероприятий требовали от отряда показать за 24 дня то, что он уже умеет. И участвовали в этом показе, разумеется, самые умелые. В «веселых стартах», согласно плану, соревнуются три человека от отряда, в конкурсе «Алло, мы ищем таланты» выступают пять, сказку инсценируют шесть. Остальным уготована лишь роль болельщиков и зрителей. Основную массу детей лагерный воспитательный план лишал и всякого обучения, и развития, и укрепления. Но мне пришлось вносить в его выполнение свой посильный вклад: я отбирал умелых, мало-мальски тренировал их, что-то с ними репетировал и отправлял на мероприятия, ведя вслед за ними весь отряд: созерцать. По-иному было нельзя: не будь мероприятий, лагерь стал бы неуправляемым. В организации зрелищ и состояла главная задача воспитательной работы.

Их-то, зрелищ, дети получали вдоволь. Вдоволь им давалось и хлеба. Единственное, в чем они испытывали острый дефицит, — это труд. «Солнечный» не имел ни огорода, ни курятника, ни крольчатника. Вывести детей на работу в колхоз начальник мог только под угрозой увольнения. В столе его лежал приказ, подписанный тогдашним председателем Брянского облсовпрофа А. Шеболтаевым: «Категорически запрещается вывоз детей из лагеря на различного рода экскурсии и другие мероприятия». Работа в колхозе входила в разряд «других мероприятий». И потому труд подростка в «Солнечном» сводился лишь к тому, чтобы убрать за собой постель, раз в неделю подмести и вымыть полы в комнате, раз в три недели накрыть столы для всех отрядов. Итого: каждый пионер проработал за 24 дня только два с половиной часа.

Я хорошо помню, как однажды перед тихим часом ко мне подошли два моих пионера, два Сергея — Белоусов и Точилин: «Пошлите нас на какую-нибудь работу. Мы готовы таскать воду, дрова пилить, землю копать, мусор убирать. Только бы не спать. Ночью десять часов спи. Днем два часа спи. С ума сойти можно. Ну, дайте что-нибудь сделать!»

С такой мольбой обращались не только ко мне, и не только к воспитателям «Солнечного».

Система наших пионерлагерей не позволяла детям что-нибудь полезное делать тогда, в 1984-м, не позволяет и сейчас.

Не так давно с командировочным удостоверением другой союзной газеты я попал в пионерлагерь «Дружба», стоящий в бору близ хранилища вод Северного Донца. Там мне выпало познакомиться с Мишей Харченко, учеником 1-й школы Белгорода. Его доставили в великолепный бор и заключили за лагерную ограду сразу же, как отзвенел последний школьный звонок. К моменту нашей встречи Миша отбыл в лагере ровно двадцать суток. Из них полные сутки ему пришлось простоять с подушкой в руках в углу спального корпуса. Так его ежевечерне наказывали за нежелание спать. Миша, как мне сказали, был главным воителем с режимом сна. Но не единственным. Углы спален в «Дружке» пустовали по вечерам редко.

Я, абсолютный противник какого бы то ни было наказания детей, ни единым словом осудить воспитателей «Дружбы» не посмел. Как им еще поступать, если юные пионеры, сытно накормленные, чистым воздухом упоенные, не теряют к концу дня бодрости. Четырежды они в столовую строем с речевками протопали, дважды с девизом на линейку, опять-таки строем отмаршировали, зрелищ насмотрелись, политинформацию прослушали... Сколько у них на все это ушло сил? Самая малость. Вот и получается: не притоми резвую детвору в углах спальни, не уложи ее насильно в кровати, так она за ночь разнесет свои уютные терема на щепки. Я лично бойкотировавших сон убаюкивал забавными байками из истории всех времен и народов. Но это вовсе не универсальный метод. В том, что детскую энергию в пионерлагере нельзя растратить в мирных целях, не вина, а беда служителей пионерлагерей.

«Вы провоцируете детей,— гневно сказал мне после беседы с пионерами второго отряда начальник «Дружбы» М. Малый.— Какое у вас право говорить про огород и курятник — здесь пионерлагерь, а не черт-те что».

Коллегу М. Малого, начальника соседнего лагеря «Липки» В. Арбузова, огородно-куриные разговоры не разгневали. Напротив, вспомнив, что некогда в «Липках» были две-три грядки, на которых дети выращивали нечто съестное, он заметил, что завести в лагере подсобное хозяйство следовало бы.

Правят пионерлагерями, как мы видим, люди с разными взглядами на детский труд. Но начальники сами мало что решают. Хозяйство в пионерском лагере требует системы хозяйствования — организации производства, снабжения и сбыта. Другими словами, требует усилий профсоюзных и комсомольских комитетов, ведающих лагерями. А они, похоже, даже и не сомневаются в правильности нынешней своей политики: в стране, провозгласившей культ труда, дети трудящихся работать не должны, а должны только питаться и спать, маршировать строем и скандировать речевки с девизами.

Мозг 12-летнего ребенка по физиологическим параметрам — это уже почти мозг взрослого человека. Все, что впитано им к сему возрасту, остается надолго, если не навсегда. После 12 лет сознание становится консервативным — новым воздействиям активно сопротивляется, а от старого, пусть даже невзначай впечатанного, избавляется неохотно. Впечатления же пионерлагеря для миллионов ребят вовсе не эпизодичны. В атмосферу лагерной жизни, праздности юное поколение не просто окунается, оно подолгу живет в ней

из года в год и потому не может не проникнуться стойким убеждением: кончается учеба — кончаются заботы, пусть родители да попечители из кожи вон лезут, обеспечивая мое благосостояние. Не увидав к двенадцати годам, что его личный труд есть источник его личных благ, не получив за все свои лагерные каникулы привычки к труду, станет ли потом подросток работником в высоком смысле слова? Ответ на этот вопрос вряд ли следует сводить к «нет» или «да». В разных случаях возможно и то, и другое. Но при всем том нельзя не признать: лагерь, где даром преподносятся хлеб и зрелища и где ничего не требуется взамен, из лета в лето не может не калечить ребенка. По сути своей созданная в стране система ПИОНЕРЛАГА является системой питомников, где плодятся психология безделья и потребительства и где, стало быть, закладываются начальные мотивы преступности.

Как реформировать ПИОНЕРЛАГ, судить специалистам. Нам, дилетантам, и изнутри, и со стороны определенно видится лишь то, что реформа его необходима позарез.

ГОСУДАРЩИНА

Если в пионерских лагерях производительная работа — персона нон грата, то в летних лагерях труда и отдыха школьников она особа царствующая: любишь не любишь, а поклоняться обязан. Первый тип лагерей вытравляет из пионера естественную потребность трудиться, второй тип — как бы призван эту потребность у пионера, дозревшего до комсомольца, насильственно реанимировать.

Обыкновенно ЛТО начинается с договора, заключаемого зимой между руководителями школы и колхоза. Школа обещает поставить в работу такое-то число детей, колхоз обязуется создать им вот эдакие-то условия. Договаривающиеся стороны бьют по рукам, мнением самих детей почти не интересуясь. Ученики седьмых и восьмых классов обязаны выполнять летние практические работы и, стало быть, должны соглашаться на все, что велит школьная администрация. Ученики девятого класса, отработав обязательную практику на предприятиях и в учреждениях, заступают в летний лагерь «добровольно». Не проявить «добровольность» сложно. Когда после беседы с Мишей Харченко я приехал в 36-ю белгородскую школу и полюбопытствовал у девятиклассников, есть ли среди них не жаждущие побывать в ЛТО, то, прежде чем они успели открыть рты, со стула вспорхнула организатор внеклассной работы: «А как мы можем устранимся от сельхозработ? Кушать нам всем хочется, и каждый из нас должен помогать области с заготовкой кормов». «Но, — попробовал я молвить, — у каждого есть и право самому распоряжаться своим временем». «Кроме прав, — в голосе организатора звякнул металл, — у всех нас есть еще и обязанности». Устоять перед такой агитацией немногие девятиклассники способны: каждому из них ведь уже пора думать об экзаменах и рекомендациях в вузы да техникумы.

Трудовая повинность, исполняемая городскими учениками в ЛТО, внешне напоминает незабвенную российскую барщину. Да, учеников принуждают к труду. Да, они не вольны в выборе работы — делают то, на что согласна школьная администрация. Да, у них почти нет материальной заинтересованности в результатах труда: предлагаемая им работа обычно дает лишь грошовый заработок. Что и говорить, сходство с барщиной заметно. Но есть и одно выразительное отличие: ученик не приносит дохода.

Если к стоимости расходов на содержание ЛТО (аренда помещений, белья, инвентаря, кухонной утвари) прибавить расходы на питание учеников и всего персонала лагеря да приплюсовать сюда же зарплату, выплачиваемую работникам столовой и солидному штату лагерных воспитателей, то получится сумма, которую сумма новой стоимости, создаваемой руками ребят, не превысит — даже работай они не четыре часа в день, а круглые сутки. Нет и нет: ученическая повинность в ЛТО — вовсе не горькая барщина, а уникальная, невиданная еще форма труда — счастливая детская государственщина: неволя ребенка, она тем не менее обеспечивает ему безмятежное существование.

Курс принудительной трудотерапии у семи-восьмиклассников длится четыре часа в день, у девятиклассников — шесть. Все ребята безболезненно его выдерживают. Даже самые слабые. Напрягаться ведь из всех сил необязательно. Главное на работе — не вызвать недовольство учителей-надсмотрщиков. Ну, а шум они поднимут, так тоже ничего страшного: из лагеря не выгонят — не затем зазвали, чтоб выгонять.

Конечно, две-три недели в ЛТО проходят для учеников не без пользы. Они уезжают домой с окрепшими мышцами, а если повезет на погоду, то и с загаром, с новыми впечатлениями от общения с природой и друг с другом. Но вряд ли можно даже подозревать, что лагерь хоть как-то развил у них трудолюбие и сноровку, инициативу и деловую хватку. Подготовке работника ЛТО не служит и служить будет не способен — до тех пор, пока ученики не станут выезжать на село вольнонаемными тружениками.

Как видится мыслящим педагогам замена принудработ вольным наймом? Колхозу нужны 50 пар детских рук. Заполучить их без учительского нажима он может, лишь гарантировав всем школьникам высокую зарплату при высокой отдаче каждого. Следовательно, колхозу придется думать: как сделать труд ребят наиболее производительным, как избежать простоев, оборачивающихся выплатой неустоек. И ученики также вынуждены будут ломать головы: как выполнить договорные работы качественно, в полном объеме, в установленный срок, чтобы не растерять свою зарплату?

Выплаты из общественных фондов на содержание лагеря, достаемые ныне ребятам как неведомо чей дар, они при вольном найме должны получить в виде сумм в чековой книжке. Часть этих денег ученики отчислят за аренду помещений, а остальным распорядятся по своему усмотрению. То есть сами вместе с родителями решат: сколько в ЛТО держать воспитателей и работников кухни, какую сумму тратить на питание, спортивный инвентарь и прочее. Сэкономленное, разумеется, идет в карман. Будущий работник немыслим без умения вести счет деньгам!

ГДЕ УЧИТЬСЯ НА КРЕСТЬЯНИНА!

«В нашей школе я самый сильный игрок, — предупредил меня пятиклассник Ваня по фамилии Грозный, когда сели мы с ним за шахматную доску. — Никому не проигрываю, ежели красотой игры не увлекаюсь».

Партия началась. Забаррикадировав пешками центр поля, Ваня подсунил мне коня в качестве соблазняющей жертвы и в дебюте замахнулся на мат этуфе. Мыслил мой противник быстро, оригинально, и я тогда думал, что в этой крохотной восьмилетке, куда

завела меня невзначай служебная надобность, Ваня, наверное, не только сильнейший игрок, но и лучший ученик.

Догадка не подтвердилась. Успехами в учении на общем фоне школы Ваня не блистал. Но в своем классе он лидером являлся бесспорным — и в учебе, и в прочих деяниях, ибо был сам себе и старостой, и звеньевым, и председателем совета отряда: пятый его класс состоял из единственного ученика — Вани Грозного. Других пятиклассников в деревне не водилось, и Ваню учили одного, тратя на него в год 1440 рублей. Восемилетнее его образование обходилось в 11 тысяч 520 рублей.

Любому учителю, взрослому в многолюдном классе и обученному в вузе преподавать по методикам, рассчитанным на 35—40 ребят (иных методик у нас просто нет), психологически тяжело работать с одним учеником. Чем уже круг лиц в классе, тем меньше межличностных контактов и меньше возможностей передавать знания ученику через его сверстников. Кроме того, малолюдые на уроке — это минимум учебных и житейских ситуаций, однообразие, понижающее эмоциональный дефицит общения. Учитель в этом случае испытывает острый дефицит душевного подъема, ученики быстро надоедают ему, а он сам так же быстро надоедает ученикам.

Короче говоря, Ване учиться было несладко. Так надо ли на него тратить в 6—7 раз больше, чем на паренька из соседней деревни, который учится в десятилетке с полной наполняемостью классов?

Вопрос этот был поставлен в моих газетных заметках. Большинство откликнувшихся на них читателей ответили: не надо, карликовые восьмилетки следует закрыть.

С письмами читателей я пошел к тогдашнему первому заместителю министра сельского хозяйства РСФСР В. Горяшину. Его мнение было совершенно иным. «Учение Вани Грозного, — сказал он мне, — стоит, конечно же, дорого — 11 тысяч 520 рублей за восемь лет. Но его мама-дойрка и папа-пастух за это время производят продукции на 179 тысяч 200 рублей». Сравним первую и последние цифры. Сохранение малокомплектной школы, нужной детям и родителям из небольших деревень, экономически оправдано. Далее Вениамин Алексеевич заметил: «Школа в малом поселении важна для сельскохозяйственной экономики не только сегодняшнего, но и завтрашнего дня. Если Ваня Грозный и его сверстники — односельчане будут учиться в интернате, а домой станут приезжать лишь на каникулы, то вряд ли они захотят потом связать свою судьбу с родной деревней. Жизнь показывает: закрепление молодежи в селах может быть успешным лишь тогда, когда молодой человек с детских лет чувствует себя не гостем, а хозяином земли, на которой родился».

Зачем я вспоминаю сейчас это давнее интервью с бывшим руководителем российского села? Дело в том, что в нем четко выражены два популярных мифа: школа крепит сельскую экономику; деревенский ученик наследует, как хозяин, землю, на которой он родился и вырос. И если второй миф нынче помаленьку развеивается (какие могут быть в колхозе или совхозе хозяйские права у крестьянина?), то первый — и по сей день крепко сидит в умах: великое множество людей все еще верит в возможности сельской школы не опосредованно, через передачу знаний, а напрямую помогать развитию сельхозпроизводства, поставляя ему готовых работников. В действительности же, взяв на себя функцию, не свойственную общеобразовательному учебному заведению, готовить

крестьянина-работника, сельская школа лишь наносит урон производству.

У любого сельского жителя приусадебный участок — ценность превеликая. Он и кормит семью, и доход порой приносит солидный. И ни один деревенский подросток от работы на участке, естественно, не освобождается. И ни одна мать, когда сын и дочь, скажем, окучивают картошку или прореживают свеклу, не присматривает за ними: хорошо ли работают? Безусловно, хорошо. А вот когда эти же дети, поднаторевшие в тяпани на своем огороде, приходят полоть свеклу на поле ученической производственной бригады (УПБ), то к ним непременно приставляются учителя. Два, а то и три педагога изо дня в день контролируют каждый шаг ребенка на поле любой УПБ. Почему? Не будет контроля — не будет качества работы, ибо приусадебный участок для ученика свой, а поле чужое, то есть колхозное. Ну, а можно ли и поле сделать своим? Могут ли сегодня школьники, взяв в аренду землю и технику, получив кредиты на производственные расходы, вырастить свою собственную продукцию и продать ее затем колхозу или государству? Теоретически да. Практически нет. Согласно закону ученик может работать с техникой лишь с 16 лет и только под руководством наставников — даже если он способен управляться с трактором или комбайном так же, как и с велосипедом. Искусственное ограничение ребячьей самостоятельности — не единственное препятствие. Арендовав землю, школьники окажутся перед необходимостью круглогодичной работы — надо и снегозадержание проводить, и вывозить удобрения, и готовить технику и семена, и подкармливать озимые. Совместить все это с обучением в классах, то есть придать учебному коллективу еще и функции коллектива производственного, значит порушить все, весь учебный процесс. Кроме того, в арендной ученической бригаде, состоящей, скажем, из 100 ребят, непросто наладить учет труда, определить вклад каждого в конечный результат.

Все существующие ныне в городе и в деревне формы трудовой подготовки учеников лишь отвращают их от труда. Так было и есть. И в этом немаловажная причина отставания нашей экономики. Собранные в лагеря и бригады, поставленные в работу под надзор, лишенные материальной заинтересованности, советские школьники помимо своей воли оказываются в положении нахлебников, не способных даже частично себя содержать. В отличие от своих сверстников на Западе, где ради заработка вкалывают даже дети миллионеров, наши ребята начисто лишены возможности пройти ту школу, которая необходима для работы на уровне мировых стандартов, школу предприимчивости, прилежания, трудовых навыков. Сохранение детского труда и отдыха в нынешних их видах программирует отставание советской экономики и в будущем. Неужто мы и сегодня не сделаем выводов?

Н. АНИСИН

НАЗАД К ЖЕСТОКОСТИ?

ОБЗОР ПИСЕМ

В № 10 и 11 нашего журнала за 1989 год были опубликованы подборки писем читателей, продолживших дискуссию, которую для краткости можно назвать «за» и «против» смертной казни. И вот, как говорится, не успела просохнуть типографская краска, а в редакцию уже стали поступать новые письма на эту тему. Сотни читателей пожелали высказаться по данному вопросу. И настрой большинства, скажем прямо, поразил нас своей жестокостью. Вот что пишет на сей счет двадцативосьмилетняя рабочая из города Перми Анисимова: «Разгул преступности порождает наша никому не нужная гуманность». И сообщает, даже с гордостью: «Я с удовольствием пошла бы в «палачи». Н. Иванова из города Омска гораздо старше, ей уже исполнилось 60 лет. Она тоже предлагает свои услуги для приведения приговора в исполнение: «У меня не дрогнула бы рука убить убийцу или насильника». Жительница города Тбилиси И. Воронцова: «Выродков казнить мало. Их надо публично подвергать мученической смерти». А. М. Горелик из Биробиджана советует «казнить, как Степана Разина, принародно». В. Исаченко из Чернигова сообщает, что он за ужесточение законов, потому что «с нашим народом иначе нельзя». Его поддерживает В. Шевцова из города Липецка: «Умоляю вас,— пишет она,— всеми средствами ведите борьбу за смертную казнь. Наш народ добра не понимает». А. Кондрашов из города Куйбышева советует законодателям брать пример с «животного мира, где некоторые виды всю свою нечисть сами уничтожают». Поселенцевá из г. Иваново тоже дает совет: «Убивать преступников, как скотину, током. Они ведь и есть скоты». Лапин из города Краснодара утверждает: «Я с открытым лицом на площади при всем честном народе четвертую эту мразь». Далее в своем письме он предлагает: «Не нужно иметь штатных палачей. Их функции могут взять на себя добровольцы, особенно из числа родственников пострадавшего или погибшего, из нашего рабочего класса». Товарищ Лапин убежден, что «против смертной казни меньшинство советских людей. Я бы их отнес всех без исключения к врагам перестройки, которые маскируются высокими и красивыми фразами о гуманизме».

А что же с ними делать? С гуманистами-то? «Не принимать во внимание все их рассуждения и предложения»,— считают некоторые наши читатели. Другие же полагают, что их самих всех... надо «ставить к стенке»! Потому что, по мнению К. Иванова из Мелеуза, «эти люди связаны с уголовным миром либо подонки, сочувствующие преступности».

Первой в число «подонков-гуманистов», подлежащих расстрелу за свои убеждения, кое-кто из наших читателей ставит К. Степанову из г. Москвы, автора письма, опубликованного в № 10 журнала за 1989 год. К слову сказать, ей «также от души желают, чтобы она почувствовала, что значит изнасилован или истерзан, замучен до смерти ее близкий человек». Так за что же приговаривают К. Степанову к высшей мере наказания и «просят бога и всех святых, чтобы негодяи лишили жизни хотя бы одного ее родственни-

ка», радетели смертной казни? За то, что она задумалась над судьбами тех, кому выпадает нелегкая обязанность приводить приговор в исполнение. Эту мысль многие посчитали настолько никчемной, пустой и вредной, что полагают полезным попросту упрятать К. Степанову в сумасшедший дом.

Вторым номером в списке гуманистов, подлежащих ликвидации, идет Н. Полочек из г. Львова. Он позволил себе написать в журнал письмо, в котором также высказался против смертной казни. Какие же доводы Н. Полочека вызывают гнев борцов с гуманизмом? Что судьи — тоже люди и, как все люди, увы, в решениях своих не застрахованы от ошибок. И те, кто призван исправлять подобные кровавые ошибки, бывает, причем не так уж редко, не замечают их. Ошибка становится трагедией. Виновные же в расстреле невинного отделываются чаще всего легким испугом.

Нравственна ли позиция Полочека в дискуссии о смертной казни? Безусловно. А вот его оппоненты так не считают. Тезис «лес рубят — щепки летят» настолько прочно укоренился в сознании людей, что стал неким постулатом, напрочь отвергающим сомнения в порочности. Т. Чайка из Днепропетровской области пишет: «У Сталина нужно кое-чему поучиться. Мама говорит, что тогда не было такого, как сейчас, что, мол, развели бандитов». Может, мама, мягко говоря, не совсем в курсе?

Бандитов, насильников, убийц было и при Сталине в достатке. Но вот смертных приговоров в их адрес при великом тиране выносилось куда меньше. А гнев свой несправедный у «отца народов» был сосредоточен не на уголовниках, а на политических противниках. Вот уж где не стеснял он себя выбором средств — конвейер смерти работал без остановок и промедлений. Подобный кое-кто из читателей предлагает нам запустить и нынче. Между тем еще К. Маркс пришел к выводу, что «история и такая наука, как статистика, с исчерпывающей очевидностью доказывают, что со времени Каина мир никогда не удавалось ни исправить, ни утешить наказанием».

Е. Дубровская из Томской области, как она сама пишет о себе, учительница с 30-летним стажем. Она с Марксом не согласна. «Воспитать легче, чем перевоспитать, — пишет она. — Они (преступники) учились в советской школе и ничему не научились. Таким только смертная казнь!»

По мысли автора письма, если школа с младенческих лет не смогла привить простые понятия — не убий, не воруй, — то следующим воспитательным средством непременно должен стать автомат. Так получается? А может, если следовать этой логике дальше, то против нерадивых, откровенно профессионально непригодных педагогов и воспитателей, из-под крыла которых в жизнь выпархивают убийцы и садисты, тоже использовать оружие? И как средство предотвращения брака в работе, и как средство репрессии, возмездия. Вы нам преступника, а мы вам пулю в лоб... Может, тогда переведутся плохие учителя и будут воспитывать детей не за совесть, а за страх?

Между тем о том, что страх перед наказанием — плохой воспитатель, давно известно науке, и не только педагогической. Опросы осужденных показывают, что лишь 12 процентов, совершая преступление, рассчитывали на безнаказанность. Остальные прекрасно знали, на что идут и чем это может им грозить в случае разоблачения. Криминологи считают, что доля заранее обдуманных убийств

колеблется в пределах 5—10 процентов. И наличие либо отсутствие в законодательстве как меры наказания смертной казни никакого воздействия на количество убийств не оказывает. Иначе говоря, синдром страха, на который так уповают многие читатели, не срабатывает.

«Против смертной казни выступают люди, которые никогда напрямую не сталкивались с преступным миром,— считает О. Задорнов из г. Сумы.— Со стороны всегда легче гуманизировать. Им нечего переживать, что в них воткнется нож или поразит пуля». Они что, по мнению автора письма, не ходят по улицам или носят бронежилеты?

В. Кошин живет в Ленинграде и особой какой-то охраной от преступников не обеспечен. Тем не менее он пишет: «В блокадном Ленинграде полагался расстрел на месте за практически любое преступление. Преступность все же оставалась. Кто может привести пример из истории человечества, когда ужесточение закона привело к ликвидации преступности как таковой? Народ в таких случаях был запуган, забит, задавлен. Нередко наказывали и невиновных. А преступники тем не менее были и даже процветали — запуганных и забитых грабить проще». Добавим от себя — и убивать тоже!

По сути дела, по мнению многих и многих специалистов, посвятивших изучению смертной казни не один год, ее вряд ли можно рассматривать даже как наказание. Ведь главная функция наказания — принуждение к определенному поведению. Для того чтобы наказание являлось наказанием в подлинном смысле слова, должен быть человек, которого мы принуждаем к определенному поведению. Интересно, кого принуждаем расстреливая? Других? А другим на это наплевать!

Кровь за кровь... Просто, как в первобытном обществе. Но мы-то уверяем всех и себя в первую очередь, что давно сменили шкуры на цивилизованные одежды, изменились не только внешне, но и внутренне, стали богаче разумом. И разве не на нас лежит вина, что мы расстреливаем по принципу око за око, не зная иного пути воздействия, кроме репрессий?

Виноват — отвечай... По этому принципу построено репрессивное законодательство. Но ведь, помимо вины конкретного преступника, есть еще и вина общества как перед жертвой преступления, так и перед самим преступником. И об этом никак нельзя забывать!

Характерно в этом отношении письмо военнослужащего О. Зуева: «В течение длительного периода наше общество совершало и совершает ошибки, а затем мужественно, с напрягом преодолевает их последствия. Но уже сейчас мы подошли к такому рубежу дефицита совести и чести, переход которого грозит жуткими, неисчислимыми бедами. Из 280 миллионов песчинок россыпью монолита не получится, если не будет крепкого связующего прав и обязанностей».

К сожалению, чаще вспоминают о правах и обязанностях граждан. Но ведь обязанности есть и у общества, и у государства. А если оно не выполняет их? Все, что оно недоделало, недодало — это и есть его вина.

Каждый вправе рассчитывать на защиту со стороны государства своих жизни, чести, имущества от преступных посягательств. Рассчитывать не только потому, что такая защита обещана государством

всем гражданам, но и потому, что такая защита гражданами оплачена. Иначе говоря — нас защищают за наши деньги. И защищают, согласитесь, весьма неважно. Примеров тому предостаточно... Раз за разом ходит женщина к участковому, жалуется на соседа-хулигана. Но стражу порядка все недосуг зайти и разобраться, если надо, привлечь распоясавшегося к ответственности. Что в итоге? Вполне допускаю, что во время очередного скандала та же соседка схватит кухонный нож и убьет обидчика. К расстрелу ее? Наши оппоненты скажут «да»?

Родители — пьяницы, им нет дела до воспитания ребенка... Нет дела до него и соседям, и в школе махнули на него рукой. Растет человек в озлобленном мире, сам озлобляясь до предела в подворотне. Там же, в подворотне, драка со сверстниками, у пострадавшего перелом основания черепа. Безутешные родители требуют смертной казни для нанесшего роковой удар... А может, надо подготовить на скамье подсудимых еще кое-кому место? Может, это и справедливо будет?

Страх перед казнью, по мнению ее ревнителей, должен стать тормозом на пути эскалации преступности. Но может ли дисциплина покоиться на страхе? Вот вопрос. В тридцатых годах нынешнего столетия в одной европейской стране легко и просто решили проблему борьбы с безбилетниками. Решили проблему, с которой мы безуспешно боремся десятилетиями. По оценкам экономистов, безбилетников у нас от 30 до 50 с лишним процентов от общего числа пассажиров общественного транспорта. Так вот, в той стране однажды выгнали из трамвая всех пассажиров и проверили билеты. Тех, у кого билетов не было, не мудрствуя о наведении порядка иными способами, расстреляли тут же, у трамвая. Было это, между прочим, в фашистской Германии...

Уже семьдесят с лишним лет идет у нас в стране стрельба по живым мишеням. Короткие передышки от нее не в счет. Общественное сознание уже давно не содрогается, узнав о новых случаях расстрела. Не удивляется ни самому этому факту, ни тому, что до него дело дошло. Одним больше — одним меньше! Ценность человеческой жизни, таким образом, сведена к нулю... Интересно, какой суд возьмется проанализировать всю цепочку явлений и событий, приведших к убийству, и только потом вынесет вердикт о виновности всех конкретно причастных к нему лиц, а не только констатирует виновность самого убийцы?

Вот Ю. Шляхов из Перми пишет: «Наивностью было бы думать, что после отмены смертной казни преступники, приняв во внимание этот акт милосердия, станут более благородными и начнут меньше убивать, красть, грабить, а то и вообще «завяжут». Это абсурд!» Увы, отнюдь не абсурд. Такое уже случалось в нашей истории. Даже после войны, в 1947 году, смертная казнь отменялась. И ничего, обошлось без всплеска преступности. По крайней мере убивали и грабили тогда куда меньше, нежели сейчас, когда закон грозит смертной карой. И темпов роста преступности, подобных нынешним, не было!

Может, оттого легче общественному сознанию со смертной казнью, что несет она в себе черты некоей законченности события. Было, дескать, преступление, злодея изловили, приговорили, ликвидировали. Конец... И другого так же, и третьего... Но почему-то мало задумываются над тем, как бы сделать так, чтоб не появились у нас и первый, и второй, и третий... И все остальные, им подоб-

ные. То, что свершилось, оно на виду, и душа спокойна. Но болезнь не снаружи, она как рак: отсечен пораженный орган, но излечения нет и наступит вряд ли.

Оксана, 16-летняя девушка из Красноярска, советует: «Вешать преступников вниз головой под огнем, чтоб они почувствовали, что такое боль. Ведь в них уже не осталось ничего человеческого. Таких щадить нельзя». Оставим на совести автора свойственный юности максимализм. И зададимся вопросом, почему максимализм не проявляется во всем. Как мирится юная душа, да и не очень юная, со смертью старушки в соседнем подъезде от истощения, той старушки, которая отдала богу душу до срока потому, что пенсия мизерная и витаминов, да-да, витаминов А, В, С... и каких там еще, не на что было купить. Слышала ли Оксана о смерти старика от переохлаждения, потому что ему, немощному, не подвезли вовремя дрова. Кто и чем ответит за эти преступления перед жизнью? Общество в целом, или найдем конкретного виновника? Скорее не найдем, а общей вины не прочувствуем.

Увы, юной Оксане, может, невдомек, что главную предупредительную в борьбе с преступностью роль играет не жестокость, а неотвратимость наказания. Чтобы каждый виновный нес ответственность перед обществом. Чтобы скрыться от этой ответственности не мог никто — ни воришка, укравший впервые, ни матерый жулик, добывший преступным путем миллионы.

Вдумайтесь только: сотни тысяч преступивших закон находятся среди нас, разысканные и неразоблаченные. Они в бегах от закона. И будут в бегах неопределенно долго, поскольку система их поимки несовершенна. Будут ли они бояться наказания, зная, что от него легко ускользнуть и можно преспокойно жить среди порядочных людей, не опасаясь, что преступную шкуру продырявит меткий выстрел?

Пугаться наказания будут тогда только, когда в каждом человеке, в милицейской ли форме, в прокурорском ли мундире, будут видеть по меньшей мере отечественного Мегрэ, когда каждый не только подходным налогом, но и совестью своей защитит себя, соседа, прохожего от преступных посягательств.

Л. ПЕТУХОВА

КОММЕНТИРУЕТ ПРЕСС-ЦЕНТР МВД СССР

**Ведет рубрику полковник внутренней службы,
кандидат юридических наук Б. МИХАЙЛОВ.**

Второй Съезд народных депутатов специально рассмотрел вопрос об усилении борьбы с организованной преступностью, заслушав доклады министра внутренних дел СССР В. Бакатина и Генерального прокурора СССР А. Сухарева.

Съездом принято соответствующее постановление, определившее организационные и правовые меры по усилению борьбы с этим негативным явлением. **Сегодня мы прокомментируем статистические данные, характеризующие роль подразделений БХСС и следственного аппарата, их вклад в выявление и разоблачение организованных преступных групп.**

Известно, что один из важнейших аспектов борьбы с организованной преступностью — наращивание усилий по пресечению преступлений в сфере экономики. Ежегодно правоохрнительными органами выявляется 260—280 тысяч таких преступлений, разоблачается до 300 тысяч лиц, их совершивших, а сумма установленного ущерба превышает 250 миллионов рублей. Практически любое совершаемое более или менее крупное хищение, должностное и хозяйственное преступление носит элементы организованности.

Наибольшую распространенность среди экономических преступлений приобрели **хищения государственного и общественного имущества**, совершаемые путем присвоения, растраты либо злоупотребления служебным положением. Их доля в структуре экономической преступности достигает 30—35 процентов.

В прошлом году пресечены крупные замаскированные хищения в агропромышленном комплексе, строительстве, автомобильной и легкой промышленности, торговле, бытовом обслуживании, других отраслях народного хозяйства практически во всех регионах страны.

Тревогу вызывает повышение уровня организованности расхитителей, использование ими в преступных целях межрегиональных связей. Каждый пятый занимался хищениями в составе преступных групп.

Крупным хищениям сопутствуют факты взяточничества. Так, в Казахстане разоблачена группа должностных и материально ответственных лиц, ряд лет занимавшаяся хищениями. Они фальсифицировали документы на сбор и сдачу в переработку хлопка-сырца. Сумма хищений и взяток составила около трех миллионов рублей.

Все более острой становится проблема борьбы со спекуляцией. В условиях растущей неудовлетворенности потребительского спроса масштабы спекуляции приобретают угрожающий характер. Несмотря на изменения законодательства, в соответствии с которыми в разряд административных нарушений переведена почти треть вскрытых фактов спекуляции, количество уголовных преступлений этого вида практически не уменьшилось. Зарегистрировано более

сорока тысяч таких случаев, что лишь на 0,9 процента ниже, чем в 1988 году.

Возрастает уровень организованности спекулянтов. Происходит разделение сфер их деятельности. Перекосы в распределительном механизме активно используются для извлечения наживы. Опасные организованные группировки спекулянтов, занимающихся перепродажей крупных партий продовольствия и промышленных товаров, разоблачены в Москве, республиках Прибалтики, Закавказья, на Украине, в Ставропольском крае, Омской, Кемеровской, других областях РСФСР. За совершение крупных спекулятивных сделок привлечено к уголовной ответственности 8 тысяч человек, у которых изъято товаров и ценностей более чем на 15 миллионов рублей.

Принимаемые в соответствии с постановлением Верховного Совета СССР от 4 августа 1989 года меры позволили активизировать работу аппарата БХСС по борьбе с проявлениями организованной преступности. За август — ноябрь прошлого года по сравнению с аналогичным периодом 1988 года число выявленных хищений в крупных или особо крупных размерах возросло на 23,5 процента, фактов взяточничества — на 4,4 процента.

В то же время сосредоточение основных сил службы БХСС на этих направлениях, сопровождающееся вынужденным отвлечением части работников на мероприятия по поддержанию общественного порядка во время массовых митингов, демонстраций, межнациональных конфликтов, не позволило обеспечить наступления по всему фронту борьбы с экономической преступностью. Общее количество выявленных преступлений в сфере экономики несколько снизилось.

Эффективность борьбы сдерживается наличием и других причин. В их числе неоднозначные колебания правоприменительной практики, несовершенство уголовного и уголовно-процессуального законодательства, слабая техническая оснащенность оперативных служб. Нуждается в улучшении и практическая деятельность аппарата БХСС.

Расследование уголовных дел, связанных с организованной преступностью, становится одним из приоритетных направлений деятельности следственного аппарата МВД. С июня 1989 года введена специализация по расследованию таких дел. В докладе В. Бакатина на Съезде названо число следователей (1700), специализирующихся на расследовании наиболее сложных преступлений, совершаемых организованными группами. Созданным в соответствии с этой специализацией отделом ГСУ МВД СССР совместно с Управлением по борьбе с организованной преступностью выявлена разветвленная группа дельцов-расхитителей из различных кооперативов и лжекооперативов («Теллур», «Тайфун-2» и ряда других). Об этом деле упоминалось на Съезде, поскольку оно характерно для нынешней обстановки. Используя Закон о кооперации в СССР, который разрешает кооперативам расчеты наличными деньгами без ограничения суммы платежей, дельцы «теневой» экономики с помощью подкупа банковских работников перекачивают безналичные средства (в том числе и банковские кредиты) в наличные. Такая практика создает благоприятные условия для разных злоупотреблений, подрывает основы финансово-кредитной системы государства.

Не случайно в постановлении Съезда по докладу Н. Рыжкова среди важнейших мер по финансовому оздоровлению и стабили-

зации денежного обращения указано на необходимость прекращения перелива денег из безналичного оборота в наличный.

Этим отделом совместно с Управлением по борьбе с организованной преступностью расследуется дело о хищении в особо крупных размерах коньяка на двух заводах Азербайджана и сбыте его в Саратовской области.

Разворачивается деятельность специализированных следственно-оперативных групп на местах. Следственным управлением МВД Киргизской ССР в тесном взаимодействии с отделом по борьбе с организованной преступностью расследовано и направлено в суд уголовное дело по обвинению в фальшивомонетничестве Исмаилова, ранее неоднократно судимого особо опасного рецидивиста, работавшего до ареста в реставрационных мастерских республиканского министерства культуры. У него изъяты фальшивые двадцатипятирублевые купюры, а также клише, краски, бумага, инструменты и приспособления для их изготовления.

При расследовании межрегионального дела о хищении фондируемых строительных материалов следственным управлением УВД Ташкентского горисполкома установлено, что сбыт похищенного осуществлялся под прикрытием кооперативов. Государству причинен ущерб на 114 тысяч рублей.

Министерством внутренних дел принимаются дополнительные меры по повышению профессиональной компетентности сотрудников, отработке современных приемов и способов раскрытия и расследования организованных преступлений, новых тактических форм и взаимодействия следствия, оперативных аппаратов и экспертно-криминалистических подразделений.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ—ГАИ

Инспектор ГАИ... Он всегда на виду. В любую погоду мы видим его на дорогах родного города, обращаемся к нему, чтобы узнать, как пройти или проехать до нужной нам улицы; объясняем ему, почему переходим дорогу в неположенном месте или на красный свет светофора. А уж те из нас, кто принадлежит к многочисленной армии водителей, общаются с представителями Госавтоинспекции еще чаще. Поэтому вполне можно сказать, что о деятельности этой службы органов внутренних дел большинство из нас знают не понаслышке. Что же мы думаем о работе ГАИ? Как оцениваем ее?

Мой собеседник — кандидат философских наук, подполковник милиции Н. Е. КАЛАЙТАН. Никита Евгеньевич возглавляет авторский коллектив ВНИИ МВД СССР, который изучал общественное мнение о деятельности некоторых служб органов внутренних дел, в том числе и дорожно-патрульной службе (ДПС) ГАИ. Результатам этого исследования и посвящена наша беседа.

— Итак, Никита Евгеньевич, как же оценивают граждане работу дорожно-патрульной службы ГАИ?

— В целом 32 процента опрошенных имеют положительное мнение о работе дорожно-патрульной службы ГАИ. 24 процента — отрицательное. Однако большое число анкетированных (40 процентов) затруднились ответить на этот вопрос.

— Получается, что не такого уж мы высокого мнения о работе ДПС ГАИ.

— К сожалению, приходится это констатировать. К тому же невысок и престиж инспекторов дорожно-патрульной службы ГАИ. Об этом свидетельствуют ответы на вопрос: «Посоветовали бы вы близкому человеку избрать профессию инспектора дорожно-патрульной службы ГАИ?» Положительно на него ответили 22 процента, отрицательно — 46 процентов. В затруднении оказались 30 процентов опрошенных.

— В чем же здесь причина?

— Думается, в данном случае в самих инспекторах ГАИ. При обобщении результатов опроса общественного мнения выяснилось, что особенно много нареканий на грубость сотрудников ГАИ, злоупотребление ими служебным положением, нарушения социалистической законности. Например, в соответствии с результатами опроса водителей более чем в 25 процентах случаев им удается избежать наказания за нарушение Правил дорожного движения, причем в ряде случаев с помощью взятки инспектору ДПС ГАИ. Более 48 процентов опрошенных считают, что меры административного воздействия, применяемые к ним сотрудниками Госавтоинспекции, далеко не всегда справедливы. Многие водители прямо отмечают, что нередко случаи вымогательства, превышения сотрудниками своих прав. Кроме того, 49 процентов опрошенных считают, что инспектора дорожно-патрульной службы ГАИ не очень хорошо знают Правила дорожного движения, а 9 процентов «ставят» инспекторам за их знания Правил неудовлетворительную оценку. К тому же 21 процент опрошенных не смогли дать четкого ответа на этот вопрос.

— Помимо этих, какие еще недостатки в работе дорожно-патрульной службы ГАИ отмечали анкетированные?

— Основным недостатком опрошенные граждане считают то, что принимаемые меры воздействия иногда не соответствуют степени опасности нарушения (36 процентов). 35 процентов считают, что не всегда быстро устраняются задержки движения транспортных средств. 29 процентов опрошенных отмечают, что при разборе допущенных нарушений допускается волокита.

На неопрятный внешний вид, нетактичность в общении с гражданами сослались 27 процентов анкетированных. О том, что не все нарушения фиксируются инспекторами, указали 14 процентов. 9 процентов опрошенных обращают внимание на неактивное выявление и пресечение нарушений Правил дорожного движения, а 5 процентов — на малочисленность инспекторов ДПС ГАИ на улицах и дорогах.

— Хотелось бы узнать, как ответили опрошенные граждане на вопрос о том, всегда ли решения инспектора ДПС ГАИ справедливы и объективны по отношению к участникам дорожного движения.

— Положительно на этот вопрос ответили лишь 5 процентов анкетированных граждан. 85 процентов ответили на него отрицательно. 8 процентов не смогли выразить своего мнения. Поскольку здесь очевидно наличие личного мотива, то задавался уточняющий вопрос:

«Считаете ли вы принятые к вам лично меры воздействия справедливыми?» Положительно на него ответили 11 процентов, отрицательно — 18 процентов. 44 процента считают принятые к ним меры не всегда справедливыми. 18 процентов не наказывались. Таким образом, неблагоприятная оценка выражена 62 процентами опрошенных граждан. Причиной этого, на наш взгляд, является низкая культура профессионального общения и морально-психологическая подготовка инспекторов ДПС ГАИ. Поэтому эта цифра в известной степени показательна, тем более что 19 процентов опрошенных воздержались от ответа.

— Известно, что безопасность движения во многом зависит от того, как оно организовано: проведена ли разметка на дорогах, везде ли, где необходимо, установлены дорожные знаки и светофоры и т. д. И это одна из обязанностей Госавтоинспекции. Как, по мнению граждан, ГАИ справляется с ней?

— Около 90 процентов водителей считают, что на дорогах встречается неправильная, не соответствующая реальным потребностям организации движения установка дорожных знаков. Причем четверть придерживающихся такого мнения водителей полагает, что это не случайно. По их мнению, движение нередко организуется заведомо неправильно, чтобы спровоцировать его участников на нарушение Правил дорожного движения, и, выявив это нарушение, инспекторам удастся создать видимость активности подразделений в надзоре за дорожным движением, а то и вынудить нарушителя откупиться от наказания.

Особый интерес в этом плане представляет мнение водителей об установке знака «ограничение максимальной скорости». 100 процентов опрошенных (3200 человек) считают, что им встречались ситуации, когда ограничение скорости введено необоснованно, причем 83 процента из них полагают, что в целом ряде случаев такое ограничение вводится умышленно, чтобы вынудить их нарушить Правила дорожного движения.

Интересны данные, полученные сотрудниками Института социологии АН СССР.

Они опросили 799 человек, проживающих в 11 регионах страны. Опрашивались две группы лиц: специалисты, связанные с обеспечением безопасности дорожного движения, и его участники. Многие из опрошенных усматривают в поступках инспекторов ДПС ГАИ не стремление к контролю за соблюдением Правил дорожного движения, а различные корыстные интересы. Лишь 5—8 процентов опрошенных, включая самих работников ГАИ, заявили, что практически злоупотреблений служебным положением с их стороны не существует; 40 процентов опрошенных автолюбителей считают, что подобные злоупотребления очень редки (среди сотрудников ГАИ такое мнение высказали 74 процента). Но 24 процента опрошенных участников дорожного движения и 7 процентов опрошенных работников ГАИ считают, что такая практика очень распространена.

Беседу вела Л. АЛЕКСАНДРОВА

В ПОИСКАХ СОБСТВЕННОСТИ

До недавнего времени мы искренне верили, что являемся полноправными хозяевами всего, что окружает нас в стране. Хозяевами фабрик и заводов, земли и ее недр, колхозов и совхозов, транспорта, банков, санаториев, школ... Словом, перефразируя известную песню — «...это все советское, это все мое!» И казалось, что именно это закреплено Конституцией СССР: «Основу экономической системы СССР составляет социалистическая собственность на средства производства в форме государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной собственности».

Да не тут-то было! На самом деле монополией «хозяйской» власти на социалистическую собственность обладала и обладает до сих пор та самая пресловутая административно-командная система, которую мы должны преодолеть в процессе перестройки. Обладает в сочетании с монополией политической власти, с присущими этой системе «силовыми» нормами, уравниловкой. А по отношению к основной массе народа, трудящимся эта собственность оканчивается «ничейной».

«Мое» — и «ничье»... Не в этом ли парадоксальном сочетании кроется одна из главных причин бесхозяйственности, безответственности, мелких и крупных хищений, развала экономики как отдельных предприятий, так и страны в целом? Впрочем, разговор не об этом. Хотя это и имеет очень большое значение.

Разговор же о том, как сделать, чтобы социалистическая собственность перестала быть «ничейной». Как каждого из нас превратить в подлинного ее хозяина, собственника всех богатств нашей страны? А чтобы решить эту задачу, надо прежде всего разобраться в самой сущности социалистической собственности.

Прежде всего ясно, что социалистическая собственность по сути своей может возникнуть и утвердиться только в форме государственной собственности, то есть как централизованная, отчужденная от конкретных людей, обезличенная, «ничейная». Это и произошло в результате Октябрьской социалистической революции, которая ликвидировала эксплуатацию человека человеком, частную собственность на землю, на заводы и фабрики, на орудия и средства производства. «Весь мир насилием» был разрушен. До основания... Социалистическая собственность была создана, как говорится, средствами внеэкономическими и внеправовыми — экспроприацией, национализацией, конфискацией, общеобязательным планом, принудительным режимом труда и т. д. А затем? А затем надлежало использовать и развиваться она способна только в экономических и юридических формах, то есть как право определенного лица или группы (коллектива) лиц. Тут-то и заключает-

ся внутреннее противоречие социалистической собственности. С одной стороны, обезличенность, «ничейность», с другой — невозможность дальнейшего развития без права на нее людей. Причем не «вообще» людей, а людей конкретных, хозяев собственности. Но именно это противоречие всегда было и остается определяющим фактором всего нашего исторического развития. Всяческие попытки разрешить его — от нэпа до современной экономической реформы — кончались неудачами.

В чем же дело? Почему более семи десятков лет так и не удалось свести в одну упряжку «коня и трепетную лань»?

Ответ, в общем-то, простой. При всех различиях попыток разрешения противоречия у них есть одно общее: все они исходили из **государственной концепции социалистической собственности** и направлены на ее сохранение и усиление. Поэтому и кончались неудачами. Ведь именно к «ничейности» и ведет **огосударствление собственности**. А чтобы противоречие преодолеть, надо покончить с «ничейностью» социалистической собственности. Что там ни говори, а одним из наиболее фундаментальных прав человека является индивидуальная собственность. И без этого права все остальные права лишаются своей полноты и необходимой гарантии. Может, тут-то и вспомнить народную мудрость о своей рубашке, которая «ближе к телу»? Или что «всякий дом хозяином красится»?

И вот стоило нам выявить причину неудач разрешения внутреннего противоречия социалистической собственности, как тут же открылся естественный путь решения этой, казалось бы, неразрешимой, задачи. Путь этот в том, чтобы освободить социалистическую собственность от того, что сковывает ее дальнейшее развитие — **государственной формы**, и в то же время придать ей такую форму, которая развивала бы ее социалистическую природу в соответствии с принципом равенства всех членов общества в отношении всенародного достояния. А это предполагает признание и защиту индивидуального права собственности каждого члена советского общества на причитающуюся ему равную, одинаковую для всех граждан долю общенародного достояния. Поскольку же обладать такой индивидуальной собственностью должен каждый советский гражданин, ее справедливо назвать **гражданской собственностью**.

Понятие это для нас новое, да и внутренняя сущность его тоже новая. Казалось бы, какая разница? Ведь как при государственной собственности, так и при гражданской собственниками общенародного достояния являются все. А разница есть! И весьма существенная. Потому что в первом случае «все» — это все вместе и никто в отдельности, во втором же — «все» — это каждый: я, ты, он, она, они.

Таким образом, индивидуальная гражданская собственность — это равная доля каждого в общей собственности всех граждан на общенародное достояние. Нет-нет! Общенародное достояние не дробится на части и не выделяется из общей массы имущества! Оно по-прежнему сохраняется в своей целостности.

Просто каждый гражданин вместе и наравне с другими становится как бы полноправным владельцем акции на равную долю их общей собственности. И каждый такой собственник-«акционер» имеет, в частности, право на то, чтобы не косвенно (через государственные фонды), а прямо (скажем, непосредственно из цент-

рализованного гражданского финансового фонда) получать равную долю с другими от всех выплат за все формы использования их общей собственности — всех государственных средств производства, земли, воды, полезных ископаемых и т. д. Государству при этом останутся только обычные налоги, а также те объекты и средства, которые необходимы для осуществления его функций как субъекта политической власти, а не как собственника.

Думается, что такое разъединение политической власти в лице государства и конкретных собственников-граждан создаст необходимые условия для утверждения и реализации прав и свобод советских людей, перехода от всевластной административно-командной системы к правовому государству. Любой другой вариант «разгосударствления» социалистической собственности оставит «командные высоты» в политике и экономике за административно-командной системой. А все допускаемые при этом новые формы хозяйства будут неизбежно носить лишь вспомогательный и временный характер.

Чтобы еще глубже понять сущность права собственности, вспомним, что право в целом — это всеобщая нормативная форма, которая выражает принцип формального равенства людей в общественных отношениях. А если мы признаем формальное правовое равенство фактически различных людей, — значит должны признать их свободу и независимость друг от друга. Таким образом, право — это равная для всех мера (норма) свободы. Но ни в коем случае не надо думать, что всеобщее равноправие — это уравниловка. Отнюдь. Равное для всех членов общества право на гражданскую собственность, как и всякое право, — это антипод, противоположность уравниловки. Ведь уравниловка — это совсем не равенство, а привилегия худших перед лучшими. И равная доля собственности относится лишь к **гражданской собственности**. В остальном же собственность у разных членов общества будет, конечно, различной.

Переход от государственной социалистической собственности к гражданской возможен лишь при социализме. И в этом заключено наиболее веское доказательство того, что у социализма есть свое особое будущее как путь вперед, а не назад или в сторону, что жертвы и муки строителей нового общества не были напрасными.

Социализм с гражданской собственностью, который наступит после социализма с государственной собственностью (может быть, назвать его **постсоциализмом?**), ничего общего не имеет с капитализмом. Это дальнейший шаг вперед, прогрессивное преобразование социализма на подготовленной им самим основе. И такой основой является социалистическая общенародная собственность.

В условиях перестройки возникли и развиваются новые формы хозяйствования: хозрасчетные государственные предприятия с разными моделями хозрасчета, аренда, кооперативы, семейный и иные формы группового подряда, индивидуальная трудовая деятельность и т. д. Все они развиваются с разной интенсивностью, имеют значительные различия между собой. И в то же время у всех этих форм есть и нечто общее: в своей экономической сути они выражают начавшийся переход от «ничейного» имущества к индивидуализированной собственности, т. е. собственности отдельного лица или группы лиц. И это уже не прежняя «личная собственность», имеющая лишь потребительский характер, а соб-

ственность производственная, приносящая прибыль. В одних случаях эта новая собственность пока еще находится в зачаточном состоянии, хотя при благоприятных условиях и может получить мощное развитие. Это относится, например, к так называемой хозрасчетной собственности членов трудового коллектива на государственных предприятиях. В других случаях развитие новой собственности идет более интенсивно, например в кооперативах, при аренде, индивидуальной трудовой деятельности. Однако при этом из-за колебаний в экономической политике и отсутствия необходимых гарантий стабильности новых форм хозяйствования пока еще преобладает направленность на «проедание» своей собственности, которая выражается в виде больших фондов оплаты труда и социального развития коллектива и выделения минимальных фондов развития. И все же в целом фонд накопления растет и новая собственность увеличивается.

Такая негосударственная, как личная, так и групповая товаро-производящая собственность, с точки зрения политэкономии, является частной. Но дело, конечно, не в названии.

Более существенно другое: сам факт появления у части членов общества личной и групповой собственности, производящей товары и приносящей прибыль. С этим связано и групповое или личное обогащение новых собственников. Более того: возможность такого обогащения прогрессирует. Вот и получается, что одни члены общества становятся новыми собственниками со всеми вытекающими отсюда преимуществами. Другие же, а к ним относятся все те, кто не занят в новых формах хозяйствования и составляет подавляющее большинство населения — многочисленная группа работников в промышленности и сельском хозяйстве, основная часть интеллигенции и служащих, военные, дети, учащиеся, пенсионеры и т. д., — по существу, остаются на прежнем административно-командном режиме труда и уравнилельно-потребительских условиях зарплаты, стипендий, пенсий...

В то же время и сами новые формы хозяйствования оказались в двойственном положении. С одной стороны, их развитие явно тормозится приверженцами административно-командных методов. С другой — занимая «хозяйские» места административно-командной системы, новые формы начинают использовать в своих интересах возможности и выгоды своего положения. И, как правило, продолжают, а нередко и усугубляют такие пороки, как монополистические позиции на рынке, диктат над потребителем, взвинчивание цен без улучшения качества товаров и услуг, «вымывание» дешевых товаров, расцвет вульгарных форм первоначального накопления и т. п. Поэтому неверно было бы видеть в отрицательной реакции общественного мнения на высокие доходы кооператоров и индивидуалов лишь проявление зависти ленивых людей к богатству и успехам прилежных работников.

А теперь посмотрим, за счет чего же формируется новая собственность и связанные с ней высокие доходы? Да в основном за счет части «ничейного» имущества, государственной собственности, которая из общенародной превращается в индивидуальную. Правда, плата за все это в виде отчислений и налогов идет опять-таки в «ничейную» казну.

Другими словами, из того периода, когда все относились к общенародному достоянию как к «ничейному», одни члены общества выходят в новом качестве, с правом на индивидуальную собствен-

ность. Другие же остаются в прежнем уравнильно-потребительском положении. При этом право индивидуальной собственности становится привилегией лишь работников определенных, рыночно-хозяйственных сфер труда. Это, конечно, большая несправедливость и явное игнорирование принципа правового равенства всех членов нашего общества. И в этом, откровенно говоря, кровно заинтересована все та же административно-командная система, которая с помощью вынужденных частичных уступок старается сохранить в принципе властные полномочия в отношении «ничейного» имущества как базу для всех остальных своих полномочий. Ей грезится спасительное чудо — новое издание краткого курса старого нэпа.

К сожалению, сейчас широкое распространение получает представление, что поскольку всеобщее огосударствление собственности и ее отчуждение от людей привело к ее «бесхозности» и «ничейности», постольку необходимо передать все формы ее «хозяйского» использования отдельным лицам, группам, коллективам. В духе таких представлений вновь зазвучали лозунги: «фабрики — рабочим», «земля — крестьянам». Если следовать этой логике, то можно и продолжить: банки и финансы — банковским работникам, государственные должности — в собственность служащим, достижения науки и техники — ученым, медицину — врачам и т. д. Но ведь каждому ясно, что со всеми этими установками, восходящими к идеям «захватного права» и первичного овладения ничейным имуществом согласиться никак нельзя, потому что все это превратится в растаскивание социалистической собственности. А это, в свою очередь, может привести лишь к ее феодализации и дроблению на уделы.

Всей нашей историей доказаны несостоятельность административно-командной системы и необходимость «разгосударствления» социалистической собственности. Но в то же время надо постоянно иметь в виду, что при этом следует соблюдать права и интересы абсолютно всех членов общества. Ведь то, что называется государственной собственностью, одновременно является и общенародной. А если у государства нет своей, только ему принадлежащей собственности, следовательно, нет и права изменять по своему усмотрению статус общенародной собственности, нет права превращать те или иные ее объекты в собственность какой-то одной части общества. Именно поэтому «разгосударствление» социалистической собственности может быть правомерным и справедливым лишь при том условии, если будет охватывать всех без исключения членов общества в качестве равных обладателей права индивидуальной гражданской собственности.

В заключение хочу сказать, что предложенная концепция — принципиально новая. Она не укладывается в русло обсуждаемого ныне проекта Закона о собственности. Но, думается, разработка законопроекта и даже его принятие не должны закрыть для обсуждения эту ключевую для судеб социализма проблему. Ведь путь к истине долог и сложен.

В. НЕРСЕСЯНЦ,
доктор юридических наук,
профессор

ПЕНСИИ ПРОБЛЕМЫ ОСТАЮТСЯ

Новый Закон СССР о пенсионном обеспечении граждан в СССР ждут давно. Это и понятно. Ведь именно от него зависит повышение жизненного уровня пожилых людей, обеспечение им достойных условий существования. Проект Закона, предложенный для всенародного обсуждения, с этими задачами, в общем, справляется. Насколько успешно? Это сейчас является предметом оживленной дискуссии.

Мне же хочется заострить внимание на другом: на вопросах законодательной техники. И вот почему. Если обратиться к ныне действующему пенсионному законодательству, то там все настолько запутанно и нелогично, что разобраться в нем в полном объеме никому не под силу. Среди практических работников есть специалисты по стажу и заработку, Крайнему Северу и спискам № 1 и № 2, выслуге лет и льготам для участников войны. Но ни один уважающий себя юрист не станет утверждать, что досконально знает все законодательство о социальном обеспечении. Что же касается пенсионеров, то им вообще остается лишь верить на слово инспектору райсобеса. Вот почему еще на подступах к формированию концепции нового закона условились, что он должен быть единым, рассчитанным на все категории трудящихся.

Но... единого закона не получилось. Не будем никого винить. Это естественно. Социальная справедливость и равенство не есть уравниловка. Все мы работаем по-разному, в разных условиях. Поэтому и нормы пенсионного обеспечения не должны быть для всех одинаковы. Значит, необходимое разнообразие обязательно. Его можно предусмотреть в одном законе или в нескольких, это не принципиально. Принципиально то, как это сделать. Давайте именно с таких позиций и посмотрим, что же нам предлагает проект.

Согласно статье 4 условия, нормы и порядок пенсионного обеспечения военнослужащих, а также лиц начальствующего и рядового состава органов внутренних дел и членов их семей устанавливаются Законом СССР о пенсионном обеспечении военнослужащих. Но ведь такого закона пока нет. Когда он будет разработан? Вынесут ли его на широкое обсуждение? Или под предлогом сохранения военной тайны подготовят келейно? Нет, я не предлагаю выносить на всенародное обсуждение порядок исчисления сроков выслуги в зависимости от назначения и места дислокации воинских частей. Возможно, он и должен быть закрытым. Но остальные-то положения... Сейчас бывшие военнослужащие рядового и сержантского состава срочной службы получают пенсии по инвалидности по Закону о государственных пенсиях (часто по повышенным нормам). Очевидно, Закон о пенсионном обеспечении граждан вступит в силу раньше Закона о пенсионном обеспечении военнослужащих. Как они будут получать пенсию до принятия второго закона? Все эти вопросы пока без ответа.

Далее. Проект предусматривает сохранение персональных пенсий для лиц, имеющих особые заслуги перед Советским государством (статья 134). Причем, как и раньше, определять порядок их установления будет Совет Министров СССР, то есть аппарат.

Система пенсий, предусмотренная проектом, претерпела сущест-

венные изменения. Теперь наряду с трудовыми пенсиями (по возрасту, инвалидности, по случаю потери кормильца, за выслугу лет) будут назначаться социальные пенсии лицам, которые по тем или иным причинам не смогли выработать требуемый стаж. Это — огромное достижение, свидетельство милосердия и гуманности нашего общества.

А теперь о трудовой пенсии. Согласно статье 3 на нее имеют право граждане, занятые общественно полезным трудом и подлежащие государственному социальному страхованию, при соблюдении других условий, предусмотренных Законом. Обратите внимание на фразу «подлежащие государственному социальному страхованию». Возможно, не все знают, что отдельные категории трудящихся подлежали государственному социальному страхованию при определенных условиях. Например, внештатные забойщики скота в заготовительных организациях и внештатные рабочие пушнопромысловых и звероводческих хозяйств — при условии, если они работают по письменному трудовому договору, зачислены на работу приказом (распоряжением) по данному предприятию или организации и не совмещают эту работу с какой-либо другой работой (постановление Секретариата ВЦСПС от 1 июля 1957 года — Бюллетень ВЦСПС, 1957, № 14); внештатные эксперты по экспертизе товаров, если они в установленном порядке допущены к работе и если заработная плата за эту работу является для них основным источником средств к существованию (постановление Секретариата ВЦСПС от 9 февраля 1960 года — Сборник постановлений ВЦСПС, январь — сентябрь 1960); возчики — при условии, что они работают на лошадях, принадлежащих государственным предприятиям, учреждениям и организациям, если же лошадь была собственная или предприятие арендовало ее у колхоза, работник государственному социальному страхованию не подлежал (постановление ВЦСПС от 28 января 1934 года — Бюллетень ВЦСПС, 1934, №№ 21—22). Интересно, откуда по прошествии 20—30 лет запрашивать справку о принадлежности лошади, как документально доказать, что в определенный период ты не имел побочного заработка?

После общего правила о необходимости подлежать государственному социальному страхованию статья 3 конкретизирует, какие лица пользуются правом на трудовую пенсию, а статья 65 перечисляет периоды деятельности, которые засчитываются в трудовой стаж. Так не лучше ли убрать из закона это общее положение либо отменить «определенные условия», при наличии которых на работника распространяется социальное страхование?

Из пенсий по старости наибольшую сложность всегда представляли льготные пенсии, назначаемые в связи с тяжелыми и вредными условиями труда по специальным спискам. Списки № 1 и № 2 за счет множества разъяснений и изменений разбухли до невероятных размеров. Проект рассчитан на их упорядочение за счет сокращения числа категорий работников, пользующихся правом на льготы. Поэтому статья 125 предусматривает, что лицам, которые утратят право на льготную пенсию, период работы с тяжелыми и вредными условиями труда до введения в действие Закона будет засчитываться в специальный стаж, и пропорционально его количеству снижается пенсионный возраст. Это необходимо для защиты социальных прав трудящихся. Но вместе с тем существенно осложнит работу органов социального обеспечения, которым придется руководствоваться параллельными списками, что повлечет неразбериху и

множество ошибок. Ведь возвращаться к «старым» спискам придется еще лет 30, а то и больше.

В качестве своеобразной компенсации сокращения перечня работ, дающих право на льготную пенсию, проект предусматривает, что работникам производств, профессий и должностей, не указанных в списках № 1 и № 2, досрочные пенсии в зависимости от условий труда (но не ранее чем по достижении 55 лет мужчинам и 50 лет женщинам) могут устанавливаться по результатам аттестации рабочих мест за счет средств предприятий и организаций, предназначенных на оплату труда, которые перечисляются в Пенсионный фонд СССР на выплату пенсий до достижения работником общего пенсионного возраста (статья 11). Но ведь выделять дополнительные средства на выплату досрочных пенсий смогут только экономически сильные предприятия, а там и условия труда, как правило, лучше.

Новый закон предполагает сохранить ныне действующее требование о занятости на работе, предусмотренной списками, полный рабочий день. Для целого ряда профессий доказать это бывает крайне трудно. Многие станки рассчитаны на выполнение как работ, предусмотренных списками, так и других, «не льготных». Единственное доказательство — наряды, которые хранятся только в течение трех лет. В одном цехе может стоять разное оборудование (более и менее «вредное»), а занятость на конкретном агрегате документально фиксируется не всегда. Поэтому безусловное требование занятости на работах, предусмотренных списками, полный рабочий день на практике порой превращается в сказочную задачку: «пойди туда, не знамо куда, докажи то, не знамо что». Думается, целесообразнее основываться на преимущественной занятости на «льготных» работах, исходя из наименования профессии и особенностей производства.

Статья 12 законопроекта предусматривает назначение некоторым работникам, занятым на подземных и открытых горных работах (по специальному списку), пенсий по возрасту независимо от возраста, если они были заняты на этих работах не менее 25 лет. А статьи 60, 62 связывают право на пенсию за выслугу лет отдельных категорий работников с достижением определенного возраста. Тем самым стирается разница между льготной пенсией по старости и пенсией за выслугу лет (раньше для первой было характерно наличие требований и к стажу, и к возрасту, а для второй — только к стажу, отсюда и само название).

Для инженерно-технического состава гражданской авиации и бортпроводниц право на пенсию за выслугу лет зависит от возраста, специального стажа и стажа работы в гражданской авиации. Это значит, что, выработав определенный стаж в должностях, дающих право на пенсию, они должны и дальше продолжать работать в гражданской авиации. Допустим, бортпроводница, отлетав положенные 10 лет, устроилась работать билетным кассиром. Так какая разница, продает она билеты в кассе аэрофлота или железной дороги? Кстати, условия пенсионного обеспечения бортпроводниц заметно ухудшаются. Сейчас эта должность предусмотрена списком № 1, и бортпроводницы уходят на пенсию в 45 лет при стаже работы бортпроводницей 7 лет 6 месяцев и общем стаже 15 лет. Согласно проекту нового Закона им необходимо иметь 20 лет стажа работы в гражданской авиации, в том числе 10 лет в качестве бортпроводницы. Интересно, что в проекте речь идет только о бортпроводницах. А как быть с бортпроводниками?

В пяти статьях проекта (60—64) говорится о праве на пенсию за выслугу лет более чем десяти категорий работников. При этом порядок исчисления сроков выслуги и конкретные перечни должностей (то есть фактически все основные условия назначения пенсий) будут определяться отдельными постановлениями правительства (так же как и содержание списков № 1 и № 2). Другими словами, обеспечивается лишь видимость единого закона.

Теперь обратим внимание на отдельные формулировки законопроекта. Статья 19 (п. 6) предусматривает начисление одиноким пенсионерам, достигшим 80-летнего возраста, надбавки на уход за ними. При этом принадлежность к одиноким пенсионерам определяется комиссией по назначению пенсий. Но почему право на надбавку должно зависеть от усмотрения комиссии? Или министерства социального обеспечения выпустят инструктивные письма по определению «одинокости», и мы заставим пенсионера представлять справки, подтверждающие, что у него нет родственников, которые могли бы за ним ухаживать? Неужели нельзя начислять эту надбавку всем лицам, достигшим 80 лет?

Согласно статье 65 (п. к) в стаж для назначения пенсии засчитывается период проживания жен офицерского состава, прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы с мужьями в местностях, где отсутствовала возможность их трудоустройства по специальности, но не более 10 лет. Интересно, на основании каких документов предполагается устанавливать «отсутствие возможности трудоустройства по специальности»?

В соответствии со статьей 76 в заработок для исчисления пенсии включаются все виды оплаты труда, на которые по действующим правилам начисляются страховые взносы, кроме оплаты за совместительство и всякого рода выплат единовременного характера, не обусловленных действующей системой оплаты труда (компенсация за неиспользованный отпуск, выходное пособие и другие), перечень которых утверждается в порядке, определяемом Советом Министров СССР. Удастся ли разработать такой исчерпывающий и хотя бы относительно стабильный перечень? В условиях хозрасчетных и арендных форм организации и оплаты труда (особенно на этапе их становления) определить, какие выплаты обусловлены действующей системой оплаты труда, а какие нет, весьма сложно. Сейчас комментарий к пункту 124 Положения о порядке назначения и выплаты государственных пенсий (он аналогичен статье 76) занимает 54 страницы петитом, да и то многие вопросы комиссии по назначению пенсий решают, «исходя из сложившейся практики». Причем эти правила (постоянно меняющиеся) рассчитаны на условия относительной хозяйственной стабильности и отсутствие индивидуальных и кооперативных форм организации труда.

Не совсем логичны и перечисленные в статье ограничения. Оплата за работу по совместительству при исчислении пенсии не учитывается. Ну а если человек, помимо основной работы, занимался индивидуальной трудовой деятельностью, работал в кооперативе? Это ведь не является совместительством. Сейчас при исчислении среднего заработка не учитывается и оплата за сверхурочную работу. В проекте подобного положения нет. Тогда почему статья 75 предусматривает ограничение заработка лиц, рабочее время которых не поддается учету, двумя ставками (окладами)? Раньше это объяснялось именно невозможностью исключить из их заработка оплату за сверхурочную работу. А теперь?

Вообще исчисление среднего заработка — наиболее запутанный момент в назначении пенсии. И если сейчас заработок берется, как правило, за последний год работы, то новый проект предлагает все существующие сложности умножить на пять. Вопрос об исключении из законодательства возможности исчислять пенсию из заработка за последний год работы обсуждался более 10 лет. Доводы в пользу этого приводились довольно весомые. Многочисленные ограничения при определении среднего заработка порождены необходимостью пресечь попытки некоторых работников искусственно завысить зарплату за последний, предпенсионный год, а, следовательно, и размер пенсии. Перейдя к исчислению заработка за 5 лет, когда «искусственное» завышение практически невозможно, мы сможем отказаться от всех ограничений и учитывать заработок полностью.

Однако согласно проекту к 5-летнему периоду мы переходим, а от ограничений не отказываемся. Почему? Предусматривает же проект включение в заработок членов колхозов всех видов оплаты за работу в общественном хозяйстве колхоза (статьи 78, 85). По действующему законодательству, колхозники при назначении пенсий поставлены в худшие условия по сравнению с рабочими и служащими. Теперь «в качестве компенсации» будем ущемлять интересы рабочих и служащих?

Интересно обстоит дело с военнослужащими. Им предоставлено право выбора: получать пенсию по Закону о пенсионном обеспечении военнослужащих или по Закону о пенсионном обеспечении граждан в СССР. В последнем случае «все виды денежного довольствия военнослужащих, а также лиц начальствующего и рядового состава органов внутренних дел учитываются наравне с заработной платой рабочих и служащих» (статья 4). Но если «все виды», то это не «наравне с заработной платой», а если «наравне с заработной платой», то должны учитываться не «все виды».

Может показаться, что проект нового Закона лишь усугубляет и без того нелегкое положение в системе социального обеспечения. Это не так. Проект освободился от многих имеющихся в действующем законодательстве абсурдных норм: установил единое пенсионное обеспечение для рабочих, служащих и членов колхозов; отказался от начисления надбавок за непрерывный стаж; устранил нелепые ограничения при назначении пенсий при неполном стаже; значительно упростил порядок выплаты пенсий работающим пенсионерам; предусмотрел назначение детям пенсий по случаю потери кормильца, независимо от того, находились ли они на иждивении умерших родителей и т. п. Но, к сожалению, породил и новые сложности. Мы рассмотрели лишь некоторые из них. Подробный разбор всего законопроекта требует статьи, во много раз превосходящей по объему сам Закон.

И, наконец, последняя статья проекта. Она заслуживает того, чтобы привести ее полностью.

Статья 134. Вопросы, относящиеся к ведению Совета Министров СССР. К ведению Совета Министров СССР или по его уполномочию к ведению других органов государственного управления, помимо предусмотренных в настоящем Законе, относятся и другие вопросы, связанные с условиями и порядком назначения и выплаты пенсий, с соблюдением гарантий, предусмотренных настоящим Законом, а также по установлению персональных пенсий лицам, имеющим особые заслуги перед Советским государством.

Вот так! Статья 134 перечеркивает все 133 предыдущие. Зачем

вообще закон, если правительство, а по его уполномочию и другие ведомства могут по своему усмотрению решать любой вопрос пенсионного обеспечения? И туманная фраза «с соблюдением гарантий, предусмотренных настоящим Законом» — сущая демагогия. Ведь основная гарантия положений закона — в невозможности его корректировки.

...В 1956 году после принятия Закона о государственных пенсиях было отменено около 1000 нормативных актов, регулирующих пенсионное обеспечение трудящихся. Это рассматривалось как крупное достижение законодательной техники. Но новый закон очень быстро оброс еще большим количеством постановлений, разъяснений, инструктивных писем, методических указаний. Не постигнет ли такая же участь и обсуждаемый ныне законопроект?

Н. ВАРЛАМОВА

ИЗ ПАМЯТНИКОВ ПРАВА

1. Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные отличия могут основываться лишь на соображениях общей пользы.

3. Источник суверенитета зиждется, по существу, в нации. Никакая корпорация, ни один индивид не могут располагать властью, которая не исходит явно из этого источника.

6. Закон есть выражение общей воли. Все граждане имеют право участвовать лично или через своих представителей в его образовании. Он должен быть равным для всех как в тех случаях, когда он оказывает свое покровительство, так и в тех случаях, когда он карает. Всем гражданам ввиду их равенства перед законом открыт в равной мере доступ ко всем общественным должностям, местам и службам сообразно их способностям и без каких-либо иных различий, кроме обуславливаемых их добродетелями и способностями.

11. Свободное выражение мыслей и мнений есть одно из драгоценнейших прав человека; каждый гражданин поэтому может высказываться, писать и печатать свободно, под угрозой ответственности лишь за злоупотребление этой свободой в случаях, предусмотренных законом.

15. Общество имеет право требовать отчета у каждого должностного лица по вверенной ему части управления.

16. Общество, в котором не обеспечено пользование правами и не проведено разделение властей, не имеет конституции.

Декларация прав человека
и гражданина
Франция. 26 августа 1789 г.

полмиллиарда для Чернобыля

исполняя свой долг

Деньги любят счет. Любые. Общественные — еще и отчетность. Поэтому я заранее прошу читателя запастись терпением и извинить за обилие цифр в этом материале. Потому что речь пойдет о деньгах для Чернобыля. Не обо всех, а лишь о тех, которые многие из нас перечисляли «в фонд помощи пострадавшим на ЧАЭС», «для оказания помощи населению зоны Чернобыльской атомной» и просто «в фонд Чернобыля» — я цитирую строчки из заявлений, которые писали люди в те первые дни и недели после взрыва четвертого блока. Потом уже в сберкассах, принимавших добровольные вклады, появились и специальные бланки с официальной формулировкой — «Фонд помощи для ликвидации последствий аварии на Чернобыльской атомной электростанции».

Сразу скажу: опыта реагирования на такие ситуации у нас не было. Это потом, наученные тем же Чернобылем, уже зная, что ликвидация последствий любых аварий требует, помимо всего прочего, еще и больших материальных затрат, мы научились немедленно открывать различные счета для благотворительных пожертвований, в том числе валютных. Армения — самый, пожалуй, показательный пример.

Тогда такого опыта, повторю, не было. Деньги на благотворительные цели, правда, всегда принимал Союз Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца (СОКК и КП) СССР, но положила руку на сердце — многие ли об этом знали? Да и направлялась эта благотворительность, как правило, за рубеж, пострадавшим от наводнений, засух и иных катастроф в Африке, Азии, Южной Америке и так далее. Правда, как я потом смог убедиться, те 30 миллионов рублей годового бюджета этой организации, которые складываются из наших полудобровольных членских взносов (30 копеек), идут и на пользу нашим соотечественникам, попавшим в трудную ситуацию. Но почему-то эту свою работу Красный Крест особенно не афиширует. Тем не менее у него есть немало добровольных помощников, регулярно перечисляющих свои трудовые рубли и копейки, как раньше опускали их люди в церковные кружки.

Благотворительностью за счет общественности занимается и Советский фонд Мира — об этом мы тоже знаем немного, хотя периодически фонд проводит кампании дополнительного сбора средств. Но и фонд Мира до того дня большей частью финансировал «зарубежные» бедствия, помогая тем самым мировому сообществу, но мало разъясняя нашим гражданам цели и задачи своей деятельности.

Тем не менее после аварии на ЧАЭС постоянные жертвователи этих фондов начали переводить свои взносы с целевым указанием: «На Чернобыль». В Красном Кресте такой факт учли сразу же и начали учитывать эти целевые деньги отдельно, в фонде Мира особого учета «чернобыльских средств» не вели.

И все же общее число пожертвователей этих благотворительных фондов было незначительным в сравнении с массой людей, предлагавших на сей раз свою помощь и не знающих, куда им обратиться. Центральные и местные газеты в те дни публиковали подборки писем и телеграмм с просьбами и требованиями открыть какой-нибудь специальный счет для добровольных пожертвований граждан.

17 мая наконец газета «Известия» напечатала следующее: «Как сообщил первый заместитель председателя Исполкома Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР Ю. Е. Данилов, перечислить деньги в счет пострадавшим можно на текущий счет в Мосгорбюдбанке номер 700624».

За день до этого и Госбанк СССР распорядился об открытии специального «чернобыльского» счета № 904 во всех сберкассах страны. Вскоре и этот номер стал известен населению. Во всех отделениях Госбанка СССР, кроме того, принимали в фонд Чернобыля золотые и серебряные монеты, ювелирные и бытовые изделия из драгоценных металлов.

Итак, основных благотворительных фондов для Чернобыля оказалось три: Советский фонд Мира, Союз Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР и счет № 904 в Госбанке СССР. Отметим один немаловажный факт: первые два фонда были, есть и остаются неправительственными организациями, третий оказался под патронатом Министерства финансов СССР. Это уточнение нам еще пригодится.

Теперь посмотрим, кто из этих фондов сколько получил и на что потратил полученные средства.

Практически никаких сведений об этом в Советском фонде Мира нет. Более того, даже какую-то информацию об этом оказалось нелегко получить у главного бухгалтера фонда Л. Набатниковой. Сначала она сообщила, что поскольку отдельного учета именно «чернобыльских» пожертвований не велось, то и определенных сумм она назвать не может. Считается, что таких денег было мало — значительно меньше тех 500 тысяч рублей, которые фонд сам перевел на счет № 904 в Госбанк СССР. То есть сам фонд выступил не накопителем пожертвований, а рядовым (но только крупным) жертвователем. Такая постановка вопроса вполне правомерна — правлению фонда самому решать, какими именно проблемами ему заниматься, а какими — нет. Собственно говоря, упоминание о фонде Мира в связи с Чернобылем в данном материале появилось, так как в документах, имеющихся в Госбанке СССР, я встретил несколько писем от жертвователей, которые, перечислив деньги на «Чернобыль» в фонд Мира, о результатах спрашивали Госбанк СССР.

Я все же попытался узнать некоторые подробности в фонде Мира. Например, спросил у Л. Набатниковой, сколько пожертвований получил фонд за 1984—1988 годы, — можно было попробовать прикинуть разницу между обычными годами и «годом Чернобыля». Ответа не получил — без разрешения руководства главбух отказалась давать такие сведения, а начальства не оказалось на месте.

Здесь хочу заострить внимание читателя всего на одном обстоятельстве: глубоко убежден, что, когда речь идет о добровольных пожертвованиях граждан на что бы то ни было, никаких «коммерческих» или служебных секретов быть не должно. Все, что относится к благотворительности, должен знать любой сотрудник данной благотворительной организации, уж тем более — главный бухгалтер. И все они обязаны давать такую информацию по первому же запросу

(лично, письменно или телефонно), что называется, любому человеку «с улицы», и уж тем более представителям средств массовой информации. Во-первых, потому, что благотворительные средства фондам не принадлежат — фонды ими лишь распоряжаются. А принадлежат эти деньги жертвователям, коими может оказаться любой из нас.

И второе обстоятельство, почему сведения подобных фондов не могут не быть открытыми: общественность не только должна контролировать сбор и использование добродетельных даяний граждан, но и побуждать людей к новым шагам благотворительности. Без полной и исчерпывающей информации из такой деятельности вряд ли что получится.

Сказанное вовсе не значит, что автор собирается обвинить Советский фонд Мира в неправильном (не по назначению) расходовании «чернобыльских» денег. Ни в коем случае! Рад к тому же сообщить полученную от той же Л. Набатниковой дополнительную информацию о самостоятельной акции фонда в пользу Чернобыля: в июле 1989 года правление фонда перечислило целевым назначением — для организации и финансирования усиленного дополнительного питания наиболее нуждающимся из жителей пострадавших районов Гомельской и Могилевской областей — своему белорусскому отделению три миллиона рублей. Дотации выплачивались ветеранам Великой Отечественной войны, многодетным семьям, одиноким престарелым людям. Подчеркну — это важно: средства фонда Мира пошли не вместо установленных государством дотаций, а в дополнение к ним. То есть, несмотря на то, что фонд Мира не был достаточно заметной фигурой в организации помощи жертвам Чернобыля, свой долг перед этими людьми он исполняет достойно — это должны знать постоянные жертвователи этой благотворительной организации.

ДЕНЬГИ СЧЕТ ЛЮБЯТ

Следующий фонд, принявший более серьезное участие в чернобыльской трагедии, — Союз Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР. Всего на его счет поступило 13 миллионов 586 тысяч 914 рублей 83 копейки — можете сами судить о точности учета.

Куда же пошли эти деньги?

В Исполкоме СОКК и КП СССР мне дали справку, из которой следует: в 1986 году потратили 8,5 миллиона рублей, 4,5 миллиона перечислили на счет ЦК ОКК Украины, 4 миллиона — ЦК ОКК Белоруссии. Из этих средств, как пояснил заместитель председателя Исполкома А. Тюландин, местные организации Красного Креста выплачивали пострадавшим в дополнение к государственной помощи по 200 рублей на человека. Впрочем, конкретные суммы помощи определялись на месте.

Остальные деньги Красный Крест тратить не торопился и, как выяснилось, правильно сделал. Истинные масштабы бедствия стали известны не в первые месяцы, и даже не в первый год. Например, то, что дозы радиации получили не только жители 30-километровой зоны. Когда об этом узнали, потребовалось приобретать специальные передвижные лаборатории с диагностической аппаратурой для осмотра всего населения районов с повышенным радиоактивным фоном. Для этого в марте 1987 года Красный Крест выделил мил-

лион рублей. Тогда же в Киеве был создан Всесоюзный научный центр радиологической медицины (понятно, для каких пациентов) — Красный Крест и ему перечислил средства для приобретения необходимого оборудования: 300 тысяч рублей в 1988 году и еще 200 тысяч в 1989 году.

Особой заботы требовали дети, и в мае 1987 года Исполком СОКК и КП СССР выделил 1,05 миллиона рублей для организации летнего отдыха вне зоны детей, подростков и их матерей — жителей районов с радиоактивным загрязнением Гомельской и Могилевской областей. В июне следующего года 250 тысяч рублей было выделено матерям, которые вывозили малышей на лето (сверх сроков своих оплачиваемых отпусков) из пораженных районов Гомельской области.

Можно, конечно, задавать много вопросов: почему деньги выделялись жителям именно этих областей, а не других, почему столько, а не больше? Ответ здесь будет самым простым: потому! Потому что не так много средств было у Красного Креста, а просьбы о помощи он получал и получает отовсюду постоянно. Приведу одну из многих десятков. Например, попросил у Красного Креста полтора миллиона рублей председатель Гомельского облисполкома А. Граховский: «В населенных пунктах области, пострадавших от аварии, — писал он, — проживает 18,5 тысячи неработающих престарелых, одиноких граждан, инвалидов I—II групп, среднемесячный размер пенсии которых не достигает 60 рублей. В этих населенных пунктах введено ограничение потребления продуктов питания местного производства и личных подсобных хозяйств, что привело к затруднениям в материальном положении названных категорий граждан (с радиоактивного огорода и впрямь не прокормишься. — А. С.). Исполкомы местных Советов, хозяйственные органы периодически оказывают им материальную помощь, но этого недостаточно...»

Красный Крест смог выделить Гомельской области в 1989 году только полмиллиона, а Могилевской на те же цели — лишь 250 тысяч рублей. Затем им было перечислено еще по 250 тысяч. Хотя этим двум областям для оказания помощи наиболее нуждающимся жителям пораженных районов нужно значительно больше. Но где взять?

Вот, собственно говоря, и все траты. «Чернобыльских» денег у Красного Креста к осени минувшего года оставалось чуть больше миллиона.

На что же пошел оставшийся миллион? По решению Исполкома последние «чернобыльские» деньги не были розданы в качестве пособий — на них был организован вывоз на осенние месяцы детей-шестилеток из пораженных районов в пионерские лагеря Подмосковья и юга страны. Были найдены лагеря с отапливаемыми корпусами, там организовали дополнительные «осенние» смены — и дети провели по три месяца вдали от районов с повышенным радиационным фоном, с усиленным питанием, достаточным количеством развлечений.

Вот и все деньги. Как сказал мне А. Тюландин, Исполком думает над тем, чтобы объявить новый сбор пожертвований для чернобыльцев. Просьб о помощи меньше не становится, а собственный бюджет этой организации, который держится на 30 копейках годовых членских взносов, весьма невелик. Правда, сумма пожертвований на счет Исполкома могла быть значительно большей и без нового сбора пожертвований, но об этом скажем чуть позже.

ВОЛЬНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

И, наконец, самый крупный из «чернобыльских» благотворительных счетов — счет № 904 в Госбанке СССР.

Всего на него поступило 542 миллиона 922 тысячи 662 рубля 77 копеек. Велся и учет пожертвований по союзным республикам. В сумму пожертвований от Российской Федерации вошли деньги, перечисленные Гохраном — 92 341 рубль 21 копейка. Это стоимость сданных в фонд Чернобыля золотых и серебряных монет, украшений и прочих предметов из драгоценных металлов.

В основном ценности в фонд Чернобыля сдавали москвичи, ленинградцы, были поступления и из других республик, из-за рубежа.

Но надо сказать, что вклад Внешторгбанка мог быть весомее. Однако гонора у нас тогда оказалось значительно больше, чем здравого смысла, и поэтому еще 6 мая 1986 года появилось сообщение ТАСС:

«В связи с аварией на Чернобыльской атомной электростанции в адрес Советского Союза, правительства от иностранных государств, различных организаций, частных компаний и отдельных граждан поступают выражения сочувствия и предложения об оказании помощи.

ТАСС уполномочен заявить, что Советское правительство выражает искреннюю признательность всем, кто высказал свое сочувствие, достойное понимание происшедшего и предложил содействие и помощь. В настоящее время основные возникающие потребности по ликвидации последствий аварии удовлетворяются собственными возможностями...»

Не знаю, чего мы тогда опасались. Но иностранные граждане и организации тем не менее не вняли предложению не соваться со своим буржуазным милосердием, куда не просят, и начали перечислять деньги, причем в валюте.

В общем, валюта шла, и Внешторгбанк (ныне — Внешэкономбанк) открыл для ее приема специальный счет, а рублевый эквивалент — строго по курсу — перечислял Госбанку на счет № 904.

Поступлений на счет № 904 в целом могло быть меньше, а поступлений на счет Красного Креста — больше. Потому что я сам видел в Госбанке СССР многие десятки платежных документов с перечеркнутым счетом 700624 и вписанным счетом 904810 (таков полный номер счета фонда Чернобыля, на котором накапливались деньги в Госбанке СССР). На мой вопрос, почему банковские работники самовольно изменяли волю жертвователей, было два варианта ответа. Первый — это, мол, сами жертвователи перепутали: хотели сдать нам, а написали «их» номер — пришлось исправлять. И второй — не все ли равно, на какой счет зачислено: цель-то одна. Думаю, сказалась привычка государственной организации считать себя выше любой общественной и распоряжаться за нее. Это можно было бы назвать грабежом среди белого дня, не будь у фондов действительно общей цели.

Маленькое отступление от сказанного. История «вольного» обращения с общественными фондами милосердия чуть было не повторилась в 1989 году. 18 июня газета «Труд» опубликовала на первой странице небольшую корреспонденцию под заголовком «Скомандовали...». О чем же она? «Несколько дней назад со счета Башкирского республиканского комитета общества Красного Креста № 700401 в Кировском отделении Жилсоцбанка СССР в г. Уфе, на котором

собирались средства пожертвований от трудящихся и коллективов предприятий для оказания помощи жертвам аварии на железнодорожной трассе Уфа — Челябинск, несмотря на протест комитета, было изъято 405 тысяч рублей». А после вмешательства газеты деньги были возвращены.

Теперь выясняется, что подобное «вольное обращение» с общественным счетом милосердия было как минимум не первым. И, как мы очень скоро выясним, разница все же есть, кто распоряжается общественными деньгами — общественная организация или государственная.

«А КАКАЯ ВАМ РАЗНИЦА!»

Вернемся теперь к полумиллиардным пожертвованиям счета № 904 в Госбанке СССР. Посмотрим, как и на что были потрачены эти деньги.

В 1986 году из них не было потрачено ни копейки. Это совсем не значит, что Госбанк СССР и подведомственные ему банковские конторы оставили без финансирования «чернобыльские траты». Еще 9 мая в «Известиях» (и других центральных газетах) было опубликовано информационное сообщение «В Политбюро ЦК КПСС», где говорилось:

«ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР и ВЦСПС приняли постановление об условиях оплаты труда и материальном обеспечении работников предприятий и зоны Чернобыльской атомной электростанции. В нем предусмотрены дополнительные меры по трудоустройству временно эвакуированного населения, возмещению ему ущерба, по оплате труда на работах, связанных с ликвидацией последствий аварии. В частности, образованы дополнительные фонды материального стимулирования коллективов предприятий и организаций, которые трудятся в зоне АЭС. Выделены средства на единовременные пособия, приобретение одежды, других предметов первой необходимости для переселяемых граждан, на оплату их питания и проезда... Предусмотрен ряд других мероприятий по улучшению условий труда и быта эвакуированных, работников предприятий и организаций зоны Чернобыльской атомной электростанции...»

Словом, население пострадавших районов без помощи не осталось. Правда, когда я попробовал узнать, какие же именно пособия получали чернобыльцы, в каких размерах возмещался ущерб, выяснилось, что эти данные в печати не приводились. Узнал лишь, что глава семьи, переселяемой из зоны, получал 4 тысячи рублей, а каждый член семьи — 1,5 тысячи. Оплачивались и оставляемые в зоне зараженные автомашины и другие дорогостоящие предметы личного пользования, давалась компенсация за дом, плодово-ягодные насаждения на приусадебном участке, оставляемый домашний скот. Размеры компенсации определяли исполкомы местных Советов частью из средств Госстраха, но в основном выплачивались эти деньги из государственного бюджета. За государственный же счет для переселяемых строилось жилье, школы и детские сады, учреждения здравоохранения.

Как сообщил заместитель начальника управления Минфина СССР В. Груднев, общие потери и расходы по Чернобылю в 1986—1988 годах составили 8 миллиардов 591 миллион рублей.

Деньги, как видите, немалые. И потому, все деньги, собранные

на счете № 904, пошли на возмещение расходов, уже понесенных государством, на ликвидацию последствий аварии.

Оставшиеся на народном счете деньги — 16 840 111 рублей 73 копейки были перечислены Жилсоцбанку СССР. Я позвонил начальнику оперативного управления банка А. Ширяеву, чтобы узнать, на что пошли эти деньги. Ответ заслуживает дословного цитирования: «Я посоветовался с юристом и могу сказать, что согласно Уставу Госбанка СССР все банки должны хранить тайну своих счетов. Сведения о наличии на них денег и их расходовании разрешается сообщать лишь по письменному запросу правоохранительных органов, органов народного контроля и контрольно-ревизионным службам».

На возражения, что вроде бы этот счет народный, благотворительный, Александр Иванович ответил: «У каждого счета есть хозяин. У этого — Минфин СССР. Там и спрашивайте».

Все! Собранные народом деньги окончательно «огосударствились».

Хотя нет, не все. В Минфине СССР мне охотно сообщили, что «чернобыльских» денег на том счете осталось 11,1 миллиона рублей, да и те можно считать уже истраченными на дезактивацию жилых построек в зоне. Почему?

«А какая, собственно, вам разница?» — спросили меня с мягкой улыбкой.

И действительно, какая?

Просматривая в Госбанке СССР документы, относящиеся к чернобыльской эпопее (а документов десятки тысяч, и я понимаю, как много сил и времени потребовалось от немногочисленных работников, которые ими занимались), я обратил внимание на письмо А. Астафьева из Мончегорска, не торопившегося отдать свои сбережения в помощь потерпевшим. «В отличие от многих, которым безразлично, куда пойдут их деньги, я хочу знать, на что израсходуются мои деньги? — спрашивал он. — Если честно, то в Чернобыле эти мои деньги могут и не ощутить. Они могут лежать остатком на вкладе с тем, чтобы впоследствии быть израсходованными на восстановление какой-нибудь деревни на Туамоту, пострадавшей от наводнения».

Такое вот письмо.

Все во мне противилось этому человеку, который еще ни копейки не дал на цели милосердия, а уже спрашивает, не наживается ли кто-нибудь на его пожертвованиях? Но, поразмыслив, я сказал себе: «Человек имеет право знать, на что с наибольшей пользой будут потрачены его деньги, на те ли цели, которые провозглашаются».

Сегодня я могу ответить А. Астафьеву. Во-первых, у меня нет никаких фактов, свидетельствующих о том, что хотя бы копейка из собранных народом денег на Чернобыль ушла на «Туамоту» или по какому-то другому адресу. Надеюсь, теперь и читатель в том не сомневается. И второе: собранных денег Чернобылю не хватило бы даже на полгода. Но лучшим ли образом были потрачены деньги?

Изменим формулировку вопроса. Что было бы, если бы сразу после аварии народ не предложил свою помощь и не начался бы сбор средств для пострадавших? Ответ, впрочем, понятен: все меры по переселению людей из зоны, обеспечению их новым жильем, питанием, работой и прочим были бы выполнены в полном объеме. В том же размере были бы выплачены пособия и компенсации. Так кому же помог этот всенародный сбор пожертвований: чернобыльцам или госбюджету?

Вопрос не столь простой. Расходы на ликвидацию аварии и ее последствий огромны. Невозможно изыскать средства, не урезая ассигнования в других отраслях народного хозяйства. В конце концов «кошелек» у государства один, хотя и состоит из разных «отделений». Я не интересовался, откуда Минфин снимал суммы, потраченные на Чернобыль. Это должно было быть сообщено Верховному Совету страны, который даже при всем его тогдашнем единогласии все же утверждал госбюджет.

Тем не менее правительство было вправе перераспределить эти средства, даже ценой «урезания» каких-то социальных программ — мы все должны разделить тяжесть потерь, которые принесла нам эта авария. Мы и разделили — потому, что иных денег, кроме наших общих, у государства нет.

Но 522 миллиона, собранные народом на счет № 904, — это совсем другие деньги. Их не по обязанности, а по велению души собрали не все мы, а только часть советских людей, многие из которых переводили десятки и даже сотни рублей. И жертвователи имели право, должны были иметь такое право, либо обсудить, как и куда потратить свои добровольные взносы, либо хотя бы выбрать своих распорядителей этих средств.

Речь, впрочем, идет даже не о формальностях — тот или другой человек распорядился, официальная ли организация либо «неформалы». Сегодня действительно выявляются отдаленные последствия чернобыльской катастрофы, которые требуют в лучшем смысле этого слова неформального подхода. Появляются больные (из числа тех же ликвидаторов аварии), требуются валютные ассигнования, хотя бы на приобретение индивидуальных дозиметров каждому, кто уже «схватил» какое-то количество бэр и должен следить за тем, чтобы не набрать их еще. Есть нуждающиеся в дополнительном питании, лечении, отдыхе вдали от зоны, но у государства нет лишних денег, а народные пожертвования полностью истрачены...

В иных странах, кстати, подобные фонды живут долго и даже прибыльно — часть пожертвований вкладывают в производство, гарантирующее хороший успех (такие прибыли, как правило, освобождаются от налогов) — благотворительных денег становится все больше.

Мы эти возможности упустили...

Почему сегодня журнал возвращается к этой теме? Потому хотя бы, что сейчас сбор благотворительных пожертвований становится обыденным явлением. И, что тревожно, после Чернобыля, после Армении участие в различных фондах милосердия наших граждан становится куда менее ощутимым, чем еще совсем недавно. Возможно, потому, что мы еще не умеем с толком собирать и использовать благотворительные средства.

Научимся ли?

Этим вопросом я и хотел бы закончить свой отчет о проверке использования народных пожертвований на Чернобыль и связанные с ним некоторые личные соображения по поводу увиденного и услышанного в ходе выполнения редакционного задания. А вами, надеюсь, прочитанного.

Александр СМЕРНОВ

ПРЕСТУПНОСТЬ:

ОРГАНИЗАТОРЫ И ИСПОЛНИТЕЛИ

один шанс из пяти миллионов

О ЧЕМ СХОДКА?

В одной из престижных гостиниц Москвы в середине августа 1988 года внимание проживающих привлекли молодые люди. Их было много, одеты с иголки, преимущественно «в фирму». Вид у всех деловой и озабоченный.

Что же тут такого, скажет читатель, мало ли в гостиницах разных делегаций. Однако профессиональный взгляд подмечал: настороженность на лицах, замысловатые татуировки в виде перстней, крестов, бубновых тузов и даже сердец, пронзенных кинжалом. Итак, вывод напрашивался сам по себе: на сходку собрались представители игорных бригад, именуемых на жаргоне «колпачниками», или еще проще — «наперсточниками».

Почему же обеспокоились и собрались вместе конкурирующие между собой мошенники? Что их отвлекло на время от доходной игры в «наперсток», известной еще в Америке прошлого века под названием «скорлупка»? Указ! Указ Президиума Верховного Совета РСФСР, внесший изменения в некоторые законодательные акты РСФСР, устанавливающие ответственность за азартные игры. Причем самым удручающим было введение уголовной ответственности за организацию таких забавных развлечений: перспектива оказаться на скамье подсудимых, да еще получить срок (до трех лет лишения свободы с конфискацией имущества), прямо скажем, не из приятных. Потому и решили обсудить, как действовать в новых условиях.

Предстояло выработать новую форму защиты. Ее предложил авторитетный игрок. Перед этим, правда, он хорошо проработал вопрос со знакомыми юристами, на что угробил солидный куш. Но... овчинка стоила выделки. Помимо «слама на лапу» (взятка) и активизации «работы» в регионах, на которые действие Указа не распространяется, решено было организовывать азартные игры до тех пор, пока группу «не заметут». А после штрафа «ложиться на дно». Но не так, чтобы лежать и паразитировать на сотоварищах. Надо переходить в группу охраны других игроков. Стой себе в сторонке и посматривай. Увидел дружинников или милицию — предупреди, а при необходимости помоги действием. При этом, конечно, не забывай громко вопить о демократии, социалистической законности и предприимчивости. Да и сталинский режим вспомнить не грех — тоже впечатляет. А кончилось дело благополучно — получай свою до-

лю. Год прошел с момента наложения штрафа, и снова крути свой «наперсток». Вот и вся премудрость.

Анализируя эту нехитрую, оперативно сработанную схему, мне почему-то вспоминается, с каким трудом «пробивали» упомянутый Указ практические работники, хорошо знающие состояние борьбы с преступностью. Чиновники от права, составляющие понятие «законодатель», заседаая в многочисленных комиссиях, требовали от сотрудников Главного управления уголовного розыска МВД СССР все новых и новых доказательств и аргументов, подтверждающих необходимость усиления борьбы с азартными играми. Ссылались при этом на нетипичность ситуации. Как! Профессиональный игорный бизнес в нашем обществе, где все заняты перестройкой? Быть такого не может! И уповали на отсутствие уголовных дел по фактам мошеннического обыгрывания граждан в «наперсток». Мол, дел-то нет, значит, нет и проблемы. Как тут не вспомнить воровскую поговорку: «Вещей нет, кража не совершалась». Смущало законодателей и то, что карающий закон они должны принять в условиях гуманизации и демократизации: вроде как не корреспондируется такое действие с реальной жизнью.

А работники милиции с фактами в руках долго и упорно пытались доказать, что гуманизация и демократия существуют вовсе не для того, чтобы тысячи паразитов безбедно существовали с помощью азартных игр. Да разве азартные игры не разжигают нездоровые инстинкты? Разве не способствуют они совершению тяжких преступлений, краж, грабежей, разбоев, похищений людей с целью получения выкупа, налетов на инкассаторов и т. п.?

Допустим, проиграл человек на «катране» (в карты) тысяч 200—300, и перед ним сразу же встает проблема уплаты долга. Деньги взять негде, а кредитор-ростовщик вот-вот «включит счетчик», и тогда плати по 25 рублей за каждый просроченный час. Что делать? «Задвинуть фуфло», иными словами, скрыться? Нельзя. Специальные ребята — «жуки» — поймают, из-под земли достанут и, кроме денег, здоровье отнимут. Вот и приходится идти на преступление: трясти «терпил», людей, тоже не совсем честных и тоже живущих как бог на душу положит. Они, конечно, под страхом угроз отдают искомое. Но бывает и по-другому. Некоторые сразу же бегут к «вору в законе» или местному мафиози, которому платят дань за гарантию безопасности. Жалуются: платим, мол, исправно, а нас все одно грабят. И тогда виновного в посягательстве на источник наживы находят, с помощью мастеровых боксеров вразумляют и штрафуют тысяч на несколько. Значит, снова плати. Замкнутый круг. Вот и приходится активизировать работу, крутить день и ночь «наперсток», а за то, что местные рэкетиры разрешают играть на их территории, надо 30 процентов отстегивать от дневной выручки.

Такие страсти из уст оперативных работников нельзя было спокойно выслушивать. И снова разгорались споры по формулировкам и по существу принятия Указа.

Зачем я это пишу? Да затем, что снова могут возникнуть аналогичные ситуации, когда нам придется экстренно принимать срочные меры по борьбе с новыми видами профессиональной преступности. И пока мы будем судить да рядить, убеждать и спорить, преступники шагнут далеко вперед, оперативно разработав методы борьбы с нашим законодательством. Ведь такое было уже не раз.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Азартные игры с использованием специальных предметов (карты, зерна, кости и т. п.) уходят в глубь веков. Уже в далеком прошлом власти относились к ним как к великому злу, рождающему многие преступления. Например, как только в Европе в XIV веке появились игральные карты, сразу же возникло жульническое обыгрывание. Не случайно первое упоминание о карточном обмане (шулерстве) появилось в германском уголовном праве, где среди обстоятельств, квалифицирующих мошенничество, приводится и «обманное обыгрывание». Оно считалось тягчайшим подлогом и строго наказывалось.

В русском праве самое раннее свидетельство о распространении азартных игр содержится в Соборном уложении 1648 года, где сказано: «А которые воры (так называли всех правонарушителей.— Авт.) на Москве воруют, карты и зерна играют, и проигравшись воруют, ходят по улицам, режут и грабят, и шапки срывают, тем вора́м чинить указ тот же, как писано выше сего о татьбе (краже.— Авт.)».

Как видим, в Уложении не говорится о каком-либо обмане при азартных играх, в нем запрещается сама игра. И это вполне объяснимо. Ведь в то время не было понятия мошенничества, оно считалось разновидностью кражи. Но из самого запрета азартных игр в карты, зерна можно сделать вывод о том, что уже тогда в этих действиях усматривался общественный вред, ибо проигравшиеся способны на более тяжкие деяния — «и проигравшись воруют, ходят по улицам, режут и грабят».

К концу XVIII века из всех азартных игр наиболее распространенными стали карточные игры. В этой связи в 1801 году они были отнесены к самостоятельному правонарушению и квалифицировались как «благовидная отрасль грабежа». Даже при отсутствии обмана за карточные игры наказывали большими («тяжкими») денежными пенями. Основным условием для наказания являлось то, чтобы игра происходила на интерес, то есть на деньги. Содержатели игорных домов и лица, дававшие деньги в заем для игры, наказывались по правилам соучастия.

Спустя полвека в Уложении 1857 года предусматривается ответственность за открытие игорных домов и за принятие участия в запрещенной игре. Но с принятием Устава о наказаниях (нечто вроде административного кодекса) репрессии подлежали только те, кто устраивал (организовывал) азартную игру. Все это породило тогда массу споров и недовольства. В дискуссию вынуждены были включиться крупные русские правоведы. Так, Н. Неклюдов писал: «Наша доктрина справедливо указывает на то, что по русскому праву могут подлежать наказанию одни только лица, устроившие или допустившие запрещенную игру; лица же, вовлеченные в игру или принявшие участие в игре, уже устроенной, не должны преследоваться в уголовном порядке».

Надо отметить, что штрафы по тем временам за азартные игры были довольно ощутимы. Например, С.-Петербургская Судебная палата, рассмотрев в апелляционном порядке дело о содержателе трактира «Тифлис» Аксенове, нашла, что актами полиции, показаниями свидетелей и приговором мирового судьи одиннадцатого участка по делу о допущении карточной игры в своем трактире Аксенов изобличен положительно по ст. 990 Уложения и правильно наказан, уплатив 200 рублей штрафа.

Следует особенно подчеркнуть, что по Уложению и Уставу о наказаниях запрещались только азартные игры, то есть игры, основанные на случайном (не обманном) выигрыше. Такое понятие тоже существовало. «Играми, основанными на случае,— писал Н. Неклюдов,— должны почитаться такие игры, выигрыш или проигрыш в которых дело случая и которые по сему именно увлекают человека до того, что он перестает уже сообразовываться при проигрыше со своими финансовыми средствами».

Но закон законом, а жизнь жизнью. Карточные игры стремительно занимали одно из ведущих мест в системе времяпрепровождения населения России. Для духовенства, дворянства, помещиков, капиталистов игра в азартные игры была истинной страстью, а не просто увеселительным развлечением. Что же касается простого народа, то отсутствие культурного досуга также способствовало распространению карточных игр в их среде. В отдельные периоды (святки) и города, и села день и ночь проводили за картами. Не случайно известный русский журналист В. Дорошевич писал тогда, что вся Русь от восьми часов вечера и до восьми часов утра играет в карты, а от восьми часов утра до восьми часов вечера думает о картах. Естественно, что в таких условиях широкое распространение получило и шулерство. Карточные мошенники относились к самой элитарной части преступного мира. Наиболее маститые игроки международного класса именовались «червонными валетами» и, так же как международные карманные воры — «марвихеры», были известны далеко за рубежом.

«Червонные валеты» обыгрывали купцов, помещиков, банкиров, проникая в игорные дома и нередко устраивая крупные игорные состязания. Поскольку после каждого кона карты менялись, то шулеры организовывали отправку поддельных карт вагонами в те города, где проводились игорные турниры. Карты крапились, накалывались, подрезались, набивались воском. Но «мастера» чаще применяли прием «накладка» или «салат» (это же делают и современные шулера), иными словами, подбирали карты во время их тасовки или ложно тасовали уже подобранные карты. Тот, кто помельче, использовал зеркала или так называемых иуд для подглядывания чужих карт. При этом часто возникали драки, некоторые любители азарта проигрывались до нижнего белья и, потеряв имение или завод, кончали жизнь самоубийством. Шулерство становилось бичом России.

Помимо карточных игр, были распространены азартные игры в рулетку и на бильярде. Они тоже рождали мошенников. Существовала даже специальная категория мошенников под названием «золоторотцы» (золотая рота), промышляющие обманом за бильярдным столом.

Революция, свергнув эксплуататорские классы, однако не покончила со всеми пороками царской России. Не случайно в 20-е годы самым распространенным видом обмана был игорный. С ним тогда, как и со многими другими правонарушениями, не боролись, поскольку все силы Республики были брошены на подавление контрреволюции и борьбу с бандитизмом.

Азартные игры в послереволюционные годы процветали особенно в «малинах» и нэпманских притонах, на улицах, базарах и вокзалах. Игры тех лет, хотя и считались у мошенников способом изъятия денег «высшего класса», были грубы, и, по меткому выражению известного криминалиста И. Якимова, «обман» так и лез в глаза. Отчасти это объясняется тем, что потерпевшими чаще всего оказыва-

лись малограмотные крестьяне, торговавшие на рынках. «Юлалышки» — мелкие базарные игроки — частенько обманывали их с помощью «наперстка», «лучинушки» (отгадывание количества спичек в коробке — «чет» или «нечет»).

В 30-е годы азартные игры в общественных местах встречались довольно редко. Сказывались и принятые со стороны милиции меры, и возросший культурный уровень народа, и само время — было не до азарта. Со временем о многих видах азартных игр забыли. Их всплеск произошел сразу же в послевоенные годы, но они были не так опасны. Зато процветала в то время так называемая майданная игра, популярная среди уголовного элемента и толстосумов, которых приглашали для обыгрывания на «майданы» — специальные места. Разумеется, законспирированные игры были распространены и среди рецидивистов дореволюционной России. Существовало даже приветствие мошенников друг другу — «талант на майдане», что означало «счастье на игру».

С особой силой процветала азартная игра и ковался мошеннический элемент в лагерях. «Воры в законе», «отошедшие», «махновцы», «дери-бери», «беспредел» и другие категории рецидивистов, опираясь на уголовно-воровские традиции сахалинской каторги, с помощью карточных игр обыгрывали основную часть осужденных — «мужиков», бессовестно отбирая у них деньги и продукты питания. Нередко в азартных играх ставкой была сама жизнь, и такие игры назывались «три косточки». С помощью жульничества рецидивисты формировали отряды смертников. Использовали их для приведения в исполнение приговоров воровской сходки, например для нападения на охрану. Азартные игры и мошенничество расценивались тогда администрацией лагерей лишь как нарушение режима. Однако опасность их была велика. И не случайно при реорганизации исправительно-трудовой системы (1958—1960 гг.) сразу же отменили систему расчета с осужденными наличными деньгами, ликвидировав таким образом питательную почву для азартных игр.

Наступили годы застоя. Бесхозяйственность, крупные и сверхкрупные хищения социалистического имущества привели к стихийному и уголовно-организованному перераспределению национального дохода. С новой силой вспыхивают азартные игры и игорное мошенничество. Но увы, многие юристы не смогли дать им правильную оценку. Поэтому первые попытки в конце 60-х — начале 70-х годов рассматривать обман при карточной игре как преступления натолкнулись на глухую стену прежде всего органов прокуратуры, считавших, что в таких случаях нет криминала. Подобные теоретические умозаключения естественно передались и в службу уголовного розыска, где к тому времени по инициативе министра внутренних дел Н. А. Щелокова интенсивно увольнялись старые опытные работники по причине их «малограмотности». Новый же контингент, более «грамотный», пришедший по путевкам комсомола от токарных и слесарных станков, знал о преступности больше по книгам Л. Шейнина. Потому деятельность их, судя по выступлениям печати, была весьма «грамотной». Получит, скажем, сотрудник уголовного розыска заявление о карточном обмане и работает, не считаясь со временем. Находит картежников, таксистов, в машинах которых велась игра, составляет альбом шулеров. Ну, и само собой, воспитывает проигравшихся. В назиданиях инспектора уголовного розыска «железная логика». Вы начинали игру, чтобы проиграть? Видимо, нет. Желали выиграть? Если бы проигравшим оказался ваш партнер

(это шулер-то!), пришли бы в уголовный розыск? Конечно, нет. Вот и не играйте с кем попало. Мы не берем под защиту незадачливых картежников («Сельская жизнь». 12 августа 1969 г.).

Вот так, «не берем» — и все, потому как была у инспектора железная логика, но отсутствовали элементарные правовые знания.

О неподготовленности в то время практических работников к борьбе с карточным мошенничеством говорит и такой факт. Когда, наконец, сотрудники МУРа из уцелевшей старой гвардии разоблачили шулерскую группу Абрамовича, Контарии, Борисова и, собрав доказательства их вины, на свой страх и риск возбудили уголовное дело, то работники прокуратуры Тимирязевского района г. Москвы, не доверяя собственным глазам и не полагаясь на свои знания, пришли на кафедру уголовного права МГУ и поставили перед учеными «не простой» вопрос: «Как квалифицировать действия карточных игроков?» При этом они, конечно же, пояснили, что в группе Абрамовича каждый выполнял определенную роль: подыскивал у магазина денежных покупателей, обманным путем вез их в другой магазин, где якобы есть нужные товары, в пути затевал игру и обыгрывал. При обыске у игроков изъяли колоды карт, в которых были лишние тузы. Фигурировало в материалах дела и перехваченное письмо Абрамовича к соучастникам, выполненное, как заключили эксперты, на шулерском жаргоне.

Выслушав все, специалисты указали на явный уголовно наказуемый обман. Это был первый случай привлечения шулеров к уголовной ответственности в г. Москве.

Но было все это, как я уже говорил, давно.

А ЧТО ЖЕ СЕГОДНЯ?

Современные азартные игры представлены, по существу, теми же апробированными видами — карты, «наперсток», рулетка, кости, бильярд и даже шахматы. Но наибольший вред гражданам и беспокойство работникам правоохранительных органов по-прежнему причиняют азартные игры в карты и «наперсток». Именно они стали серьезным средством обогащения значительной категории лиц, обративших азарт в промысел.

Прежде чем рассказать об игорном обмане и личности мошенника, хотелось бы напомнить тем, кто радеет за нетипичность данного явления: оно для нас сегодня очень типично. Судите сами. На учетах в уголовном розыске органов внутренних дел Российской Федерации состояло на 1987 год столько профессиональных игроков, сколько в 1928 году на территории республики насчитывалось всех профессиональных преступников.

Так кто же они такие, игроки, столь рьяно заботящиеся о приятном времяпрепровождении наших сограждан? Есть ли у последних действительно шанс выиграть?

Начнем с наиболее традиционной и профессионализированной части игроков-мошенников, утвердившихся в уголовном мире под названием «каталы». Речь пойдет о карточных шулерах.

Половина среди них ранее судима и отбывала наказание за различные имущественные преступления и даже хулиганство. Особенно много среди них бывших карманных воров. Впрочем, они не против и теперь очистить карманы и сумки с помощью острой бритвы. Но, справедливости ради, отметим, что такая крайность все же редкость. Ведь нужно соблюдать блатные «законы» и не отнимать хлеб

насущенный у карманных воров. Да и статус «каталы» как-то не вяжется со «щипачами».

Разумеется, большая часть шулеров нигде не работает. Те же, кто понаглее, достают всевозможные документы, свидетельствующие, например, о таких тяжких заболеваниях, как эпилепсия, шизофрения: ну что спросить с больного! Однако нежелание работать объясняется еще и опасностью дисквалификации. Руки от работы, как известно, грубеют, а мозоли не позволяют виртуозно манипулировать картами. Не зря же они так следят за своими «работничками» — пальцами рук: подрезают кожу лезвием бритвы для большей чувствительности, пропитывают различными мазями. Тяжелее кошелек, карт и пивной кружки, как любят говорить шулера и карманники, они ничего не поднимают.

Как и любая иная группа профессиональных преступников, шулерская среда неоднородна по криминальной направленности и положению среди уголовников. Хотя карточные мошенники и считают себя «интеллигентными» людьми, но вот рэкетиры о них другого мнения. Потому-то мошенники стали исправно выплачивать дань местным мафиози. Удивляться тут нечему, ведь к мошенникам всегда было неприязненное отношение со стороны грабителей и разбойников. Вспомним эпизод из оперы Верди «Риголетто», где дочь просит отца — наемного убийцу — не лишать жизни герцога. Отец же, получивший за это деньги, с возмущением восклицает, что он не может выполнить ее просьбу, ибо он еще не мошенник.

Не равны между собой и карточные шулера. Они, например, разделяются на несколько категорий, составляющих целую иерархию. Если допущу некоторые жаргонные неточности, то заранее прошу мошенников не волноваться и не возмущаться, подобно вору Попову В. Р., который в письме, опубликованном в «Литературной газете» 30 августа 1989 года, выражает неудовольствие, во-первых, потому, что не согласен с моими выводами о контроле мафии над частью профессиональных воров (конечно, в зоне «полосатиков» их контролирует лишь «кум»), а во-вторых, он полагает как «специалист», что недопустимо разграничивать такие важные понятия, как «щипач» и «ширмач».

Однако вернемся к существу дела. На вершине пирамиды располагаются так называемые катранщики (катран — акула). Это элита шулеров, наделенная, по неписаным законам, особыми полномочиями. «Авторитеты-катранщики» не играют с гражданами в общественных местах — это для них низко. Да и рисковать, очевидно, не хотят. Поэтому игра ведется на «катранах» — местах, надежно скрытых от глаз милиции (дачи, квартиры, рестораны). Они ничего общего не имеют с теми допотопными притонами и «малинами», которые мы видим в фильмах о жизни уголовников прошлых десятилетий. В фешенебельные «катраны» приглашают не только профессиональных игроков, но и некоторых должностных лиц, желающих испытать остроту чувств. Что они там чувствуют, не знаю. Но то, что их там обыгрывают, это точно. А долг приходится платить нередко противоправными действиями в пользу преступников. Например, сообщить нужную информацию, достать те или иные документы, повоздействовать на строптивного следователя или судью, всего и не перечтешь.

Если азартная игра ведется только с шулерами, то катранщики могут «падать в долю», то есть при наличии благоприятной карты у кого-то присоединяться и получать часть от суммы выигрыша.

Сегодня среди «катранщиков» уже не встретишь «червонных валетов» с темным прошлым царизма. Нет, это все наши, доморощенные мошенники. Были, правда, в свое время папаша «Зуб» да некто Александров, но давно умерли оба, обманув напоследок мошенников, которым за уход и кормление обещали огромное наследство.

За «катранщиками» следуют так называемые «гусары». Столь романтическое название, очевидно, связано с образом жизни этих мошенников. Они систематически обыгрывают граждан в карты на деньги, после чего до последнего рубля режутся между собой. Они гастролируют, проводят время в ресторанах с проститутками.

Работают они в поездах дальнего следования, на пляжах, в аэропортах, на вокзалах и даже в машинах такси. Не зря же их зовут еще «гонщиками». Обычно играют они хорошо организованными группами, где роли распределены заранее, а приемы втягивания в игру и обыгрывание доведены до автоматизма. Один шулер ищет жертву и предлагает ей простую игру в подкидного. Другие двое или трое присоединяются как попутчики. Начинается игра в «че-че-во» (суть игры не меняется), «сингапурскую триаду», «олимпийку», «московского или офицерского дурачка», «копеечку» и т. д. Названия психологически обоснованы: как же быть, например, офицером и не знать, что существует «офицерский дурачок». Ну, а тут «сингапурская триада» или «че-че-во» вообще призваны покорять поэтические натуры «лохов» (жертв).

Условия игры на первый взгляд просты и даже наивны. Гражданину ничто не угрожает, ведь ставить на кон нужно по копейке. Правда, разрешается перекрывать на любую сумму. Во время игры шулер-«сгонщик» постоянно увеличивает ставки и каждый раз проигрывает. Он создает у будущего потерпевшего мнение о себе как о человеке по поводу и без повода рискующем. Выигрывает, конечно, на 17—22 очках жертва. Затем она как-то сразу все проигрывает. И вот — последний кон! Шулер-«ковщик» усиленно тасует колоду, подбирая соответствующим образом карты. Подрезает, разумеется, потерпевший. На, мол, смотри, какие мы благородные и честные. Карты сданы. Двое шулеров свои сбрасывают, но остается незадачливый третий, который все время проигрывал. Открыв карты, гражданин глазам своим не верит — у него 30 очков, сумма, дающая почти наивысший шанс выиграть. Ставки наращиваются, вышедшие из игры двое заглядывают в карты жертвы, советуют, иногда помогают небольшими суммами. И вот «терпила» пошел ва-банк. Выставляет последнюю копейку. Но что это? У противника 31 очко! Без лишних слов тот сворачивает газету, на которой горкой высится куш, бормочет что-то насчет опоздания куда-то и стремительно уходит. Вся эта комедия длится не более 25—30 минут. Затем начинается трагедия. Оставшиеся шулера тоже «страдают», ведь и они проиграли. Если настырный «лох» плачет, что ему не на что купить билет, то могут снизойти и помочь малыми деньгами, лишь бы не ходил в милицию.

«Гусары» обычно выдают себя за кого-то порядочного — офицера-инженера. И это им удастся, не зря же среди них значительная доля людей, получивших высшее образование. Один, например, для пущей важности прихватывал с собой томики Карла Маркса.

Следующая категория шулеров — это «паковщики». Они играют индивидуально, на выигранные деньги покупают изделия из драгоценных металлов, машины, кооперативные квартиры, дачи, словом, пакуются. Их не очень-то любят «гусары» и под шумок сдают в ми-

лицию. Но зато их «уважают» квартирные воры, так как в жилище «паковщика» всегда есть что взять. Спросите, как они узнают, где «паковщик», а где честный человек? Это нетрудно. Все предусмотрено. Есть лица, которые не воруют, не играют, а собирают нужную информацию и продают ее за соответствующие суммы, обычно 10—15 процентов от награбленного.

«Паковщики» для любителя провести время за картами весьма опасны. Заподозрить их в обмане практически невозможно. Они применяют прием «катать в половину». Иными словами, вначале жертва обыгрывается полностью, затем ей дается возможность отыграться на одну треть, после чего игра прекращается. Поэтому не помню случая, чтобы этих шулеров привлекли к уголовной ответственности. Как правило, все проигравшиеся полагали, что им просто не повезло, и радовались тому, что хоть что-то осталось. Могло быть и хуже, думают они.

Поскольку карточные шулера постоянно связаны с деньгами и многочисленными долгами, то в их среде развилась и окрепла финансовая верхушка. Это ростовщики и перекупщики долгов. Первые дают деньги под процент, вторые скупают долги и, таким образом, предоставляют, тоже небезвозмездно, своеобразную рассрочку уплаты долга. Конечно, и те и другие нуждаются в каких-то гарантиях. Ведь не пойдешь в самом деле в народный суд с исковым заявлением, если кто-то откажется платить. Поэтому существует еще одна паразитирующая на теле общества и самих мошенников группа под метким названием «жуки». Все они большей частью судимы и стойко сберегают имущественные интересы своих финансовых боссов.

Как видим, мошенничество при азартных карточных играх превращается в своего рода отрасль противоправного бизнеса. Современные шулера великолепно оснащены технически. Кроме автомашин, стереоаппаратуры, у них (правда, не у всех) имеются даже специальные электронные приспособления для обыгрывания. Не так давно в г. Кишиневе была разоблачена группа карточных шулеров, у которой изъят электронный стол для игры. По сторонам стола располагались скрытые зеркала и соответствующая аппаратура, провода от которой вели на балкон, где находился экран и дежурный, занимавшийся корректировкой игры.

В целом сегодня карточный бизнес составляет одну из сфер организованной преступности. Шулера еще в начале 70-х годов собирались на ежегодные сходки, делили между бригадами территорию страны, занимались подкупом должностных лиц. Мало что изменилось и в наши дни. Разве что карточные мошенники теперь обложены данью теми, кто еще совсем недавно собирал крохи с их денежного стола.

Со временем играть становилось труднее. Милиция, хоть и не часто, но стала привлекать карточных игроков к уголовной ответственности по статье 147 УК РСФСР (мошенничество). Да и потерпевший поумнел, заосторожничал, начитавшись в газетах об обмане при игре в карты. И вот в начале 80-х годов появляется «новая», а вернее старая забытая азартная игра в «наперсток». Она оказалась значительно проще и доходнее карточной. Получила быстрое распространение в крупных городах. Со стороны игра кажется совершенно безобидной и даже не лишенной некой старинной привлекательности. Например, у промтоварных магазинов, на рынках можно видеть обычную картину. В кругу народа сидит на корточках эдакий молодец (на жаргоне «вертящий») и, как когда-то торговец сбитнем, вы-

крикивает: «Кручу, верчу, обманываю как хочу». Он как бы заранее предупреждает о возможном исходе, одновременно разжигая интерес публики. Многим и хочется и колется. Смотрят, кто смелый. И он находится в лице сообщника, который именуется «зазывающим». Подходит уверенно, достает рублей 50, ставит и... угадывает наперсток, под которым лежит шарик. Ему тут же с прибауткой отдает «вертящий» 50 «проигранных» рублей.

Кто-то попробовал рублей на 10 из толпы, но проиграл. Тогда подходит второй сообщник, в начале для «понта» проигрывает, затем отыгрывается. Азарт толпы растет. К вечеру накручивается несколько тысконок наличными.

Играют «наперсточники» уверенно, спокойно. На «стреме» стоят надежные боевики из бывших спортсменов. Они не только предупредят, но и отобьют из рук милиции. К сожалению, «колпачники» не переняли шулерских традиций примерного поведения при задержании и отличаются своей агрессивностью. Не так давно в Москве группа из сорока человек оказала организованное сопротивление работникам уголовного розыска, пытавшимся их задержать. Радует, правда, что прокуратура наконец-то возбудила уголовное дело против «наперсточников», хотя всего лишь по факту сопротивления и нанесения побоев бойцам незримого фронта. Что же касается возбуждения уголовных дел по фактам мошеннического обыгрывания в азартные игры, то таких нам пока что неизвестно. И, очевидно, долго еще мы о них не услышим, поскольку работники прокуратуры уверены — в стране нет прецедента (!). Однако было бы неправильно полагать, что ошибаются только работники прокуратуры. По мнению старшего оперуполномоченного Главного управления уголовного розыска МВД СССР В. Г. Марченко, бороться с «наперсточниками» архисложно. За что их можно привлечь к ответственности? Деньги они ни у кого не воруют. Те, кто с ними играет, играют по своей воле. За мошенничество? В принципе можно. Но только в принципе. Потому что на деле расшибешься, не докажешь. Они ведь все профессионалы. У них руки, как у заправских манипуляторов. Вот и получается: если профессионал, то играй спокойно.

Между тем в последнее время часть «наперсточников» отказалась от изъятия шарика из-под «наперстка». С помощью ловких движений при перестановке наперстков они создают видимость нахождения шарика под одним из них, на что и клюет незадачливый игрок. Уголовный закон здесь действительно порой бессилён. А закон административный? Что же делать с азартными игроками и игорным мошенничеством?

ПРОФИЛАКТИКА АЗАРТА

Начнем с потерпевших. Ведь если бы они не захотели играть (представим себе такое), то не было бы и азартных игр в общественных местах. Но многие наши сограждане, к сожалению, не останавливаются перед искушением попытать счастья для приумножения дензнаков. У меня, откровенно скажу, такой участник игры не вызывает сочувствия. Ведь это именно он создает условия для азартной игры или преступления. Не случайно во все времена отношение к таким людям было однозначно. Например, в Судебнике царя Федора Иоанновича 1589 года говорилось: «А хто на мошенника или обманщика взыщет того, что его обманул, и хоти его трою днем взимаем и доведет на него, и но его бить кнутом, а исцеву

иску не правити, потому что один обманывает, а другой догадывайся, а не мечися на дешевое (ст. 112)».

Как видим, закон не рекомендовал зариться на дешевое и не признавал иска от потерпевших. Но это в средние века. Наше же законодательство охраняет имущественные права и интересы граждан, которым причинен материальный ущерб в результате мошеннических действий. И это правильно. Хотя они и нарушили административный закон, но играть хотели честно.

Проигравшиеся участники игры, или потерпевшие от мошенничества, как бы уже наказаны за свой азарт. Но для предупреждения административно-криминального азарта этого недостаточно. Нужны правовые меры. Учитывая, что такие лица ведут себя недостойно, нарушают нормы морали и права, суду следовало бы чаще применять статью 321 УПК РСФСР по делам о мошенническом обмане, в которой говорится: «Суд по материалам судебного разбирательства вправе частным определением обратить внимание общественных организаций и коллективов трудящихся на неправильное поведение отдельных граждан на производстве или в быту или на нарушение ими общественного долга. В необходимых случаях копия частного определения может быть направлена в товарищеский суд».

Разве, например, можно оставить без морального порицания такой факт, когда гражданин Т., транспортируя из Мурманска гроб с телом умершего брата, включился в карточную игру в одном из аэропортов г. Москвы и, забыв обо всем, увеличивал ставки до тех пор, пока не был жульнически обыгран мошенниками.

Было бы также полезным применять к любителям азартных игр и штрафные санкции в соответствии с действующим административным законодательством. Здесь следует учитывать, что потерпевших в азартных играх (если нет мошенничества) нет, есть участники, и независимо от того, кто из них выиграл («наперсточник» или «лох»), а кто проиграл, все они должны подлежать административному взысканию. Правда, нельзя забывать и другое. Игра в карты, кости, «наперсток» и т. п. не может считаться азартной, если она ведется только на основе состязательности, а не на деньги и материальные ценности. Нельзя, например, наказывать тех, кто играет в карты на щелчки.

Ну как же быть с теми, кто превратил азарт в основной источник средств существования?

После выхода упомянутого Указа Президиума Верховного Совета РСФСР многие поверили в его магическую силу. Хотя другие были убеждены — запретом ничего не добьешься. Согласен. Но в данном случае речь идет об элементарном неприменении запретительных мер. А одними мерами административного характера вряд ли предупредить азартные игры и игорное мошенничество. Поэтому нужен дифференцированный подход к явлению — с позиций уголовного и административного права.

Представим себе, что на глазах у публики и милиции совершается грабеж или кража. Что тогда? Задерживай и привлекай к ответственности за эти преступления, скажет читатель. И будет прав. Но почему тогда совершенно обратная реакция при всенародном лицемерии карточного мошеннического обыгрывания или жульничества с помощью «наперстка»? Практики в общем-то правы: доказать, что в данном случае совершается преступление, действительно трудно. Практически невозможно при нынешнем процессуальном законе. А шулерство, между тем, стало распространяться с молниеносной

быстротой. А что же работники уголовного розыска? Они еще в начале 70-х годов думали, как доказать обман и привлечь мошенников к уголовной ответственности. И именно сотруднику уголовного розыска из Новосибирска В. Шехватову (сейчас он работает в МВД СССР) принадлежала идея судебно-математической экспертизы по теории вероятности.

Однажды задержали шулерскую группу Платонова, которая в течение одного дня обыграла несколько человек. Причем каждое такое обыгрывание совершалось в течение 25—30 минут. Примечательно, что у потерпевшего неизменно оказывалось 30 очков, а у соучастников группы — 31. Мошенники, естественно, заявили, что играли честно и ничего предосудительного не делали. Но Шехватов знал, что приход одновременно 30 и 31 очка при картах пиковой и червонной масти за столь короткое время невероятен. Знал он и другое — обман осуществлялся с помощью ложной тасовки. Но доказать этого не мог. Тогда ему в голову пришла весьма простая мысль: повторить игру и проверить заявление мошенников о честности и возможности такого сочетания карт. Вдвоем со следователем они проиграли всю ночь, но нужные карты так и не пришли. К утру оба убедились в необходимости назначения судебно-математической экспертизы по теории вероятности. По постановлению следователя такую экспертизу впервые в стране (да и, пожалуй, в мире) провели специалисты института математики Сибирского отделения Академии наук СССР. Ее результаты были ошеломляющи. И когда один из задержанных мошенников узнал, что при соответствующих картах приход сразу 30 и 31 очка составляет один шанс из пяти миллионов, он признался в совершенном преступлении.

Московские следователи и работники уголовного розыска переняли опыт коллег из Новосибирска и, применив дополнительно оперативную фотосъемку для фиксации шулеров и их действий, стали успешно возбуждать уголовные дела на мошеннические группы. Заметим, что, помимо указанных доказательств, использовались и другие, преимущественно косвенные. В итоге ни один приговор не был отменен вышестоящей инстанцией.

Правда, читатель может сказать, что все эти меры не повлияли на сокращение игорного обмана. В целом да. Но карточное мошенничество значительно реже стало совершаться в аэропортах и машинах такси. Несколько поутихли мошенники и в поездах дальнего следования. Конечно, этого мало. Но ведь общеизвестна истина: с профессионалами должны бороться профессионалы. А что мы имеем на сегодня? Отделы в уголовном розыске, борющиеся со всеми имущественными преступлениями, а внутри их — отделения из нескольких человек, специализирующихся на раскрытии мошенничества. Этого, увы, явно недостаточно. Нужно серьезное материально-ресурсное обеспечение борьбы с профессиональными и организованными преступниками.

Не достигнем мы цели и тогда, когда работники уголовного розыска вместо 14 часов в сутки будут работать все 24. На энтузиазме далеко не уедешь. Дело значительно поправилось бы с повсеместным созданием работоспособных оперативно-поисковых групп, специализирующихся на изобличении профессионализированных видов преступной деятельности — игорного обмана, карманных краж, сбыта наркотиков, скупки краденых вещей и т. п. Пора уже серьезно взглянуть на преступления, не «делающие» статистику, понять их опасность для общества.

Что касается «наперсточников» и их игры, то тут необходимо подходить к оценке их действий с позиций уголовного права. Но снова — доказательства! Не берусь приводить систему этих доказательств, так как пишу не методические рекомендации. Но замечу, если налицо общественно опасные действия, то они должны караться по закону. Мне, например, так и не удалось найти уголовного дела, возбужденного по статье 147 УК РСФСР против «наперсточников». И тут виноват не столько закон, сколько инерция перестраховки. Говорят, нет прецедента. Но ведь в нашей стране нет, как, скажем, в Англии, прецедентного права. Ну, а если так, то нужно создать его на основе действующего закона. Когда мы говорили и очень много о гуманности, то мне, например, было непонятно, почему на свободе оставались сотни грабителей, разбойников и даже убийц, которым арест заменен подпиской о невыезде. Ведь они совершают повторные преступления. Что же говорить о «наперсточниках»?

В той же Англии суды и полиция руководствуются не только буквой и духом закона, но и здравым смыслом, исходя из интересов общества и защиты его от преступности. У нас же серьезное дело порой подменяется кампанейщиной.

Ну, а если говорится об Указе, направленном на усиление борьбы с азартными играми, то применять его на практике оказалось весьма непросто. Как всегда, где-то что-то забыли предвидеть, что-то предугадать. И вот результат. Судья для рассмотрения дела требует от милиции такие документы о личности игрока, которые в природе не существуют. Сам же факт участия в азартной игре, достоверно установленный и оформленный в соответствии с законом, расценивается как нечто второстепенное. Кончается это не всегда в пользу правосудия и, конечно, не в пользу общества. Например, в народный суд Волгоградского района города Москвы был доставлен за азартную игру в «наперсток» гастролер О. М. Козлов. Суд потребовал представить сведения о месте его работы, хотя в документах значилось — «не работает». Но суд не принял этого во внимание и послал запрос по месту предполагаемой работы. Пока ждали ответа, Козлов вновь был задержан за азартную игру. Но уже в суд не явился. Как с ним поступят? Суду виднее!

Возникают коллизии при определении организатора азартной игры. Работники органов внутренних дел обоснованно относят к ним тех, кто не только устроил игру, но и одновременно участвовал в ней. Одним словом, организатор и исполнитель выступают часто в одном лице. Например, при игре «в наперсток» ее организует и тот, который крутит «колпак», и тот, который зазывает людей на игру с помощью специальных психологических приемов. Суды же большей частью понимают под организатором такое лицо, которое организует игру подбором участников, места, изготовлением орудий игры и т. п. Увы, при таком подходе организаторам азартных игр просто лафа.

Еще более парадоксальная ситуация складывается при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности организатора азартной игры при его повторном задержании. Здесь опять нет единой точки зрения. Так, статья 208¹ УК РСФСР гласит:

Организация азартных игр (в карты, рулетку, «наперсток» и другие) на деньги, вещи и иные ценности лицом, к которому в течение года применялись меры административного взыскания за такое же нарушение,—

— наказывается лишением свободы на срок до одного года, или исправительными работами на срок до двух лет, или штрафом до одной тысячи рублей, с конфискацией имущества или без таковой.

Те же действия, совершенные лицом, ранее судимым за преступление, предусмотренное настоящей статьей,

— наказываются лишением свободы на срок до трех лет с конфискацией имущества.

Казалось бы, все ясно. Однако некоторые судьи и прокурорские работники полагают, что для привлечения к уголовной ответственности таких лиц необходимо, чтобы они наказывались в административном порядке более двух раз.

Наконец, если обратиться к административным взысканиям применительно к «наперсточникам», то в соответствии со статьей 164¹ Кодекса РСФСР об административных правонарушениях штраф на них может быть наложен в пределах до 500 рублей. Лично мне не встретились случаи наказания игроков штрафом в размере 500 рублей. А что значит для них даже 500 рублей при тысячных доходах? Они готовы выплачивать такие суммы ежедневно.

Вот и получается, что именно наиболее важные положения закона, призванные предупреждать азартный бизнес, не срабатывают. Какой же выход? Думается, настала пора пересмотреть это законодательство. Неплохо бы подумать и об унификации общесоюзного законодательства об уголовной и административной ответственности за азартные игры. Игорному бизнесу должен быть поставлен надежный заслон, ибо этот вид паразитического существования подпитывает организованную преступность в стране. И надо сказать, подпитывает серьезно. Ведь сейчас, по существу, все «наперсточники», шулера и прочие игроки контролируются местными кланами.

«А куда смотрит милиция?» — возмутится иной читатель, видящий в ней панацею от всех бед. А она работает, и не так уж плохо. Только в первом квартале 1989 года ею было выявлено 4400 фактов азартных игр и 7303 их участника. Впервые за многие десятилетия к административной и уголовной ответственности привлечено 6885 азартных игроков, в том числе организаторов криминально-профессиональной игры. Но удар мог бы быть гораздо сильнее при наличии здравого смысла в законе и действиях правоохранительных органов.

А. ГУРОВ,
начальник Управления по борьбе
с организованной преступностью МВД СССР

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

СТАВКИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОШЛИНЫ

Совет Министров СССР постановлением от 25 октября 1989 года № 894 внес ряд изменений в свое постановление от 29 июня 1979 года «О ставках государственной пошлины». Новый акт изменил размеры госпошлины, взимаемой с заявлений и жалоб, подаваемых в суд, за нотариальные действия, за совершение актов гражданского состояния.

Теперь с исковых заявлений в суд при размере иска до 100 рублей взимается 5 рублей, свыше 100 до 500 рублей — 6 процентов цены иска, свыше 500 до 1000 рублей — 8 процентов, а больше 1000 рублей — в размере 10 процентов цены иска. По тем же правилам определяется пошлина в случае раздела имущества при расторжении брака, а также с исковых заявлений по спорам колхозов и межколхозных организаций с государственными, кооперативными и иными общественными предприятиями, учреждениями и организациями, а также между собой.

С исковых заявлений о расторжении брака взимается пошлина 30 рублей, а брака повторного — 50 рублей. Однако если брак расторгается с лицами, признанными в установленном порядке безвестно отсутствующими или недееспособными вследствие душевной болезни или слабоумия, либо с лицами, осужденными к лишению свободы на срок не менее трех лет, пошлина взимается в размере 5 рублей.

10 рублей должны заплатить те, кто подает исковое заявление об изменении или расторжении договора найма жилых помещений, о продлении срока принятия наследства, об освобождении имущества от ареста либо другое исковое заявление неимущественного характера (либо не подлежащее оценке).

С исковых заявлений по преддоговорным спорам колхозов и межколхозных организаций с государственными, кооперативными и иными общественными предприятиями, а также между собой надо уплатить пошлину 25 рублей.

Если же подается кассационная жалоба на решение суда, то в этом случае необходимо уплатить 50 процентов ставки, взимаемой при подаче искового заявления, а по имущественным спорам — ставки, исчисленной из размера оспариваемой суммы.

За повторную выдачу копии судебного решения, приговора, определения и другого постановления суда надо заплатить 3 рубля и, кроме того, по 60 копеек за каждую изготовленную страницу.

Новые ставки пошлины установлены за нотариальные действия, которые совершаются нотариальными конторами и исполнительны-

ми комитетами районных, городских, поселковых и сельских Советов народных депутатов.

Теперь за удостоверение договоров, связанных с предоставлением в бессрочное пользование земельных участков под строительство жилых домов, необходимо заплатить 50 рублей.

Если вам надо удостоверить договор отчуждения жилого дома (продажу, дарение и т. д.) детям, супругу, родителям, то за это необходимо заплатить 3 процента суммы договора, но не менее 30 рублей, а при отчуждении другим гражданам — 10 процентов суммы договора, но не менее 100 рублей. Если надо удостоверить договор дарения автомобиля или мотоцикла детям, супругу, родителям, за это взимается пошлина 3 процента от стоимости автомобиля или мотоцикла, а другим гражданам — 7 процентов. За удостоверение прочих договоров, подлежащих оценке, надо уплатить 5 процентов суммы договора, но не менее 10 рублей.

За удостоверение договоров раздела имущества, поручительства и других сделок, не подлежащих оценке, а также за удостоверение завещаний взимается пошлина в размере 10 рублей.

Познакомьтесь со ставками государственной пошлины за выдачу свидетельства о праве на наследство. При сумме наследства до 100 рублей надо заплатить 2 рубля, свыше 100 до 300 рублей — 5 рублей, свыше 300 до 500 рублей — 10 рублей, свыше 500 до 1000 рублей — 3 процента суммы наследства. Свыше 1000 рублей госпошлина выплачивается за выдачу свидетельства о праве на наследство наследникам первой очереди: супругу и родителям — 3 процента суммы наследства и совершеннолетним детям — 5 процентов; наследникам второй очереди — 10 процентов суммы наследства; остальным наследникам — 20 процентов.

5 рублей должны заплатить супруги за выдачу им свидетельства о праве собственности на долю в общем имуществе, нажитом во время брака. За удостоверение доверенностей на право пользования и распоряжения имуществом и совершение кредитных операций детям, супругу, родителям взимается пошлина 5 рублей, другим гражданам — 15 рублей.

Если надо удостоверить доверенность на право пользования и распоряжения автотранспортными средствами детям, супругу, родителям, то надо заплатить госпошлину 15 рублей, а другим гражданам — 50 рублей. За удостоверение прочих доверенностей взимается 2 рубля.

Пошлину в размере 25 рублей необходимо заплатить за принятие мер к охране наследственного имущества, 5 рублей за каждую страницу — за свидетельствование верности перевода документа с одного языка на другой. За свидетельствование верности копий документов и выписок из них выплачивается по одному рублю за каждую страницу, а за свидетельствование подлинности подписи на документах, в том числе подлинности подписи переводчика, взимается по рублю за каждый документ. За совершение исполнительных надписей взимается 2 процента взыскиваемой суммы, но не менее 50 копеек.

Пошлина в размере 5 рублей уплачивается за такие нотариальные действия, как передача заявлений граждан, государственных учреждений, предприятий и организаций, колхозов, иных кооперативных и других общественных организаций другим гражданам, государственным учреждениям, предприятиям и организациям, колхозам, иным кооперативным и другим общественным организациям

и за совершение других нотариальных действий, кроме тех, о которых было рассказано выше. Кроме того, за выдачу дубликатов нотариально удостоверенных документов взимается 3 рубля. Если же нотариальные действия совершаются вне помещения нотариальной конторы, пошлина взимается в двойном размере и, кроме того, оплачиваются фактически произведенные расходы, связанные с выездом для совершения этих действий.

Желающие вступить в брак должны знать, что за его регистрацию надо заплатить 15 рублей. А вот за регистрацию расторжения брака по взаимному согласию супругов, не имеющих несовершеннолетних детей, взимается 100 рублей. Еще большую сумму должны заплатить за регистрацию расторжения брака оба супруга или один из них — от 100 до 200 рублей, если брак расторгается на основании решения суда, если оба супруга состоят в первом браке, а если хотя бы один из них состоит в повторном браке — то от 200 до 300 рублей с одного или обоих супругов. Наконец, за регистрацию расторжения брака с лицами, признанными безвестно отсутствующими или недееспособными вследствие душевной болезни или слабоумия, либо с лицами, осужденными к лишению свободы на срок не менее трех лет, необходимо уплатить 5 рублей.

За регистрацию перемены фамилии, имени и отчества выплачивается пошлина 50 рублей, а за выдачу свидетельств в связи с изменением, дополнением, исправлением и восстановлением записей о рождении, браке, расторжении брака и о смерти — 3 рубля. Если надо получить повторное свидетельство о регистрации акта гражданского состояния, надо уплатить 5 рублей.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ

Задача 1

Головину — преподавателя бухгалтерского учета техникума легкой промышленности — пригласили на должность заместителя главного бухгалтера картонажной фабрики. Между директорами обеих организаций было достигнуто соглашение о переводе Головиной на фабрику. Она уволилась из техникума и обратилась к директору фабрики с заявлением о приеме на работу. Однако в заключении трудового договора ей было отказано. Директор фабрики не отрицал, что приглашал Головину на должность заместителя главного бухгалтера (им было направлено директору техникума официальное письмо с просьбой о переводе ее на фабрику), но ссылаясь на то, что они за это время подобрали другого работника, лучше знающего специфику их производства.

Основательны ли доводы директора фабрики?

Какой орган должен рассматривать возникший спор?

Задача 2

В связи с аварией группа слесарей была привлечена к работе в выходной день.

На основании приказа по заводу за эту работу им был предоставлен через неделю другой день отдыха. Рабочие не согласились с таким решением. Двое из них просили присоединить отгул к очередному отпуску, а остальные — оплатить работу в двойном размере. Правомерны ли их требования?

РЕДАКЦИИ ОТВЕЧАЮТ

В редакцию поступило заявление Ю. Болтова, генерального директора Всесоюзного объединения «Центрорезерв» с просьбой оказать содействие их объединению в создании кооперативного страхового учреждения.

По нашей просьбе заявление было рассмотрено Главным финансовым управлением исполкома Московского городского Совета народных депутатов. Вот что ответила редакции М. Донская, заместитель начальника управления: в соответствии с Законом СССР «О кооперации в СССР» кооперативы и их союзы (объединения) вправе создавать кооперативные страховые учреждения для страхования имущества и имущественных интересов кооперативов, союзами которых они созданы. Однако ВО «Центрорезерв» создано при Союзе экономического развития, который союзом кооперативов не является (объединяет, помимо кооперативных, еще государственные, общественные предприятия и организации). Право создания таким объединением кооперативного страхового учреждения не предоставлено.

* * *

Из УВД исполкома Саратовского областного Совета народных депутатов сообщают: заявление жителя г. Энгельса С. Шляпцева проверено.

Действительно, отмечается в письме замначальника УВД Ю. Галкина, граждане Ярандин и Лашкин вели аморальный образ жизни, устраивали пьянки и уклонялись от трудоустройства. Несмотря на неоднократные обращения С. Шляпцева в правоохранительные органы г. Энгельса, должные меры не принимались.

Сейчас положение изменилось: Ярандин и Лашкин привлечены к ответственности в соответствии с действующим законодательством. Сотрудники милиции, допустившие волокиту и бюрократизм, привлечены к дисциплинарной ответственности.

ЧТО МОЖЕТ ВТЭК?

«Уважаемая редакция! В 46 лет со мной случилось несчастье, я потерял ногу. Мне сразу же установили вторую группу инвалидности. Год я не работал, закончил за это время бухгалтерские курсы. Когда же приступил к работе, то при очередном освидетельствовании ВТЭК установила мне только третью группу инвалидности. Как это понимать? Разве за это время у меня выросла нога? Попытался обжаловать такое решение в райздравотдел. Но мне там сказали, что ВТЭК подчиняется органам соцобеспечения. Это меня очень удивило. Ведь в райсобесе ни одного врача нет, да я и не уверен, что они имеются в облсобесе. Как же эти органы могут рассматривать такие жалобы? Хотел обратиться в суд, но адвокат, к которому я пришел, чтобы написать заявление, сказал мне, что суд такие жалобы к рассмотрению не принимает...»

П. БОГДАНОВ. г. Горький

В редакцию поступает множество писем относительно работы врачебно-трудовых экспертных комиссий. Можно понять читателей, их взволнованность, ибо речь идет о судьбах людей, полностью или частично утративших работоспособность. Как определить причины утраты трудоспособности, помня при этом всегда о доброте, чуткости, доброжелательности, милосердии! Сама проблема не исчерпывается одними только инвалидами, а в той или иной степени влияет на членов их семей, родственников, близких. Однако при чтении почты, касающейся работы ВТЭК, складывается впечатление, что авторы иных писем имеют неверное представление о целях, задачах и тем более возможностях врачебно-трудовых экспертных комиссий. Наш корреспондент **АЛЕКСАНДР НОВАРЧУК встретился с главным экспертом по ВТЭК г. Москвы, заслуженным врачом РСФСР **Е. А. ЖМОТОВОЙ**. Предлагаем вам их беседу.**

— Скажите, пожалуйста, Евфалия Анатольевна, почему ВТЭК входит в систему органов социального обеспечения, а не здравоохранения? Этот вопрос содержится не только в письме П. Богданова. И еще. Не оказывают ли органы соцобеспечения ведомственное влияние на работу ВТЭК?

— И я, и мои коллеги глубоко убеждены: врачебно-трудовые экспертные комиссии должны входить именно в систему социального обеспечения и ни в какую другую. Лучшего решения вопроса пока еще нет. У нас в стране имеется опыт, когда эти комиссии входили в систему органов здравоохранения и даже находились в подчинении профсоюзов. Однако профсоюзные органы имеют столь необъятный круг обязанностей, что практически не имеют возможности уделять ВТЭК необходимое внимание. Да и не одни только члены профсоюза пользуются обслуживанием наших комиссий. Что же касается органов здравоохранения, то их задачи настолько отличаются от наших, что представить сколь-нибудь положительный результат от передачи комиссий в систему здравоохранения просто невозможно. Более того — одно из условий нашей

успешной работы как раз в независимости от органов здравоохранения.

— В чем же тогда преимущества сегодняшнего вашего положения? Обоснуйте, пожалуйста.

— Прежде всего будем исходить из того, что ВТЭК — это не лечащая организация, она не устанавливает диагнозы и не дает рекомендаций по лечению. Но именно здесь в здоровье каждого обследуемого выявляются недостатки, которые имели место в лечении данного больного. Конечно, у разных людей течение одной и той же болезни проходит по-разному и далеко не в каждом случае по вине врачей. Но встречаются и такие случаи, когда утрата трудоспособности связана с недостаточно ответственным отношением врачей к исполнению своего долга.

— Скажите, какова важнейшая задача ВТЭК!

— Определение условий для социально-трудовой реабилитации лица, утратившего полностью или частично трудоспособность, наиболее приемлемых для него условий трудовой деятельности. Ведь такие люди, как правило, чувствуют себя лишними, никому не нужными в обществе, а порой и в семье. Мы должны пробудить в них жизненные силы. Даже, казалось бы, у безнадежно больных или травмированных людей. Вернуть веру в то, что они нужны обществу. Но и в тех случаях, когда возвращение к активной трудовой деятельности невозможно, установление соответствующей группы инвалидности и обусловленной этим пенсии положительно сказывается на моральном здоровье больного человека.

— Известно, что инструкция по определению групп инвалидности, которой обязаны руководствоваться все врачебно-трудовые экспертные комиссии, была утверждена еще в августе 1956 года. Ее нередко поминуют недобрым словом наши читатели. Вот что пишет, например, из Барнаула В. Пономарев: «После перенесенного инфаркта миокарда проходил ВТЭК. Мне сказали, что все у меня хорошо компенсировано, недостаточность кровообращения носит легкий характер и я, согласно инструкции 1956 года, не нуждаюсь в установлении группы инвалидности. Мне необходимо лишь изменить условия труда. Но ведь совершенно очевидно, что за 33 года инструкция эта безнадежно устарела. Сколько же можно ею пользоваться!»

— Товарищ Пономарев прав — упомянутая инструкция действительно нуждается в пересмотре. Работа по подготовке нового документа ведется. Сожалею, но нового улучшенного варианта все еще нет. Наша московская комиссия внесла свои предложения. Теперь слово за Госкомтрудом СССР, ВЦСПС, Министерством здравоохранения СССР, другими не менее компетентными органами.

— При трудовых и бытовых увечьях, некоторых профессиональных заболеваниях встает вопрос об установлении процента утраты профессиональной трудоспособности. Этим, как мы знаем, определяется и процент компенсации потери в среднем заработке. Когда речь идет о работниках физического труда, критерием утраты профессиональной трудоспособности является, очевидно, снижение квалификационного разряда и невозможность выполнения работы более высокого разряда. Но как можно оценить в процентах потерю профессиональной трудоспособности у работников умственного труда? Скажем, у врачей, учителей, журналистов, научных работников.

— При бытовых увечьях процент потери профессиональной трудоспособности определяет не ВТЭК, а судебно-медицинская экспертиза. ВТЭК определяет утрату профессиональной трудоспособности лишь при исполнении трудовых обязанностей и профессиональных заболеваниях. Если речь идет о работниках умственного труда, то в основу берется критерий возможности выполнения работы — либо в установленную единицу времени установленного объема, либо физической возможности выполнять профессиональный труд в течение полного рабочего дня. Возьмем переводчика, который в течение часа должен, допустим, перевести пять страниц текста, определенное число знаков, но вследствие частичной потери трудоспособности может перевести только половину этой нормы...

— Простите, но с переводчиком, мне кажется, не самый удачный пример. Есть, знаете ли, хоть какая-то единица измерения. А вот как быть с юристом, врачом, журналистом, сотрудником какого-либо НИИ? Их труд в численном выражении не измеришь...

— Не могу с вами согласиться. Можно и здесь найти определенные критерии. Скажем, тот же научный работник может работать не полный рабочий день, восемь часов, а только шесть или же три-четыре часа. Словом, его профессиональная трудоспособность снизилась. Это уже дает основание для заключения ВТЭК.

— Нам известны случаи, когда лица, признанные инвалидами первой или второй группы, скрывали это от администрации, продолжая работать, как работали. Не секрет, бытует мнение, что в таких случаях ВТЭК пересматривает свое решение: либо снижает группу инвалидности, либо вообще отказывает в установлении инвалидности. Можно ли подобный подход признать обоснованным?

— Ранее ВТЭК действительно не извещала администрацию по месту работы инвалида об установлении нерабочей группы инвалидности. Встречались случаи, когда инвалиды это скрывали. Я считаю принципиально неправильным «наказывать» инвалида снижением группы инвалидности. Даже в тех случаях, когда он действует явно в ущерб своему здоровью. В таких случаях следует строго спросить с администрации за нарушение закона. Я имею в виду статью 50 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении: администрация обязана выполнять заключения врачебно-трудовых экспертных комиссий об условиях и характере труда инвалидов. Мы, например, взяли себе за правило направлять специальное извещение по месту работы инвалида.

— Во всех случаях!

— Затруднения на практике встречаются и нередко, поскольку ни характеристика, ни другие документы с места работы во ВТЭК не представляются. Сведения о месте работы и профессии записываются со слов освидетельствуемого. В порядке эксперимента в Москве разработана специальная форма справки с места работы. И не надо ее воспринимать как некое бюрократическое творение — такая форма, как показала наша работа, крайне необходима для объективной оценки здоровья инвалида.

— Кстати, о бюрократизме... Вот мнение Н. Есина, нашего читателя из Тульской области: «В печати много говорят о внимании к инвалидам Великой Отечественной войны. Действительно, государство наделило нас определенными льготами. А вот насчет внимания... Нет, я не очередь за колбасой имею в виду. (В очереди, кстати, инвалиду тоже нужно внимание.) Хочу написать о том, как меня

встретили в районной и областной ВТЭК. На фронте я командовал полковой разведкой, был награжден орденом Ленина. В одном из боев тяжело ранили — лишился ног. Однако, выписавшись из госпиталя, не сдался. До самой пенсии работал в различных организациях. Все это время у меня была II группа инвалидности, но когда я достиг пенсионного возраста, здоровье начало сдавать и я стал совсем беспомощен, обратился во ВТЭК с просьбой установить первую группу инвалидности. Отказали... Врач ВТЭК, дабы разрешить какие-то сомнения, не нашла ничего лучшего, как измерять сантиметром длину культей. Не знаю, чувствовала ли она что-либо при этом, но описывать свои чувства воздержусь. Видимо, мои культы показались ей, да и другим работникам ВТЭК (как в районе, так и области) слишком длинными. Так что я, семидесятилетний безногий старик, оказывается, никак не «заслужил» первой группы инвалидности». Мне лично добавить что-либо к этому письму нечего. Уж если к инвалиду войны такое отношение...

— Что же можно говорить об отношении к другим инвалидам? Я правильно вас поняла? Действительно, тяжело читать такое письмо, но судить заочно о принятом решении не берусь. Возможно, вопрос следовало решать по совокупности с имеющимися другими заболеваниями. Что же касается бюрократизма, бездушного, невнимательного, а порой и просто грубого отношения к инвалидам, то такие факты все еще имеются, как это ни грустно признавать. В том числе и у нас, в Мосгорвтэке, и в других городах, областях, союзных республиках. Убеждена, что какими-то мероприятиями, придуманными в кабинетах, бюрократизм не одолеть. Здесь требуется перестройка не только самой системы социального обеспечения, системы здравоохранения, но и коренная, если можно так сказать, ломка устоявшихся стереотипов мышления. А это процесс нелегкий и далеко не безболезненный. Есть и другая сторона вопроса, которую мы уже упоминали, — безнадежно устаревшие инструкции. И что может сделать ВТЭК, хоть в том же случае, приведенном в письме, если поныне действующая инструкция Минздрава СССР предписывает устанавливать первую группу инвалидности лишь при обеих кулях верхней трети бедра? И вот уже свыше тридцати лет комиссии руководствуются этим предписанием.

— Тогда, простите, чем же занимается врач ВТЭК? Выходит, его работа до такой степени заформализована, что сводится лишь к поискам соответствующей строчки в инструкции. Берет уважаемый доктор сведения из медицинских документов, берет инструкцию, определяет соответствие... И вся недолга! Так получается! Зачем же тогда затевать освидетельствование больного? О каком милосердии можно тут говорить вообще?

— Тут я готова спорить. Если вопрос мог решаться именно так, как вы сейчас описали, тогда читатель вправе, в свою очередь, задать вопрос, а нужна ли ВТЭК? С такой работой вполне справился бы и врач в поликлинике: установил бы диагноз и по инструкции определил группу инвалидности. Нет, врач ВТЭК обязан быть хорошим диагностом, он должен уметь определять степень имеющихся функциональных нарушений, знать виды лечения, чтобы проанализировать, все ли сделано для больного применительно к данному заболеванию. Затем проанализировать возможность социально-трудовой реабилитации, необходимые для этого условия, да так, чтобы они сочетались с лечением, если, разумеется, больного необходимо лечить. И, только оценив все эти факторы в совокупности, вра-

чи ВТЭК могут сделать вывод о наличии той или иной группы инвалидности в соответствии с инструкцией.

— Убедительно. Хочется верить, что именно так, как вы рассказали, и будут работать все ВТЭК. Но вот еще письма... О транспорте. Инвалиды войны жалуются: отказала им ВТЭК, не признала нуждающимися в транспорте, без чего не может и выплачиваться компенсация за транспортные расходы. В этой связи напомним, что существуют два перечня, дающих право на мотоколяску, и перечень заболеваний, дающих право на автомобиль. Категорические предписания! Никаких отклонений! Какова же роль упомянутых перечней? Есть ли в них столь насущная необходимость? Следует ли автомашину для инвалида воспринимать как обычный индивидуальный транспорт?

— Вы не совсем правы. Транспорт для инвалида — понятие медико-социальное. Тут многое зависит напрямую еще и от возможностей государства обеспечить инвалидов тем или иным видом транспорта. Если такая возможность у государства есть, то, разумеется, достаточно иметь только один перечень.

— А если человек лишился на войне, допустим, рук? Не может он пользоваться общественным транспортом! А инвалиды войны с тяжелыми сердечными заболеваниями, повреждениями центральной нервной системы! Подумать только, ведь ни по одному из этих самых перечней они не признаются нуждающимися в транспорте. Ну и само собой — в компенсации расходов на транспорт. Это же абсурд, мягко говоря. Было бы, на мой взгляд, куда правильнее не просто расширить перечень, но и придать ему другой характер — в каждом отдельном случае комиссия должна иметь возможность решать вопрос, исходя из конкретных обстоятельств.

— Когда речь идет об инвалидах Великой Отечественной войны, то, по нашему мнению, в вопросе о выплате компенсации не следовало бы вообще руководствоваться перечнями, а выплачивать компенсацию всем инвалидам Отечественной войны I и II групп, не имеющим автомобилей и мотоколясок. Наш коллектив, кстати, вносил такое предложение, но оно, к сожалению, поддержки не получило. Сейчас мы обязаны руководствоваться все теми же перечнями при выплате компенсаций инвалидам Великой Отечественной войны. Но бесплатный автомобиль или мотоколяска полагаются и другим инвалидам из числа военнослужащих. Здесь вопрос решается по-другому. Я считаю, само содержание перечней должно носить исчерпывающий характер, иначе всегда возможны различные толкования субъективного характера. Ведь что может получиться? В Москве, к примеру, эти средства будут выдавать при наличии определенных показаний, а в Киеве или в каком другом городе — не будут. Кто же это поймет?

— Евфалия Анатольевна, вы говорили, что одной из главных задач ВТЭК является определение возможности социально-трудовой реабилитации инвалида, то есть возвращение в каких-то пределах к труду. Но ведь нередко овладение новой профессией ведет к снижению группы инвалидности. Допускаю, что это правильно, ибо человек вновь стал профессионально трудоспособным. Но давайте представим безногого человека, который после обучения стал, например, сапожником. Здесь, очевидно, никакая трудовая реабилитация группу инвалидности не изменит. Где же проходит «граница» между реабилитацией, снижающей группу инвалидности и оставляющей ее без изменения?

— С этой точки зрения больных условно можно разделить на две группы: лица, получающие инвалидность по заболеванию, и лица, получающие инвалидность по анатомическому дефекту. В последнем случае и после реабилитации группа инвалидности, как правило, не пересматривается.

— А как решается вопрос об освидетельствовании во ВТЭК неработающих лиц? Вот, например, читательница Г. Жукова пишет: «Моей маме 45 лет. Она давно уже выработала необходимый для пенсии трудовой стаж и согласилась оставить работу, чтобы сидеть с моей трехлетней дочкой. Год она не работала. Но случилось несчастье. Переходя дорогу, мама попала под автомобиль и лишилась ноги. Может ли она получать какую-нибудь пенсию? Когда мы спросили об этом в поликлинике, нам ответили, что они на ВТЭК направляют только работающих, а мама в то время уже не работала».

— Это — грубейшее нарушение. ВТЭК освидетельствует всех, независимо от занятия трудовой деятельностью, кого установление группы инвалидности наделяет определенными правами или освобождает от обязанностей. Например, в случае, приведенном читательницей, ее мать может быть освидетельствована во ВТЭК, так как выработала стаж, необходимый для пенсии, и вправе получать пенсию по инвалидности.

— И последний вопрос: в чем вы видите главные затруднения в работе ВТЭК?

— Прежде всего в недостатке квалифицированных медицинских кадров, хорошо знающих вопросы социально-трудовой реабилитации. По данной специализации подготовка врачей, несомненно, должна быть увеличена. Здесь мало быть только квалифицированным специалистом. Нужны такие врачи, которые и морально, духовно готовы к нашей работе. Люди, для которых и клятва Гипократа и Присяга советского врача становятся смыслом жизни, направляют любое их действие.

ЮРИНЕСКИ

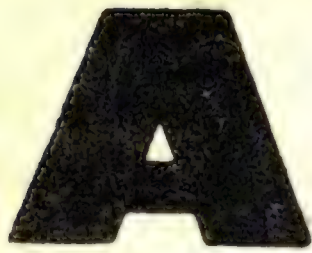
ДЕЛОВОЙ СОВЕТ

Для того чтобы денег стало побольше, положите все имеющиеся у вас в наличии купюры на стол и посмотрите на них с небольшого расстояния в бинокль или через увеличительное стекло.

МВД СООБЩАЕТ

В Монтекарловской области при исправительно-трудовой колонии строгого режима открылся клуб по интересам «Для тех, кому за 10».

Сергей ВЛАСОВ

С этого номера журнала мы начинаем знакомить читателей с понятиями и терминами, употребляющимися в Правилах дорожного движения — едином нормативном документе, который регулирует взаимоотношения водителей, пешеходов, пассажиров на автотранспорте.

Ведет раздел сотрудник Управления ГАИ ГУВД Мосгорисполкома майор милиции В. ЕРЕМЕЕВ.

АВАРИЙНАЯ СВЕТОВАЯ СИГНАЛИЗАЦИЯ. Отсутствовала на машинах старых моделей. У современных автомобилей и мотоциклов включается нажатием специальной кнопки, причем одновременно зажимаются левые и правые сигналы поворота (в мигающем режиме). Относится к предупредительным сигналам (8.1.)*.

А. с. с. применяется в четырех случаях: а) при вынужденной остановке (только в местах, где остановка запрещена); б) при дорожно-транспортном происшествии; в) при остановке и стоянке на неосвещенных участках дорог или в условиях недостаточной видимости, когда неисправны габаритные и стояночные огни (8.10.); г) при ослеплении водителя (19.2.). К местам, где запрещена остановка и, следовательно, водитель машины, не могущий убрать ее с проезжей части, должен пользоваться А. с. с., относятся и автомагистрали (17.2.).

Если А. с. с. не предусмотрена конструкцией транспортного средства или неисправна, водитель обязан пользоваться знаком аварийной остановки или мигающим красным фонарем (8.11.).

Примечание. Такие слова и выражения, как «вынужденная остановка», «остановка и стоянка», «недостаточная видимость» и т. д., в Правилах дорожного движения имеют специальный смысл, который отличается от бытового. Поэтому, не дожидаясь, когда наступит очередь разъяснять их в нашем словаре, читателю нужно прочитать раздел 2 ПДД «Основные понятия и термины».

АВАРИЙНЫЕ ВЫХОДЫ. Многие обращали внимание на дополнительную дверь с опломбированным рычагом или на шнур, с помощью которого можно легко выставить наружу стекло в специальном широком окне автобуса. Однако редко можно услышать от водителя объяснение, как пользоваться этим аварийным приспособлением в случае, например, пожара, охватившего салон. Между тем ПДД требуют от водителей междугородных и туристских автобусов, чтобы пассажиры получали инструкцию на этот счет еще до начала поездки (22.8.).

АВТОБУСЫ. Обслуживая пассажиров на маршрутах, они являются «транспортными средствами общего пользования» со всеми вытекающими правилами и требованиями (раздел 2). К наиболее

* Здесь и далее в скобках для справки даются порядковые номера пунктов Правил дорожного движения в редакции, действующей с 1 января 1987 года, либо номера отдельных разделов ПДД.

важным ограничениям при движении А. относится предел скорости. На автомагистралях он одинаков для всех типов А. — 90 км/ч, в населенных пунктах — 60 км/ч. Но на остальных дорогах междугородные, туристские и особо малые А. могут ехать со скоростью 90 км/ч, остальные — 70 км/ч (11.3.).

В салоне буксируемого А. нельзя перевозить людей (20.6.). Если А. перевозит группу детей в организованном порядке, у них должен быть взрослый сопровождающий, а спереди и сзади на А. устанавливаются особые опознавательные знаки (22.4., 26.8.).

На задней стенке кузова А. должен быть нанесен дублирующий номерной знак (26.5.), а если А. сочлененный, то на нем устанавливается опознавательный знак автопоезда (26.6.).

АВТОДРОМЫ. В большинстве населенных пунктов нашей страны А. нет, хотя Правила дорожного движения требуют именно там проводить первоначальную подготовку водителей. При отсутствии А. он может быть заменен закрытой для другого движения площадкой (21.1.).

АВТОМАГИСТРАЛЬ. А. называется дорога, обозначенная одноименным информационно-указательным дорожным знаком под индексом 5.1. (17.1.). Раздел 17 ПДД полностью посвящен движению по А. Среди ограничений отметим запрет движения пешеходов, велосипедистов, а также любых транспортных средств (включая mopеды), скорость которых по техническим причинам меньше 40 км/ч. Здесь действуют и особые правила остановки и стоянки, запрещены развороты и въезд в разрывы разделительной полосы, не допускаются движение задним ходом и учебная езда. Про особенности движения по А. можно узнать и из других разделов ПДД: об ограничении движения пешеходов говорится в п. 5.6., о максимально разрешенной скорости движения — в п. 11.3, о дорожной разметке — в п. 1.2. Приложения 2. Дорожный знак, отменяющий весь этот режим движения, носит название «Конец автомагистрали», в ПДД вы найдете его под индексом 5.2.

АВТОПОЕЗД. А. считаются грузовые автомобили, буксирующие прицепы различных типов. Их опознавательные знаки — небольшой желтый треугольник либо три красных фонарика, установленные в один ряд на крыше кабины, играют важную роль. Они предупреждают о наличии одного или нескольких прицепов встречных водителей и пешеходов. При движении, остановке и стоянке А. в темноте (темное время суток) опознавательный знак А. должен быть включен (19.7., 26.6.).

Особо оговариваются условия движения А. через железнодорожные переезды. Если длина А. с одним прицепом превышает 20 м, а с двумя и более — 24 м, то для этого требуется особое разрешение начальника дистанции пути железной дороги (16.8.).

Правила обращают внимание водителей на сцепное устройство А., при неисправности которого дальнейшее движение запрещается. Отдельные требования к эксплуатации А. изложены в п. п. 1.2., 1.6., 7.8. Приложения 3 к ПДД.

У УКРЫВАТЕЛЬСТВО ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Полночь. Но у Олега Петрова гость — его дружок Андрей Селеванов. Он стоит в прихожей очень возбужденный, весь в снегу, без шапки, с рассеченной щекой, правой рукой поддерживая левую.

— Что случилось, старик?

— Понимаешь, Олег, я сбил человека! — громко шепчет Андрей.

— Что?!

— Я сбил человека! — уже переходит на крик Селеванов. — Возвращался на мотоцикле от Татьяны, задумался. Что мне теперь делать? Олег, я не хочу в тюрьму! Помоги мне! Придумай что-нибудь!

— Не паникуй, старик. Сегодня пятница... До понедельника проживешь у меня. Как раз за это время подживут все твои раны и ссадины. Самое главное — придумать что-нибудь с мотоциклом. На нем ведь наверняка остались царапины, вмятины, по ним тебя легко «вычислят», — Олег на какое-то время задумался. — Послушай, у нас же с тобой одинаковые мотоциклы, мы их вместе покупали. Так? Отлично! Ты сейчас приводи себя в порядок, умывайся. Потом отгони мой мотоцикл к себе, а заодно предупредишь своих, что побудешь у меня до понедельника.

— Да, но ведь если мой мотоцикл найдут у тебя, ты в тюрьму сядешь, — возразил Андрей. — Какой же смысл?

— Ты меня не дослушал. Когда ты вернешься, мы твой мотоцикл разберем на части и утопим все их в пруду. Если меня начнут спрашивать, где мой мотоцикл, буду говорить, что давно его продал. Я в отличие от тебя уже года три на нем не езжу. Так что, думаю, мне поверят.

Так друзья и сделали. Однако все их ухищрения оказались напрасны. И на скамье подсудимых оказался не только Андрей, но и Олег. Его привлекли к уголовной ответственности за укрывательство преступления.

По советскому уголовному праву **укрывательство** — это общественно опасная деятельность, заключающаяся в умышленном сокрытии преступника, а равно орудий и средств совершения преступления, его следов либо предметов, добытых преступным путем.

Соккрытие (или укрывательство) преступника может заключаться в предоставлении ему убежища, в обеспечении его фальшивыми документами, снабжении средствами к передвижению, в изменении его внешнего вида, в предоставлении ему одежды и обуви для переодевания. Одним словом, под укрывательством преступника понимается всякая деятельность, направленная на то, чтобы укрыть его от органов власти, хотя бы на самое короткое время, например, на время обыска.

Формой выражения укрывательства является также сокрытие орудий и средств совершения преступлений. Под **орудиями преступления** понимаются предметы, которыми непосредственно совершается преступление, например, огнестрельное или холодное оружие, взрывчатка, ядовитые вещества, предметы, используемые для проникновения в жилище. **Средствами же совершения преступления** считаются такие предметы, которые, не являясь орудиями, тем не менее облегчают совершение преступления (различные транспортные средства, например, автомашина, используемая для перевозки похищенных вещей, лестница, приспособленная для совершения кражи, химические вещества для уничтожения запахов, следов ног или рук). Каким образом можно скрыть орудия и средства совершения преступления? Например, спрятать их в тайнике, уничтожить, замаскировать, передать другим лицам.

Укрывательство может заключаться и в **сокрытии следов преступления**, то есть различных материальных предметов, которые могут быть доказательствами по делу, указывающими на виновность лица в совершении преступления. Они также могут быть уничтожены, скрыты от органов правосудия.

Наконец, укрывательство может выразиться в **сокрытии предметов**, добытых преступным путем (например, денег, вещей, промышленных и продовольственных товаров).

Как видим, укрывательство может быть совершено только путем **активных действий**. Этим оно отличается от недоносительства, которое заключается в несообщении о совершенном преступлении, то есть пассивном поведении, в бездействии.

Общественная опасность укрывательства заключается в том, что оно затрудняет работу органов дознания, следствия, прокуратуры: усложняет раскрытие преступления, обнаружение и изобличение преступников, возвращение собственникам их имущества и т. д.

С учетом общественной опасности за указанные действия законом предусматривается уголовная ответственность. При этом закон различает **укрывательство, заранее обещанное**, и **укрывательство, заранее не обещанное**.

Согласно статье 17 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (статья 17 УК РСФСР, соответствующие статьи УК других союзных республик) **заранее обещанное укрывательство** признается видом соучастия в преступлении в форме пособничества. Причем заранее обещанное укрывательство признается соучастием в форме пособничества только тогда, когда обещание скрыть преступника, следы преступления дается до начала или во время совершения преступления, но не после его окончания.

В отличие от заранее обещанного **заранее не обещанное** укрывательство не находится в причинной и виновной связи с преступлением, совершенным исполнителем, поэтому оно и не может быть признано соучастием в этом преступлении.

Как сказано в статье 18 УК РСФСР (и соответствующих статьях УК других союзных республик), **заранее не обещанное укрывательство** преступника, а равно орудий совершения преступлений, следов преступления либо предметов, добытых преступным путем, влечет ответственность лишь в случаях, специально предусмотренных Особенной частью этого кодекса. Таковые случаи предусмотрены статьями 88² и 189 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик.

По статье 88² УК РСФСР (соответствующим статьям УК других союзных республик) наказывается заранее не обещанное укрывательство перечисленных в ней государственных преступлений: измены Родине, шпионажа, террористического акта, диверсии, вредительства, организационной деятельности, направленной к совершению особо опасных государственных преступлений, а равно участия в антисоветской организации, бандитизма, контрабанды, изготовления или сбыта поддельных денег или ценных бумаг, нарушения правил о валютных операциях.

Статья 189 УК РСФСР предусматривает уголовную ответственность за заранее не обещанное укрывательство следующих преступлений: умышленного убийства, изнасилования при отягчающих обстоятельствах, получения, дачи взятки и посредничества во взяточничестве, посягательства на жизнь работника милиции или народного дружинника, нарушений правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств при отягчающих обстоятельствах, хранения, перевозки или пересылки с целью сбыта, а равно незаконного сбыта наркотических веществ, приписок и других искажений отчетности о выполнении планов, побега из места заключения или из-под стражи, хищения огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ.

В законе дается исчерпывающий перечень преступлений, укрывательство которых наказывается в уголовном порядке. Заранее не обещанное укрывательство других преступлений, не вошедших в этот перечень, не влечет уголовной ответственности, но осуждается социалистической моралью.

Уголовная ответственность за заранее не обещанное укрывательство наступает только в случае умышленного совершения действий по сокрытию преступления.

Ответственность за укрывательство наступает с 16-летнего возраста. Действующее в настоящее время советское уголовное законодательство не освобождает от ответственности за укрывательство близких родственников преступника. Законодательство ряда государств считает родственные связи основанием для освобождения от уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство преступления и несообщение о нем. Предложения об изменении закона в этой части особенно актуальны сейчас, когда разрабатывается новое уголовное законодательство.

По статье 88² УК РСФСР (соответствующим статьям УК других союзных республик) заранее не обещанное укрывательство государственных преступлений наказывается лишением свободы на срок от одного года до пяти лет и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки, или ссылкой на срок до пяти лет.

Частью первой статьи 189 УК РСФСР (соответствующих статей УК других союзных республик) за заранее не обещанное укрывательство предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет или исправительных работ на срок от одного года до двух лет, а частью второй этой статьи УК — в виде лишения свободы на срок до двух лет или исправительных работ на тот же срок.

М. ЖУРАВЛЕВ,
доктор юридических наук,
профессор

МОШКОПСКИЙ „НЕБУС“

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

На следующий день, когда Николая ввели в кабинет к подполковнику Бунину, он чуть не с порога сказал:

— Гражданин следователь, разрешите сделать заявление.

— Пожалуйста. Как вам удобнее — устно или письменно?

— Устно, — нетерпеливо боднул головой подследственный.

— Излагайте.

— Гражданин следователь! — Шурко и не пытался скрывать своего волнения. — Ранее я не указал еще одного задания, с которым был направлен в Советский Союз. Мне поручалось готовить компрометирующие материалы на преданных Советской власти работников, чтобы на основании этих материалов на них писали анонимки.

— Вы должны были писать анонимки?

— Нет, писать мне как раз и запрещалось. Я должен был только собирать материал и передавать в Центр, то есть на Запад. А там уже готовили бы письма. Таким образом, в случае расследования меня бы никак не нашли — ни по почерку, ни по отпечаткам пальцев, ни по другим признакам. Конечно, посылали бы письма не из-за границы, а ихние люди опускали бы в почтовые ящики где-то здесь.

— Поясните, на кого именно вы должны были готовить такие материалы.

— Конкретно заданий не было. Принцип был. «Умников не пускать».

(«Ах вот что имел в виду Романов», — подполковник Бунин мгновенно соотнес показания Шурко с непонятной фразой пьяного энтээсовского главаря, фразой, которую не понял и тот товарищ, который прислал донесение из Западной Германии.)

Шурко между тем продолжал:

— Где бы я ни обосновался, в поле моего зрения оказывается какой-то круг людей. Допустим, я бы осел, как планировалось, в Подмосковье. Ну, в Подольске. Через какое-то время, к примеру, узнаю, что у первого секретаря райкома здоровье неважное. Ну и пусть болеет, его не трогать. Третий секретарь, допустим, дурак, по-тихому пьет. Пусть карьеру делает. А второй — баба, то есть, извиняюсь, женщина, — умница, справедливая. Вот на нее надо найти компромат. Любой. Главное — убрать ее с ответственной работы — раз и расчистить дорогу третьему — два...

Заканчивая допрос, подполковник Бунин сказал просто, без юридических формул:

— Спасибо, Шурко. Это исключительно важная информация. Нельзя, чтобы честные люди страдали, надо это предотвратить. Какая же подлость, какая подлость.

И еще сказал подполковник Бунин:

— Завтра с вами начнет работать майор Курган, специалист по радиodelу. Так вот, если во время, допустим, разговора о шифровальной таблице вам вдруг вспомнится что-то о подготовке анонимок — говорите сразу же. Майора я введу в курс дела.

VIII

Профессиональный связист, человек с явно выраженной математической жилкой, Афанасий Никитич Курган попал в органы госбезопасности в конце войны. Как ему ни хотелось, говоря словами того времени, добить фашистского зверя в его логове, брать Берлин не пришлось. Родная дивизия обходила столицу коричневого рейха с севера, а старший лейтенант Курган мотался по Западной Украине. Терзания по поводу того, что он в «тылу», а не на фронте, окончились после внезапной и жестокой схватки с бандеровцами. Кургану не пришлось похоронить убитых в этом бою — он сам был ранен и попал в госпиталь. Старший лейтенант, как на полотне киноэкрана, все видел на беленом потолке палаты крестьянскую семью, прикрученную «бандеровскими удавками» к спинкам своих стульев. Видел растерзанное тело молодой женщины на столе; отрезанная голова ее плавала в ведре с пойлом для поросят.

Вспоминая все это, Афанасий Курган наконец-то внутренне признал правоту своего «змея-искусителя» полковника Чернышева, увидевшего в офицере-связисте «букет данных», который позволял ему делать работу, которая по зубам не всем. Он был физически очень развит, вынослив, хорошо владел украинским и польским языками. (Бабушка его была полькой, и в русской речи Афанасия Никитича чуткое ухо улавливало заложенные в раннем детстве особенности произношения: так, в слове «ресторан» у него слышалось «рестаурант».) Эти данные в сочетании с исключительным хладнокровием позволили Афанасию Никитичу успешно провести ряд смелых операций. (Сам о себе он говорил так: «Просто я умею скрывать ненависть».)

Но и в смертельно опасные игры с националистическим подпольем не дали наиграться старшему лейтенанту. Новый его шеф, полковник Донских, быстро оценил радиоматематические способности храброго офицера, и в результате Афанасий Никитич был приставлен к делу, для которого, казалось бы, его и создала природа.

Это было время бурного развития как радиотехники (рации де-

лались все компактнее и легче), так и криптографии (науки засекречивания сообщений). В свою очередь, «холодная война» стимулировала развитие именно «шпионских» отраслей радиотехники. Так что Афанасию Никитичу Кургану скучать не приходилось. К тому времени, когда перед ним предстал Николай Шурко, майор Курган был уже признанным специалистом по радиоразведке. А в этом деле одной математической жилкой обойтись невозможно. Ведь перед Афанасием Никитичем стояла не только инженерная, но и психологическая задача. И здесь, конечно, неоценимым оказывался его фронтовой и чекистский опыт.

Шурко сразу же показался майору отнюдь не крепким орешком. Он давал подробные показания и если в чем-то путался, то, видимо, потому, что и в самом деле забыл какие-то детали своего задания. Майор готов был побожиться, что этот его подследственный не питает никакого интереса ни к радиотехнике, ни к криптографии. Но если странный шпион запомнил какую-то малость, это могло испортить всю обедню, когда она начнется. А что она начнется, то есть что Шурко удастся склонить к работе в эфире против своих бывших хозяев, майор Курган почти не сомневался после первых же допросов. Потому еще и еще раз проходил Афанасий Никитич по всем возможным ловушкам.

И Николай вспоминал, сам удивляясь тому, как быстро вылетает у него из головы вся эта зубренная-перезубренная механика. До чего же это неинтересно, о господи! А у следователя аж глаза загорелись, когда он вспомнил еще такую условную фразу: при разговоре с базой его могли спросить: «Сколько у тебя осталось денег?» Если бы он, схваченный чекистами, работал по их принуждению, он бы ответил: «5 тысяч рублей» (или 10 или 20 тысяч — сколько им надо, он бы и назвал). Но если бы он работал в эфире свободно, он бы ответил: «5 тысяч козлов».

Николай рисовал шифровальные таблицы, показывал на изъятых у него, как ими пользоваться, разъяснял смысл пометок и условных знаков на радиоплане, отвечал на множество других вопросов по радиосвязи с Центром. Однажды на допрос пришел знакомый подполковник, опять спрашивал насчет террора.

— У меня не было заданий проводить теракты, — в который раз отвечал Николай.

— Но в тех листовках, которые вы должны были печатать с помощью изъятых у вас клише и распространять, содержатся призывы к террору. Это вы не отрицаете?

— Не отрицаю, но я таких заданий не имел.

Возвращение подполковника Бывалова к вопросу о терроре было вынужденным: «сверху» еще раз поинтересовались делом, особо вопрошая, не намеревались ли заброшенные агенты произвести теракты в День Победы. Полковник Метуков, руководивший следствием, внутренне усмехался: профессионалу достаточно было прочитать стенограммы допросов Шурко, чтобы понять, что ему предназначалась роль отнюдь не боевика, а куда более опасная, но... — то профессионалам. И он дал указание подполковнику Бывалову еще раз допросить Шурко о терроре. Оба офицера без слов понимали друг друга и безмолвно соглашались с тем, что мнение «сверху» нужно уважить.

А сами они думали уже о следующем этапе операции. Павел Данилович и его товарищи строили планы, как использовать Шурко в интересах советской контрразведки. Им виделись немалые воз-

возможности. Может быть, удастся с его помощью раскрыть внедренных энтэзсовцев, сидят же они где-то по своим гнездам, как сидел до прошлого года Триммель со своей бандой. Если Шурко сохранит доверие американцев и Околовича, он, возможно, со временем получит явки здесь, на советской территории. А еще вероятнее, что к нему направят очередных «гостей», среди которых, как показывает опыт, есть и любители стрелять «от живота веером», и волки вроде Лахно, замаранные выше головы, и мастера изощренных провокаций.

И надо сделать все, чтобы они не прошли через границу, которая в этой тайной войне может пройти и через перелесок на Украине, и через болото в Литве, и через курортную суету возле Сочи. Надо их выявить и нейтрализовать. И здесь может помочь Шурко.

В начале июня 1953 года Николаю было официально предъявлено обвинение по статье 58 УК РСФСР, пункты 16, 10 и 11. Бунин и Бывалов внимательно следили, как подсудимый читал текст обвинения. Предложили ему книжечку Уголовного кодекса.

— Не надо,— усмехнулся Шурко.— Я знаю, что это такое. Нас учили.

Взял ручку, твердо написал: «Смысл обвинения мне понятен. Виновным себя признаю полностью». Подписался. Рука у него не дрожала.

Вскоре после этого офицеры были вызваны к полковнику Метухову. Павел Данилович листал дело Шурко.

— Ну что, товарищи, пора подбивать бабки,— сказал он.— Давайте ответим на наш вечный вопрос — кто ты есть, Николай Карпович Шурко? Вот его самооценка, видите, я закладки сделал. Читайте. Вы, Игорь Алексеевич, просили его уточнить, что им, Шурко, двигало, когда он откликнулся на предложение Байдалакова и Околовича остаться в Западной Германии. Ответил: «Я согласился в надежде обрести оседлый образ жизни и обзавестись семьей. Однако этого не произошло. Мне предложили отправиться в школу пропагандистов». Так, далее уже о периоде энтэзсовской учебы... «Среди нас преобладало настроение обреченности, каждый думал — если придется умереть, то пусть на родной земле. Жизнь за границей всем опостылела».

Майор Курган хотел было что-то вставить, но Павел Данилович жестом остановил его.

— А вот очень, очень любопытная беседа Михаила Андреевича с этим унылым, я бы сказал, шпионом:

«— На какое время рассчитано было ваше пребывание в СССР?

— Для меня возврата не было...

— Какое вознаграждение ожидали вы получить?

— Абсолютно никакого.

— Из этого следует, что вы согласились работать в силу своих политических убеждений?

— Да, так можно понимать. Но на самом деле у меня была мысль другая. Я оторвался от дома, побывал в другом мире, особенно если говорить о Марокко. Когда я туда попал, у меня было полнейшее разочарование в жизни...»

— Теперь внимательно слушайте, товарищи: «Семьей я не мог обзавестись, потому что там совершенно другие нравы, а сбиться на тот путь, на котором оказалось там большинство людей, я не хотел, а желал возвратиться на родину, но сразу сделать этого не мог,

потому что много говорили о том, что кто возвращается, тех расстреливают. Я боялся.»

— Но вы имели твердое намерение выполнить задание? — насеждает на него наш Михаил Андреевич.

— Я этого не отрицаю,— говорит шпион.

— Ради осуществления своих антисоветских взглядов? (Следите за своей речью, товарищи, взгляды осуществить нельзя!)

— Я не знаю, какие у меня были бы взгляды после того, как я пожил бы в СССР.

— Но до этого?

— До этого — да».

Полковник Метуков закрыл папку:

— Прошу высказываться.

— Павел Данилович сделал нажим на моральный, так сказать, облик,— усмехнулся Игорь Алексеевич Бывалов.— Могу добавить, что Шурко с неохотой говорил о том, как янки возили их в мюнхенские бордели.

— Зато Лахно аж слюной закапал, когда затронули эту тему,— вставил подполковник Бунин.

— Ну, Лахно просто волк... А вот у Шурко действительно сохранилась какая-то мораль, даже, я бы сказал, порядочность. Я специально гонял его вокруг одной детали, фамилии деревенской женщины, у которой два года он просидел за печкой,— не назвал. Мне не нужна была она, но я почувствовал его волнение и стал испытывать. Устоял. Что ж, будь он у меня в роте, и в самом деле можно было бы вписать в характеристику — «морально устойчив».

— Человек он, безусловно, слабый,— подал голос майор Курган.— Но уж точно не злодей. Как-то он сказал, что при приземлении у него мелькнула мысль: зарыть рацию и все прочее, махнуть в Сибирь и затеряться в каком-нибудь лесничестве, только по дороге вставить золотые зубы — у них у всех по тридцать монет... но это к слову. Я предлагаю, товарищ полковник, немедленно предложить ему работать на нас. Соображения по радиоигре я готов представить завтра.

— Я больше всех работал с Шурко.— Подполковник Бунин говорил как всегда неторопливо, четко выговаривая слова. (Однажды на фронте был у него из-за этого казус, который мог весьма неприятно кончиться: бдительный часовой, вчерашний студент-филолог МГУ, принял его за иностранца...) — Пришел я к однозначному выводу: это просто слабый человек. Но слабый по меркам нашего нелегкого времени, по меркам войны. Вы представляете, товарищи, если бы такой вот Шурко не был мобилизован в армию, а остался бы, как говорится, ковать в тылу оружие победы? Ну, гимнастерки шить, хлеб сеять... Убежден, он был бы очень хорошим, добросовестным работником.

Полковник Метуков поморщился:

— Эк вы куда хватили, Михаил Андреевич! Звучит красиво, но совершенно нереально. Когда идет призыв, некогда с каждым по отдельности разбираться, в душу влезать. А вот долг свой выполнять, особенно когда Отечество в опасности, обязаны все, независимо от личных склонностей...

— Я понимаю, Павел Данилович. Конечно, это для нас непозволительная роскошь — индивидуальный анализ. Как говорится, наше суровое время не позволяет. Мы, однако, обязаны выявить истинную природу человека и на этой основе строить свои расчеты. Лю-

бой человек способен больше сделать, если он стоит на своих двоих. Именно — на своих...

— Ладно, ладно, переспорили,— засмеялся Павел Данилович.

— Разрешите закончить. Я убежден, что он рано или поздно пришел бы с повинной. По всем этим причинам я поддерживаю предложение начать второй этап операции — включить Шурко в дело.

Полковник Метуков поднялся, стал мерить кабинет неслышными шагами:

— Да, я согласен, работать с ним можно. Осесть наш «Негус» должен был в Подмоскovie. Давайте и начнем. Где у вас подготовлена площадка, Афанасий Никитич?

— Верея готова, товарищ полковник.

— Хитрый вы человек. Между сеансами будете за грибами ходить... Ладно. А Шурко надо четко сказать: поможет нам по-честному, будем ставить вопрос о помиловании. Даже если пяти лет ссылки добьемся — тоже неплохо.

Подполковник Бывалов засмеялся:

— Как это Лещенко поет: «Но я Сибири, Сибири не страшусь, Сибирь ведь тоже русская земля».

— Тем более сам сибиряк...

Полковник Метуков снова уселся за стол:

— И последнее, товарищи офицеры. Сюрприз, так сказать, имеющий прямое отношение к теме нашего разговора. Перед самым вашим приходом поступила шифровка из Минска. Явился с повинной заброшенный вчера ночью энтэзовец Новиков. Агентурная кличка Джо. С ним был еще Аик, после приземления разошлись, его подлинное имя Новикову неизвестно. Ну, а нам благодаря Шурко оно известно. И фото есть. С часу на час должны взять... Так что давайте, товарищи, решим так. Сообщите Шурко о явке Джо и задержании Айка (надеюсь, что его все же задержат) с его, Шурко, помощью. Пронаблюдайте за его реакцией. Это будет последнее испытание. А потом, если все в норме, отправляйтесь в Верею.

Выйдя от полковника, Игорь Алексеевич Бывалов глянул из широкого окна на лестничной клетке вниз, где по одной из самых оживленных улиц Москвы мчался нескончаемый людской поток, и застонал от тоски. Ему бы сейчас не здесь быть, а там, где ждут Айка. Конечно, понимал подполковник, что слишком много раз в него стреляли, метали ножи, слишком много раз ему ломали кости, чтобы всерьез думать о возврате «туда» (одна сломанная нога, эта проклятая неисправимая хромота била все карты), но в такие минуты он не мог справиться с тоской. Игорь Алексеевич зажмурился и за мгновение все увидел — как было предreshено задержание Айка и как оно произойдет.

Шурко уже описал по отдельности этих двух камрадов, но когда пришло сообщение из Западной Германии, что скоро в паре «пойдут в Россию» Джо и Аик, Бывалов попросил подследственного рассказать о них подробнее. Джо был ему хорошо известен. Бывший власовец, он вместе с Шурко строил аэродром под Мюнхеном, а потом работал плотником в Марокко. Звали его Адамом Никифоровичем Новиковым. Человек необщительный, избегавший не то что шумных компаний, но и вообще чьего-либо общества, он отличался религиозностью. В Касабланке пел в церковном хоре. По словам Шурко, никогда антисоветских взглядов не высказывал. От раз-

говоров о прошлом, о том, как попал в РОА и что там делал, уклонялся.

Айк, с которым они столкнулись в Бад-Висзее, был на него совершенно не похож — настроен резко антисоветски, горел желанием кое с кем поквитаться за старые обиды. Что стояло за этими словами, Шурко не знал. Неудивительно, что подлинное имя Айка замкнутому Новикову не было известно. Он не ходил в пивные сады и бордели, до которых Айк был большой охотник. В этих поездках развязывались языки, забывались инструкции, и Шурко как-то услышал от пьяного Айка, что зовут его Костя Хмельницкий. Правда, Николай вспомнил это не с первого раза, но вспомнил. Фотография власовца Константина Хмельницкого нашлась в картотеке у военных разведчиков, и Шурко опознал по ней Айка.

Игорь Алексеевич представил себе, как, расставшись с Джо на рассвете, Айк зашагал по лесной дороге в сторону Сморгони. Сильный, чуткий, как зверь, и как зверь злой, он идет, ничем не отличимый от тысяч таких же мужиков — небритых, в полинялой военной форме со споротыми погонами, в сбитых кирзовых сапогах. Его не поймашь, как ловят хорошо подготовленных иностранцев, на неточностях речи, на незнании жаргона, он умеет и дрова колоть, и папиросы курить по-нашему, и водку пить да грибами закусывать. Легко затеряться такому человеку среди прохожих-проезжих. И чем дальше он отъедет от места высадки, тем труднее будет раскрыть его и обезвредить. Потому что Игорь Сергеевич, он же капитан Холлидей, вдалбливает своим подопечным:

— Доставайте подлинные документы. Для этого все средства хороши. Надо украсть — укради. Надо ограбить — грабь. Надо убить — убей.

И Околович, который делает вид, что работает частично втайне от американцев и англичан (Игорь Алексеевич убежден, это все туфта и сговор между НТС и ЦРУ — это дуракам-агентам говорится на случай, если в них разыграют патриотические, вернее националистические, чувства), тоже наставляет, что ради «национальной революции» не грешно пару большевиков и пришить, чтобы достать настоящие документы, а не американскую липу. Все равно, мол, их, большевиков, скоро будем тысячами вешать...

У Айка сейчас задача — уехать, все равно, на Вильнюс или на Молодечно. Вряд ли он сойдет в Молодечно, лучше до Минска. Там уж дело будет потруднее. Хорошо бы взять уже в Сморгони, предположим, в чайной, куда он зайдет в ожидании поезда. Эх, где твои, Игорь Алексеевич, былые годы, былые силы! Помнишь, как взял в чепке... ну, как его — Амлинова. Агентурная кличка «Сова». Ни у кого даже пиво в кружке не покачнулось, вот как взял!

Страхнув наваждение, подполковник Бывалов проковылял в свой кабинет. Вскоре позвонил Павел Данилович Метуков и сообщил, что в Сморгони задержан Айк.

IX

С выездом Шурко в Верею несколько задержались, и связано это было с событиями, произошедшими в июне 1953 года. В Москве — для всех это было как гром среди ясного неба — армейскими офицерами был арестован Берия. Падение всемогущего Лаврентия Павловича не могло, конечно, не отозваться на работе МВД, но чем дальше расходились круги от больших приемных к профессио-

налам разведки и контрразведки, тем меньшее значение это имело. В сущности, ничего не переменилось в работе полковника Метукова и его сотрудников. Наверное, в душе каждый из них — прежде всего Павел Данилович — дал однозначную оценку происшедшему. Наверное, и порадовались, что Лаврентию Павловичу вскоре несомненно (приговор был ясен заранее) предстоит встретиться в одном котле с Ягодой и Ежовым.

Тогда, конечно, даже и полковник Метуков не мог себе представить, что жертвами беззакония стали более двадцати тысяч чекистов, но Павел Данилович знал, что потери в кадрах, обернувшиеся страшными потерями для дела, были огромны. Однако — дети своего времени и своей среды — они не обсуждали между собой данный вопрос. Наверняка каждый из них усмехался про себя, читая в газете, что Берия Л. П. — английский шпион, но только про себя. Какая-то жуткая ирония была в том, что на мастера фабрики дутых шпионов надели тот же, излюбленный им, позорный колпак...

И в том же июне в Берлине произошла попытка поднять антисоциалистический мятеж. В Западный Берлин была переброшена группа боевиков НТС во главе с Романом Редлихом. В случае «разворота событий» банда должна была вырваться «на оперативный простор» и, пройдя ГДР и Польшу, «вторгнуться» на советскую территорию. Воспаленному воображению главарей НТС въяве чудилось, как за смертью Сталина и падением Берии начнется «самораспад советской системы» — процесс, в котором горстка энтээсовцев сыграет роль катализатора. Но «разворота» не произошло. Пришлось Редлиху с компанией лететь обратно во Франкфурт. Однако июньская вспышка энтээсовской активности, берлинская вылазка редлиховских боевиков имела одним из своих результатов изрядное пополнение фототеки советской контрразведки. И Шурко, Кулеминов, Новиков и другие задержанные шпионы опознавали на многочисленных снимках своих бывших камрадов. Их показания сопоставлялись, уточнялись — шла рутинная, будничная работа, которой так много занимаются в разведке.

Николаю было открыто сказано, что его участие в опознаниях энтээсовцев поможет задержать тех, кто будет забрасываться на советскую территорию. И, конечно, что все это будет учтено при решении его судьбы. Николай спокойно принял это известие, сообщенное ему майором Курганом, сказал, что рад такому обороту дела. Пояснил — не только за себя рад, а может быть, и не столько за себя, сколько за тех, кто ни в чем не замешан и кого по договору с американцами и НТС могут замарать.

— К примеру, — пояснил он, — какой-нибудь Иван Агрузов, он должен скоро идти, злой человек. Он никого не пощадит... А я вот думаю, вы извините, гражданин следователь, такой вот Агрузов может, к примеру, испортить жизнь какому-нибудь профессору из Иркутского университета — там очень хорошие люди, я их никогда не забуду.

И испуганно добавил:

— Но фамилий не помню...

* * *

По каким-то причинам упомянутый Иван Агрузов так и не был заброшен в СССР. Он сделал в НТС карьеру, пробившись из шоферов и радистов в главари, был руководителем «закрытого секто-

ра», где готовятся шпионско-террористические акции, а двадцать с лишним лет спустя сделался шефом отпочковавшегося от НТС так называемого Международного общества прав человека. Этот изменник Родины, пошедший во время оккупации на службу в фашистскую жандармерию, был даже награжден западногерманским орденом.

...Верея от Москвы — в сторону Смоленска. Вот так Николай оказался поблизости от тех мест, где он начал войну. Отсюда не так уж далеко до Вязьмы, там, к северу, Сычевка, где его первый раз взяли в плен. Можно туда и еще быстрее добраться, через Гжатск. (Ныне — город Гагарин.) В лесу, на уютной поляне, недалеко от шоссе, развернули рацию.

Майор Курган сказал просто, без кабинетной официальности:

— Давай-ка, Николай, перекурим. Время еще есть.

Они удобно уселись на упавшей березе, и майор достал пачку «Казбека», которая в те времена еще была картонной и раскрывалась. Внезапно Афанасий Никитич спросил:

— Гриб видишь?

— Какой гриб?

— Вон, беленький, из травки выглядывает... Молодой еще, пусть растет. Ничего, мы с тобой еще грибов пособираем, похлебку сварим.

Николай хотел что-то сказать, но осекся. Майор, однако, его понял:

— Если насчет побега, так я не боюсь. Куда тебе бежать? А вот боюсь я, если честно сказать, не припозднились ли мы с первым сеансом. Просчитают они нас или нет — вот в чем вопрос, как говорил Гамлет.

Благодушная беседа майора Кургана с Николаем имела целью не только наладить еще больший контакт, но и привести радиста в совершенно спокойное состояние. Ведь радиопочерк Шурко неоднократно записывался на пленку там, в Бад-Висзее, и теперь эти бобины находились на базе где-то в Западной Германии. Сегодня же запись сообщения, которое сейчас передаст Шурко, опытные слухачи сопоставят с теми эталонами и дадут заключение — «Негус» ли работал на ключе или кто-то другой. Для того чтобы человек передавал в обычной для него манере, он должен быть спокоен.

Радиостанция НТС «Свободная Россия» не пользовалась широкой известностью в СССР. Маломощная, эта станция плохо была слышна. А из тех, кто случайно на нее натыкался, многие принимали «Свободную Россию» за хулиганство в эфире. Изначально в замысле этой станции была заложена ошибка. «Свободная Россия» выдавала себя за подпольную радиостанцию, работающую с советской территории. Станция передавала невероятные сообщения о восстаниях в СССР, о действиях никому неизвестных повстанческих армий и комитетов, о разгроме то одного, то другого обкома, горкома партии или управления МВД. Здравомыслящие люди говорили: бред какой-то, кому это нужно?

Были, однако, люди, которые с замиранием сердца ждали сообщений «Свободной России». Так ждал майор Курган сообщений для своего подопечного. И вот оно, наконец-то! «Слушай меня, Негус! Передаю для Негуса, — говорил женский голос. — Видела тебя в Ялте. (Это значило — тебя запеленговали там, где ты и ожидался.) Тетя Маруся хотела бы получить от тебя ландыши. (Это значило — ждем письма по конспиративному адресу в Норвегии.) Если ты пом-

нишь ласковые взоры, мигни разок. (Это значило — если шифр-блокноты тобой не утеряны, связывайся с Центром по варианту № 1.)

Так холодным летом пятьдесят третьего года началась радиоигра, получившая кодовое наименование «Кубань» — по месту высадки «Негуса» и «Графа», то есть Шурко и Кулемина. Шурко сообщил, что он осел в Верее, Кулеминов «бросил якорь» в Клину. Американцы перебрали все варианты своих радиоловушек — и по всему выходило, что «Негус» и «Граф» работают свободно, а не по принуждению. В свою очередь, Околович заверял своих хозяев из ЦРУ, что эти-то люди, «Негус» и «Граф» — абсолютно надежные. А что было делать Георгию Сергеевичу — в первую очередь на него, «Гиммлера НТС», ложилась ответственность за все провалы.

Однако нельзя сказать, что Центр сразу же поверил «Негусу» и «Графу». Нет, проверка и перепроверка обоих была весьма тщательной. Собственно, в радиоигре «Кубань» Шурко исполнял роль «диктора». Чекисты тщательно готовили тексты его «донесений». Майор Курган, внимательно наблюдавший своего подопечного, чувствовал — не интересуют Николая все эти «игры», томится он, мается, но исполняет свои обязанности добросовестно. Занимаясь радиоигрой, Афанасий Никитич постоянно беседовал с Николаем, именно беседовал — он умело избегал формы допроса, полагая, что главное, по мнению подследственного, уже им сказано, а какая-то деталь скорее обнаружится в ходе непринужденного разговора.

Так однажды и получилось, причем выявилось кое-что, имеющее прямое отношение к радиоигре. Николай как-то упомянул, что один раз его радиопочерк записали после сильной пьянки, причем пьянка была организована капитаном Холлидеем (Игорем Сергеевичем). Николай решил: им наглядно показали, что похмельное состояние снижает качество работы на ключе — больше ошибок, меньше скорость. А майор Курган увидел здесь иной замысел. И однажды он попросил Николая перед передачей выпить. Эксперимент удался: среди прочего Центр заинтересовался у «Негуса», не злоупотребляет ли он спиртным... Значит, каждая передача Шурко проверялась придирчиво. А это говорило о том, что ЦРУ и НТС, видимо, работают с ним всерьез.

Но все это волновало лишь майора. Николай, внутренне уже разорвавший со своими бывшими хозяевами, не испытывал ничего, кроме досады и скуки, когда видел рацию, шифртаблицы, радиоплан и прочую дребедень. Но он был рад выездам на передачу. А выезжать надо было в разные «правдоподобные» места — ведь его могли пленговать какие-то невидимые и неизвестные люди здесь, в Подмосковье, не говоря уж о посольстве. Майор Курган понимал, что для истомленного тюремной камерой Николая очень ценны недолгие прогулки по лесу, особенно когда он выпускал его из своего поля зрения. Но и наблюдательный Афанасий Никитич не мог себе представить, насколько интенсивно переживал эти минуты Николай.

В эти минуты в нем как будто спрессовывались многослойные и разнообразные чувства, воспоминания, размышления. Снова и снова проходила перед ним вся его такая нелепая и невеселая жизнь. Он считал свои ошибки, свои преступления, свои заблуждения, как он их сейчас понимал, и не мог сказать, что в его сознании все четко стало на место, сфокусировалось, как при наводке

фотоаппарата на резкость. Нет, многое оставалось смутным, многое не было решено — ни им самим, ни, очевидно, всем обществом.

Не все он ухватывал и в Большой Политике, которая шла не им, Николаем, а кем-то еще предначертанным порядком. В прошлом году энтэзовское начальство заставляло его, как и других камрадов, регулярно читать советские газеты, чтобы быть «в курсе» и не провалиться на незнании «советских реалий». И вот он провалился. Если подумать, не потому ли, что его начальники там, за кордоном, никак не могли осознать главную реальность: народ — за свою, за Советскую власть. И когда к нему являются «освободители» от этой власти, он их берет за шкуру и сдает в ЧК.

...Иногда удавалось увидеть людей. Через автомобильное стекло, как бы украдкой, смотрел на них Николай и думал, что никакой учебой по газетам не познаешь «реалии» этой жизни, во многом теперь и ему неведомой — ведь уж черт-те сколько лет длится его «приключения».

Однажды машина, в которой чекисты везли Николая, попала в затор на шоссе. Спереди оказался крытый грузовик, в котором ехали развеселые студенты с гитарами. Пели песни, большинство которых было уже неведомо Николаю. Оно и понятно. Кто вспомнит в летние каникулы пятьдесят третьего слова наподобие тех, что пел Николай со своими однокурсниками у костра под Иркутском осенью тридцать девятого:

«Кони сытые бьют копытами,
Встретим мы по-сталински врага».

Да, так он пел, искренне пел, сидя рядом с девушкой, которую всю жизнь помнил и чье имя не назвал ни на одном допросе. Никто уже эту песню не споет — даже если б случилось чудо, и все убитые студенты воскресли (а наверняка погибло большинство) и собрались у костра.

Но не все песни забыты, не все бойцы полегли под гусеницами немецких танков, не все погибли за колючей проволокой лагеря военнопленных. Вот и нынешние студенты поют кое-что из того, что пели те, довоенные:

«Дан приказ ему на запад,
Ей в другую сторону,
Уходили комсомольцы
— На гражданскую войну».

Но в основном песни были Николаю не знакомы. Да и по радио вряд ли такие передавали. А потом вдруг рыжий парень под всеобщий хохот пропел:

«Цветет в Тбилиси алыча
Не для Лаврентий Палыча,
А для Климент Ефремыча
И Вячеслав Михалыча...»

Русскому человеку пятьдесят третьего года этого куплета было достаточно, чтобы понять: Л. П. Берия вылетел из кремлевской обоймы, а К. Е. Ворошилов и В. М. Молотов — у власти. Майор Курган оставался бесстрастным, только водитель засопел — такое в присутствии шпиона...

Николай вспомнил Околовича, его прогнозы о том, что осиротевшие большевистские главари обязательно передерутся. Судя по шуточному куплету, что-то такое происходит, но, судя по всему остальному, порядок в стране сохраняется. На ее «самораспад», во всяком случае, не похоже. А впрочем, что мог видеть Николай в своем положении?

Когда выпадали счастливые мгновения и он мог побыть в лесу без свидетелей, Николай, глядя сосновую ветку (сосны напоминали ему родную Сибирь), мечтал о том, чтобы скорее все кончилось и... Но что дальше? Ему толком и не говорили, на что он может рассчитывать. Срок в тюрьме? Лагерь? Ссылка? Он уже перестал — или почти перестал — бояться расстрела. Впрочем, камрады говорили, что теперь есть кое-что похуже — загонят на урановый рудник, и в несколько месяцев заживо сгниешь.

Но не всегда мысли Николая принимали столь мрачный оборот. Холодным летом пятьдесят третьего года засветила надежда и ему. Николай почти физически ощутил ее приход. Однажды, дело было уже в конце августа, когда машина поднялась на холм, внезапно расступился лес, и столь же внезапно разошлись угрюмые тучи. В просвет ударило солнце и осветило всю округу: и лесной оком, и серую деревушку с полуразрушенной церковкой, и мокрое поле, и стадо неухоженных коров. Все это было так не похоже на Германию, а уж про Марокко и говорить нечего, — такое это все было родное, свое, что Николай вдруг заплакал — просто полились слезы из глаз, и ничего не сделать, не скрыть. И он был очень благодарен майору Кургану, который сделал вид, что ничего не заметил.

Х

Осенью из Центра пришло «Негусу» распоряжение — съездить по возможности скорее на Кубань и недалеко от района своей высадки присмотреть пару хороших площадок для приема самолетов. Ехать предписывалось через Сочи. Там на вокзале надо было быть в определенный час — возможно, для корректировки задания. Дан был пароль: «Не нужна хорошая квартира? Возьму недорого, только баб не водить». Отзыв: «Меня как раз бабы интересуют». Указывалось время встречи — основное и запасное, на всякий случай. Если никто не подойдет, следовать намеченным маршрутом.

...Николай не знал, страховал ли кто-нибудь майора в этой поездке. Чекист, разумеется, был в штатском, причем он как-то неуловимо изменился. Лицо стало плутоватым. В речи усилился польский акцент, под рубашкой у него Николай заметил нательный крест. На тот случай, если некто подойдет в присутствии Афанасия Никитича и потребует познакомить — сказать про майора, что это «полезный человек», который все может купить, продать и достать. А остальное, мол, сам о себе расскажет. Но, сказано было Николаю, вероятность такого оборота дела ничтожно мала, видимо, на него хотят посмотреть. Николай сам сообразил, что майора, наверное, планируют со временем ввести в какую-то игру...

Но не знал Николай, что вызов его на Кубань оказался весьма своевременным (с точки зрения советской контрразведки) совсем по другой причине. Шла радиоигра, в которой участвовал захваченный чекистами агент НТС Кравец. (Под фамилией Сорокин он был заброшен в СССР британской разведкой.) По ходу игры потребовалось сообщить на Запад о том, что при задержании покончил с со-

бой напарник Кравца — Данилов. Ничего этого Шурко знать не полагалось, он лишь после возвращения с Кубани добавил к сообщению о выбранных площадках сведения о самоубийстве шпиона. Слухи об этом ходят среди местного населения, передавал в Центр «Негус».

И еще Центр запросил сведения о том «поляке», с которым «Негус» был в Сочи. Значит, кто-то там не только видел Николая, но и расслышал акцент в речи Афанасия Никитича. «Негус» отстукал продиктованный ему текст о человеке, который может все купить, достать и продать. Центр запросил о возможности привлечения «поляка» к работе. «Негус» ответил отрицательно, высказав мнение, что у этого человека нет никакой идеологии и, кроме денег, он ничего не уважает. Центр посоветовал не выпускать «поляка» из поля зрения и потихоньку прикармливать. Возможно, использовать его способности доставалы для устройства явочных квартир.

Судя по реакции — а судили о ней опытные люди, — Центр невысоко оценил разведданные «Негуса» о советской авиации. (Разумеется, это тоже входило в расчеты полковника Метукова.) Николаю было предписано перейти на более редкие сеансы радиосвязи, но регулярно слушать «Свободную Россию».

Донесения о выявленных Николаем подпольных антисоветских организациях, о завербованных им агентах (действовать только от имени НТС, не называя американцев!), компрометирующие материалы о преданных Советской власти партийных, советских и хозяйственных работниках предписывалось посылать в конспиративных письмах. Напомнили Николаю, что письма надо опускать в ящик не где попало, а поблизости от мнимого адресата. Скажем, на улице возле «Экспортлеса» отпустил он в ящик письмо, направленное якобы этой организацией неведомому господину Нильсену в Норвегию. Там поперек строк невинного делового текста он должен был написать специальным составом свое донесение. А о получении письма его уведомяла «Свободная Россия».

Снято было с Николая задание собирать сведения о «ненадежных для режима» воинских частях. Видимо, даже до тех, кто планировал работу «Негуса», «Графа» и других шпионов, дошло, что армия полностью поддерживает Советское правительство. Возможно, к этому выводу их подтолкнули совместные действия партийного и военного руководства в устранении Берии. Николаю было приказано сосредоточиться на устройстве надежных явок и подготовке к приему «офицеров революции». Повторен был и пароль, с которым к «Полю» должен был обратиться посланец Околовича: «Кажется, мы учились с вами в техникуме в Калинин?» Отзыв: «Нет, вы ошибаетесь, наверное, это был мой брат».

...Чем дальше, тем нетерпеливее думал Николай о развязке. Должна же она наступить: суд или как это у них называется. И метельным февральским днем тысяча девятьсот пятьдесят четвертого года она наступила. В который уже раз предстал он перед следователями — в тот день были все трое: Бунин, Бывалов и Курган (о существовании полковника Метукова он и не ведал).

Михаил Андреевич Бунин раскрыл на закладке толстое дело:

— Напомню вам, Шурко, одно место из ваших показаний. Так сказать, еще прошлых годов... Ага, вот протокол допроса 11 мая 1953 года. Вас спросили: «Вы намерены были выполнять полученные задания?» Ваш ответ: «Нас обрабатывали в антисоветском духе, у меня сложилось убеждение, что Советское правительство ведет

неправильную внутреннюю и внешнюю политику. Я имел намерение выполнять задания американцев и НТС, однако, если бы на основе советской действительности я бы убедился в лживости антисоветской обработки, я бы не стал выполнять задания и явился бы с повинной». Вспоминаете?

Николай пожал плечами: «Точно не помню, какого числа, но вроде говорил...»

— Если бы сейчас вам был задан тот же вопрос, вы бы так же на него ответили? — спросил подполковник Бывалов. — Не торопитесь, подумайте.

— Да я уже думал, — угрюмо ответил Николай. — Время, вы извините, у меня было, чтобы всю свою жизнь много раз продумать. Глупо так все получилось...

— Ладно, — подполковник Бунин раскрыл другую папку. — Мы пригласили вас не для того, чтобы душу травить. Вот прочтите этот документ.

Строчки запрыгали перед глазами Николая: «...Принимая во внимание, что с помощью Шурко Н. К. можно создать условия для захвата других агентов и эмиссаров, проводить мероприятия по внедрению агентуры МВД в разведорганы противника, а также учитывая, что Шурко Н. К. дал на следствии откровенные показания о своей преступной работе, назвал всех известных ему агентов иностранных разведок, выдал коды, шифры, пароли. ПОСТАНОВЛЯЮ: следствие производством прекратить, следственное дело сдать на хранение в архив, арестованного Шурко, он же Груша Николай Иванович, из-под стражи освободить... 10 февраля 1954 года».

— Сначала поживите в Верее, — как сквозь вату донеслись до него слова майора Кургана, — потом есть смысл перебраться в Москву. И они ставили такую задачу, и с нами удобнее связь держать. Мало ли что может быть...

Видимо, Николай сильно побледнел, потому что майор вдруг замолк и стал наливать ему воды из графина.

А потом в комнату ввели Михаила Кулемина. Он тоже был освобожден. «Негус» и «Граф», иначе говоря «Поль» и «Боб», а вернее Николай и Михаил впервые увидели друг друга после ареста.

Чекисты велели Кулеминову поселиться в Клину. Это совпадало с видами НТС на «Графа» — искусный радист, но явно неспособный пропагандист должен был сосредоточиться на технике. Вспомнили слова Околовича о раздельной подготовке радистов и пропагандистов. «Свободная Россия» недавно напомнила «Графу» об этом. Видимо, в «закрытом секторе» беспокоились, не впадет ли Михаил в амбицию из-за того, что к нему вскоре прибудет резидент, которому «Граф» должен будет подчиняться как исполнитель-радист. На это Михаил отстучал тщательно составленный майором Курганом текст, из которого следовало: «Граф» («Боб») рад будет снять с себя бремя идеологической ответственности и с радостью станет выполнять ясные приказы. Однако подготовка явок — дело сложное, документы стоят очень дорого, и денег не хватает». Он просил также разрешения съездить в Калужскую область, в Людиново — одним глазком взглянуть на родные места. Центр строжайше запретил ему это, денег обещал вскорости подбросить с прибывающим эмиссаром. Кроме того, «Бобу» не рекомендовалось встречаться и даже переписываться с «Полем».

— Надо пойти навстречу пожеланиям Околовича, — смеясь, говорил майор Курган. — Видно, Николая энтээсовцы берегут для

больших дел. Так что, мужики, придется вам пока держать связь через меня. И разъезжаться придется по одному.

— Ничего не попишешь, — вздохнул Николай. — Пес их знает, чего они придумают, кого заслали, кто наблюдает. Как вон, помните тогда, в Сочи...

— Стоп, стоп, стоп! — прервал его Афанасий Никитич. — Первая ошибка. Михаилу про Сочи знать не нужно. Не потому, что мы ему не доверяем, а потому, что, как говорится, береженого бог бережет. Мало ли какая может случиться утечка. Отсюда один из основных законов разведки — информация не должна выходить за пределы того круга лиц, которым она нужна для дела.

И видя огорченные лица «майкопской парочки», добавил:

— Ничего, не вечно же все это будет. Еще увидите.

XI

Николай и Михаил увиделись через три с лишним года, когда их возможности как подставных «резидентов» и «опор» энтээсовского «каркаса» были исчерпаны. Михаил Андреевич Бунин, теперь уже полковник, встретил их в приемной Комитета госбезопасности.

— Ну что, товарищи, — сказал после первых приветствий Михаил Андреевич. — Интересуют вас последние новости об НТС?

— Век бы я их не знал! — вырвалось у Николая, но Михаил сказал, что было бы любопытно послушать.

— Помните берлинские события в июне пятьдесят третьего? — начал полковник. — Тогда в Западном Берлине сидел Редлих с целым отрядом, готовился к походу на Москву. Да, на Москву, через Варшаву, Минск, Смоленск. Такой вот Наполеончик... Но поехать пришлось совсем в другое место — на Тайвань. Там всякими гадостями занимался. Наш танкер «Туапсе» захватили тогда чанкайшисты...

— Писали в газетах, — вставил Михаил.

— Верно. Не писали, как Редлих носился с планами географического размена между США и Советским Союзом.

— Как это? — удивился Николай.

— Предлагал, понимаешь, сменять Кавказ на Аляску. Да... около двух лет пробыл Редлих на Дальнем Востоке, а потом опять всплыл во Франкфурте. К тому времени руководство НТС сменилось. Уже давно, еще в ваше, так сказать, время шла грызня между Байдалаковым и Поремским. У каждого, как водится, свои прихлебатели.

— Что-то я не замечал, — сказал Николай.

— Где уж тебе заметить, Коля! — засмеялся полковник. — Зато я заметил, причем, скажу без похвальбы, с самого начала, что не лежит у тебя душа ко всем ихним делам. И никогда не лежала. Швыряло тебя, как щепку, по волнам большой политики (Николай даже вздрогнул — Михаил Андреевич вслух произнес слова, которые он столь часто употреблял в своих молчаливых разговорах сам с собой). Ну ладно, не о тебе сейчас речь... Так вот, к пятьдесят пятому году четко сложились две группы: Байдалаков, при нем ваш знакомый Поздеев, а также Тенсон, Шютц, кое-кто еще. За Поремского стали Околович, Артемов, Редлих в его пользу голос из Азии подавал...

— Ну ясно, эти и победили! — не удержался Михаил. — Эти покрепче.

— Не спеши, не крепость решала... Сначала байдалаковцы от-

казались пускать противную фракцию в главную контору. Но победили байдалаковцев. В прямом смысле слова. По мордасам кулачками решили политический, в кавычках, спор. Но — заметьте! — били их не только ребята Поремского, но и американцы. Поремский сумел заявить себя их человеком. Вот в чем соль.

— Все они там одним миром мазаны! — опять не удержался Михаил. — Простите за выражение, прямо как шлюхи за клиента дерутся!

Полковник Бунин продолжил: «После драки всю документацию НТС, весь архив, перетащили в «Посев». Издательство давно уже было оплотом Поремского. Ну, а Байдалакова с компанией исключили из НТС с формулировкой — «за измену делу солидаризма». А дело в американцах. Они взяли на себя содержание энтэззовского аппарата, им невыгоден Байдалаков, запятнанный службой Гитлеру».

— Артемов разве не служил? — воскликнул Кулеминов. — Редких разве не служил? Все они там. Да сам Поремский в Берлине у Геббельса шестерил!

— Фасад, фасад! Можно перед общественностью отчитаться: так, мол и так, фашиста Байдалакова прогнали, значит, все о'кей...

Михаил оживленно беседовал с полковником, а Николай вспоминал новогоднюю пирушку в Касабланке, свою первую встречу с Байдалаковым. Как поразил тогда его, простака, Виктор Михайлович! Как искренне говорил он, что русской молодежи грех обзаводиться уютными домиками—садиками, надо поднимать Россию на свержение большевистской власти. Из наших ячеек-молекул мы создадим каркас... Мы нарастим силы... Армия восстанет... Сталину придется, как некогда Ленину, эмигрировать в Швейцарию, если, конечно, он не погибнет в пламени национальной революции...

— Вот и пришлось Байдалакову, чтоб не мозолить глаза, умотать в Америку. Так сказать, податься еще в одну эмиграцию.

— Чтоб он сдох! — энергично заявил Кулеминов, а Шурко кивнул головой в знак согласия.

Полковник Бунин засмеялся:

— Ай-ай-ай, мужики, что ж вы так его? Благодарны ведь оба вы должны быть Виктору-то Михайловичу. Да, да, благодарны. Не поняли? Давайте считать. Если бы не предложение Байдалакова поехать в Европу, что бы с вами стало? Убежден, вы бы не стали гнить в Африке, умотали бы куда-нибудь в Канаду. А оттуда, считай, возврата нет. Вот какая диалектика получается... Коля-то наверняка бы уже многодетным канадцем сделался, а ты, Миша, может, еще по ихним девкам бегал — я тебя знаю...

— Девки в прошлом, товарищ полковник! — Михаил достал из бумажника фотографию симпатичной девчушки. — Дочка. Наташа. Наталья Михайловна, пятьдесят шестого года рождения, гражданка СССР.

— Дети — это хорошо, — сказал полковник. — У меня четверо. Знаешь, нам, русским, надо иметь много детей. Столько нашего брата война унесла, надо нацию восстанавливать...

Николай подумал, что не только война победила нацию, но и свою руку приложили. Был уже пятьдесят седьмой год, после двадцатого съезда вошли в обиход такие немыслимые раньше слова, как необоснованные репрессии, культ личности, произвол карательных органов. Но вслух Николай ничего не сказал. И не потому, что опасался говорить такое здесь, в приемной КГБ на Кузнецком мосту

(чего ему, Николаю Шурко, теперь опасаться?), а потому, что боялся ненароком задеть Михаила Андреевича. А Николай был тверд в своем убеждении, что полковник Бунин к необоснованным репрессиям никакого отношения не имеет. Другое у него дело в жизни. Такое тяжкое и такое нужное дело. И Николай спросил о знакомых офицерах.

— Афанасий Никитич в командировке, — ответил чекист, умолчав о том, что майор Курган находится за рубежом, — а Игорь Алексеевич умер.

— Как умер?

— До срока и нелепо, — вздохнул Михаил Андреевич. — Было ему сорок четыре года. Но — шестнадцать ранений, а от всех перегрузок — сердце. Умер в метро, в час пик. Так его, мертвого, и вынесла толпа на станцию «Площадь Революции»... Получасом позже — здесь, в здании комитета, спасли бы, может быть, врач бы добежал... Не так умер, конечно, как в книгах герои умирают. Но мы-то с вами знаем жизнь и смерть не по книгам...

Помолчав, перешли к деловой части разговора. Полковник Бунин собрал своих бывших «подопечных» потому, что МИД задумал провести пресс-конференцию для советских и главным образом зарубежных корреспондентов и широко поведать миру об антисоветской деятельности НТС. И чекистов попросили найти и подготовить бывших энтээсовцев — люди это были в основном неискушенные, а встреча им предстояла с зубастыми западными журналистами. Полковник Бунин посмеивался: не робейте, мужики, вспомните, как в Бад-Висзее вас Балмашев обучал риторике — и шпарьте. Правда-матка, она сильнее всего, буржуазные акулы только пасти свои зубастые разинут.

Никакого желания не было у Николая идти на пресс-конференцию, но надо, так надо. А будь малейшая возможность уклониться, он бы уклонился. За годы, прошедшие после выхода из тюрьмы, он полностью вошел в советскую жизнь и трезво представлял, как выглядят его хождения по мукам в глазах окружающих. Он понимал, что его помощь чекистам, участие в радиоигре «Кубань» избавили его от наказания, но отнюдь не сделали героем. И если подвести баланс его жизни с 1939 по 1953 год, получится минус. Конечно, просчеты генералов, конечно, как еще в сорок пятом Сталин говорил, «были и у нашего правительства ошибки», а теперь, в пятьдесят седьмом, выясняется, что и сам он кое-чего упустил... Все так, но он-то лично, сержант Шурко, навоевал с гулькин хвост. Пожалуй, не оправдал и харчей, что съел в армии. Ни одного фрица не убил, не ранил, в плен не взял, даже матчасти фашистской ущерб не нанес. Два года просидел, как таракан, в теплой щели за печкой у сдобной хозяйки в деревне Двуполяны. Связаться с партизанами никаких попыток не делал. Вступил во власовскую армию. Правда, не воевал и там — в том смысле, что не стрелял. Никого не убил, не ранил из своих, из красноармейцев. Но чистил сапоги тому, кто занимал не последнее место в РОА (пес его знает, где он теперь, этот подполковник Коровин)... Учился на курсах пропагандистов РОА, несколько раз выступал потом с докладами. Что за доклады — спрашивать излишне. Было? Было. Теперь-то Николай хорошо знает, что слово «власовец» в русском языке — ругательство. А потом что? «Выучился на шпиона»? Готовился к тому, чтобы подглядывать за аэродромами, чтобы печатать листовки, настраивающие народ против Советской власти, чтобы собирать базарные сплетни для

«компромата» и «тормозить умников» в своей стране? Этого не произошло, но по твоей ли воле? А если бы американский летчик без ошибки сбросил Поля и Боба? Когда бы он, Николай, решился пойти с повинной и решился бы? И еще — представилась ему вся припавшая к телевизорам жена родня, все соседи, сослуживцы, знакомые... Ведь почти никто не знал о его прошлом.

Вот что мучило душу Николаю, когда он думал о предстоящей пресс-конференции. Но потом решил, что все равно, рано или поздно, исповеди и покаяния не избежать и что честный рассказ обо всем им пережитом послужит наглядным уроком — вот что бывает с человеком, когда он становится на путь измены. Николай решил, не жалея себя, откровенно рассказать, какой глупостью оказались расчеты НТС на какое-то «сочувствие русского народа идеалам солидаризма». Рассказать, как лесорубы, заглянув в брошюрку Поремского, приняли ее за фашистские листовки. Правильно, политически грамотно рассудили те рабочие, что задержали Шурко и Кулеминова в самом начале их шпионской карьеры.

Но все равно пресс-конференция оказалась тягостным испытанием для Николая. Не по нему все это было — яркий свет, нацеленные на него кинокамеры, бесцеремонные западные репортеры, которые требовали доказательств, что представленные им люди — в самом деле бывшие шпионы, а не подставные лица.

Случилась, однако, и приятная неожиданность. Николай встретил двух своих старых «камрадов» — Адама Новикова и Константина Хмельницкого. Причем появление скромного Адама вызвало большой интерес, потому что в свое время энтээсовская газета «Посев», признав факт засылки этого агента в Советский Союз, сообщила о его расстреле «на Лубянке». А теперь бывший Джо не то что живой, но как будто даже и помолодевший, выступал перед журналистами.

Гвоздем же программы было, конечно, сообщение Айка, то есть Хмельницкого. Оказалось, что Хмельницкий до самого последнего времени вел с Центром радиоигру под контролем КГБ. Николай был искренне рад тому, что ошибался, считая Константина злым антисоветчиком, способным на любое преступление. Впрочем, это могло быть и маской Константина там, в Бад-Висзее, да и человек способен чему-то научиться...

— Последний раз, — говорил Константин Хмельницкий, — у меня был сеанс связи 30 декабря 1956 года. Вот какое я от них получил распоряжение: «Осмотри самолеты на аэродроме Брянска, сообщи большие номера на хвостах, отдельно бомбардировщиков, отдельно истребителей. Кого еще подобрал для нашей работы? Сообщи данные. Храни тебя Бог».

Под смех советских корреспондентов (западные журналисты, конечно, не смеялись) Константин закончил свою речь такими словами:

— Сегодня 6 февраля 1957 года. Очередной сеанс у меня 14 февраля, но, я полагаю, они на связь не выйдут.

Отвечая на вопросы, он рассказал, что должен был изучить брянские леса, готовить там опорные базы будущих восстаний против Советской власти, площадки для приема самолетов с новыми группами агентов, оружием и снаряжением. (Даже двумя десятилетиями позднее, в конце 70-х годов, бывший директор ЦРУ Уильям Колби писал: «Невозможно переоценить важность поразительных технических достижений. Они привели к глубоким переменам

в профессии разведчика, добавляя неизмеримый объем информации, на основе которой можно сделать разумные выводы. Но я спешу оговориться: технические средства не отменяют необходимости в шпионах, не делают их профессию устаревшей, как утверждают некоторые». Абсурдность заданий Центра Хмельницкому состояла не в интересе к номерам самолетов и не в технических возможностях подготовки баз в брянских лесах, а тщетности надежд на восстания. Но этот упрек следовало бы адресовать, пожалуй, не спецслужбам, а политикам типа Дж. Ф. Даллеса, ослепленным антикоммунизмом.)

Больше всего Николай обрадовался встрече с Адамом Новиковым, с которым их связывало общее прошлое — строительство аэродрома в Мюнхене, Марокко, Западная Германия, совместная учеба в шпионской школе. Набожный крестьянин, Адам Новиков, казалось, и не изменился с тех пор, как Николай видел его на церковном клиросе в Касабланке. Адам жил на Кубани, работал в совхозе, обзавелся семьей, все у него было хорошо. И ему, как и Николаю, все эти энтээсовские козни казались невероятно далекими, ненужными, скучными. Насколько важнее им были теперь виды на урожай, простуда у ребенка, появление в огороде колорадского жука!

Обо всем таком они и поговорили вечером после пресс-конференции, наконец-то получив разрешение зайти вместе куда-нибудь и по русскому обычаю выпить по стакану водки. Стала эта встреча прощанием. Прощанием с прошлым. Это было их последнее прикосновение к миру шпионажа и контршпионажа, секретных операций и громких разоблачений, конспиративных квартир и шифрованных радиопередач, к тайному фронту, война на котором никогда не утихает.

XII

Николай сизмала стремился «жить, как все». В общем, так он и прожил свою жизнь, не считая короткого — если соотносить с длительностью всей жизни — периода его «приключений».

Так бывает со многими. Но одни считают этот короткий период (война, участие в каком-то рискованном предприятии и т. д.) интересным и ярким в сравнении с серостью будней. Такие люди любят поговорить о былых боях и походах, о приключениях и лишениях. И чем дальше уходит время или чем серее будни, тем больше любят они вспоминать.

Но есть другие люди. И, видимо, имея в виду их, классик высказал тонкую мысль о том, что самые авантюрные приключения имеют своей целью восстановление чем-то нарушенного нормального (обыденного) хода вещей. Все — ради продолжения существования.

У Николая Карповича Шурко был ярко выражен именно такой склад личности. Верно, однако, и то, что его «приключения», оценка их им самим и особенно другими людьми принципиально отличались от того, что было с человеком, допустим, ветераном войны, который никогда не был ни в плену, ни на оккупированной территории, не служил в РОА, не состоял в НТС, кому выпало счастье пусть и тяжкого, но прямого пути. Вот и сидел Николай все праздники Победы взаперти, не показываясь на люди. Хотя злодеем не был.

Но есть иные, неказенные, неофициальные «анкеты», основывающиеся не на писанных законах, а на народных представлениях. А здесь несколько иная шкала оценок, несколько иная иерархия ценностей, несколько иначе судится-рядится, что такое хорошо и что такое плохо. Спецотделы, управления кадров, выездные комиссии — это одно, а что народ считает и говорит — другое. Скажем, был ли, не был Иванов или родственники его на оккупированной территории — ну и бог с ним, как не быть, ежели, к примеру, испокон веку жили Ивановы под Брянском. Но вот пусть даже лишь прикоснулся к измене человек — и честь его замарана. И никакими официальными постановлениями или умными рассуждениями популярных литераторов не отвести косога взгляда. Именно таким, прикоснувшись к измене, и чувствовал себя Николай. Вот почему он прятался в День Победы.

Давно замечено, что в русском народе существует симпатия к преступникам (беглый каторжник рассказывает в песне — «хлебом кормили крестьянки меня, парни снабжали махоркой»). Но это — к переступившим официальные законы, и то не все. Переступившие закон народной нравственности — не преступники, а отщепенцы. Это страшнее. А изменник и отщепенец в народном сознании — понятия очень близкие...

Но праздник Победы, святой наш праздник, раз в году. А в будни Николай Карпович отличался от других разве что тем, что не читал детективов и шпионских фильмов не смотрел, и когда все вокруг с ума сходили, не отлипая от телевизоров во время передачи очередного сериала, он забирался куда-нибудь с книжкой или журналом. Что касается телевизора — предпочитал «В мире животных» и «Клуб кинопутешествий». Из мягкого кресла в уютной московской квартире отчего не обозреть пейзажи какого-нибудь экзотического Марокко...

ИЗ ПАМЯТНИКОВ ПРАВА

Конгресс не будет издавать законов, относящихся к установлению какой-либо религии или запрещающих ее свободное исповедание; или ограничивающих свободу слова или печати; или право народа мирно собираться и обращаться к Правительству с петициями об исправлении злоупотреблений.

Билль о правах 1789—1791 гг.
Первая поправка к Конституции США 1787 г.

Славяне не повинуются одному мужу, но издревле живут при народном правлении, поэтому обо всем, что для них полезно или вредно, они решают сообща.

Прокопий. История в 8 книгах
550—554 гг.

Лариса ЗАХАРОВА
Владимир СИРЕНКО

РОМАН

ПРОЛОГ

Женщина уже не сопротивлялась, она только мотала головой и что-то шептала искусанными губами, слизывая с них слезы. Левая нога под давящей тяжестью чужого тела ушла в сугроб, совсем окоченела, она перестала чувствовать ее. Наконец он оттолкнулся от ее плеч, пружинисто подскочил и встал на ноги. Отряхнул с колен снег. Звякнул молнией, застегивая джинсы, и сказал дружку, который сидел на ее ноге:

— Давай, она не рыпнется...

Она догадалась: держать ее больше не станут — и попыталась отползти, но ее снова схватили за ноги... Смеясь ей в лицо, они решали. Женщине казалось — пусть они лучше убьют ее.

— Мальчики, у меня же... мне же сорок..., что вам... — едва слышно выговорила она.

И тогда тот, второй, сказал:

— И правда, ну ее...

Они дружно подняли ее на ноги, но стоять ей было тяжело и стыдно — растерзанной, с порванным бельем, с задранной юбкой, в распахнутом пальто, узкая юбка никак не спускалась сама. Женщина закрыла лицо руками и закачалась. Парни удержали ее, подтащив к сосне, прислонили спиной к стволу.

Теперь заговорил тот, который полчаса назад подошел спросить, как пройти к детскому санаторию, а потом кинулся, повалил, закидал лицо острым обжигающим снегом...

— Слушай, Танька, внимательно. Если заложишь, что с тобой, сделаем с твоей девкой. От чего она лечится в том санатории? — он кивнул на лес, за которым скрывались корпуса. — Значит, и по психиатрам и по гинекологам с ней набегаешься. «Спрут» смотрела? Значит, грамотная, понимаешь. И не надейся, что нас посадят. Не мы, другие... Нас много. Это работа приятная, а платят за нее хорошо, желающие найдутся. Это раз. Два. Слушай, Танька, нечего глаза закрывать — от этого в твоём возрасте недохнут. Тебе, падле, денег предлагали? Предлагали. Ты взяла? Нет. Хотела быть честной. Вот и пришлось тебя обесчестить, чтоб желания совершенствоваться испарились. В марте и апреле от Ламко пойдет большая партия на продажу. Там, если не копаться, все будет нормально. Тем более наклеим бирочки «Монтаны», потребитель не

подведет. И жаловаться не будет — на закордонных не жалуются. Сделаешь проверку — и с приветом, Татьяна Ивановна, подпись: Никонова. И не вздумай что-нибудь ляпнуть Ламко — она вне игры. Скажешь ей или в своей паршивой инспекции язык протянешь, ревизию напустишь, облаву торгачам из милиции устроишь — вообще убьем. И тебя, и твое отродье...

Они перестали ее поддерживать, запахнули дубленки и пошли, не оглядываясь, прочь, громко разговаривая и смеясь на скором ходу.

Женщина сползла в сугроб, села, хотела застегнуть пальто — верхняя пуговица отскочила. Она машинально вытерла мокрое лицо, и тут из носа хлынула кровь. Ярко-красные пятна расплывались на снегу, когда она отряхивала руку, которой унимала кровь и боль свою. Прижимая к лицу колкий февральский снег, она думала о своей девочке. Не о себе.

А те двое быстро прошли небольшой перелесок на пути к детскому санаторию. Кругом не было ни души, и они это отлично знали. Они уже видели хорошо укатанную дорогу, выходящую на шоссе. На обочине дороги их ждала машина — бежевые «Жигули» последней модели.

Подойдя к авто, парни дружно, как по команде, открыли левую и правую задние дверцы и дружно, ловко, быстро прыгнули на заднее сиденье.

— Порядок? — спросил их водитель «Жигулей», потянулся к ящичку на панели, в просторечии прозванному «бордачком». — Как впечатление?

— Да что там, Григорий Борисович... Сорокалетнее бревно. И задница мерзнет.

Водитель резко обернулся, сказал сочувственно:

— Понимаю. Когда начинал, тоже приходилось, — протянув деньги, добавил высокомерно, — чтоб уйти с исполнительских должностей, братцы, нужно доказать, что способен работать головой, а не только лапами да той штукой... Учтите, подвезу только до Окружной. Меня ждут на уик-энд. Дачные радости: последний день февраля, последние лыжные утехы. Да, — вдруг тревожно спохватился он, — с этой тварью все будет о'кей?

— Гарантируем, Григорий Борисович. Уделали по высшему пилотажу. Да и в этом году нам должно везти. Хороший для нас год наступил, 1988 год, год Дракона: а мы оба — с 1964-го...

И все трое рассмеялись вполне добродушно.

1

Телефон зазвонил в половине восьмого. Тамара вскочила, побежала босая... Вадиму Федоровичу стало жаль ее, как-никак праздник, хорошо бы отоспаться. Через минуту Тамара вернулась и с укоризненным вздохом сказала негромко:

— Арбузов. Нейметса ему... — И снова залезла под одеяло. А Вадиму Федоровичу пришлось вставать. Он удивился. Что такое заставило барина и самому подняться рано, и его вытащить из постели? Праздник! Сегодня же День Победы. Сорок третья годовщина.

— Вадим Федорович, немедленно приезжайте ко мне, — сказал Арбузов. — Такси я оплачу. Разговор не телефонный. Но крайне необходимый, крайне!

— О, господи! — выдохнул Вадим Федорович, не особенно соображая спросонья. — Что случилось? С праздником, кстати.

— Да, с праздником, — понуро ответил Арбузов. — Только давайте скорее, или вы можете меня не застать!

— Да в чем дело?! — Вадим Федорович начал раздражаться, он терпеть не мог недомолвок, не та профессия.

— Дело в том... Словом, будет дело. — И Арбузов повесил трубку.

Он, что, ждет ареста или решил руки на себя наложить? Глупость какая-то...

Как был, в трусах и пижамной рубашке, Вадим Федорович побрел на кухню, все время оглядываясь — не хотелось попасться на глаза своей невестке неглиже. Поставил чайник. Начал бриться. Потом с чашкой чая подошел к окну, взгляд уперся в серую стену, выложенную силикатным кирпичом, стену соседней пятиэтажки. На балкон четвертого этажа вылез заспанный тип в синей майке, принялся гантели подкидывать. Как же не любил Вадим Федорович свой район! А куда деваться? На этот вопрос у него не было конкретного ответа.

Хотя Арбузов жил в центре, таксист не сразу нашел, долго плутал переулками между бывшей Молчановкой и улицей Воровского. Вадиму Федоровичу было жаль потраченной пятерки, но он решил, что от барина денег не возьмет.

Впервые оказавшись в гостях у Арбузова, Вадим Федорович понял, что впервые оказался и в подобном доме — со швейцаром, с уставленным цветочными кадками холлом у лифтов, с зеркалами по стенам. Собственное отражение в них ему не понравилось — он тут же почувствовал себя здесь не к месту.

Арбузов сам отворил ему дверь, и Вадим Федорович озадаченно прикинул: Олег Александрович не выглядел человеком в «пограничном», как теперь принято говорить, состоянии — что же могло произойти? И одет Арбузов был по-домашнему, вроде никуда не собирался, почему же он грозился, что из-за промедления приглашенного они могут разминуться?

— Сейчас выпьем кофе и поедим, — быстро заговорил Арбузов. — Вы работали следователем, вы человек знающий... Но прежде надо проговорить все детали, нельзя допустить мельчайшего ошибочного поступка. Нужно выработать линию поведения, даже защиты....

— От кого? — нетерпеливо перебил Арбузова Вадим Федорович.

Тот секунду смотрел на него пустыми испуганными глазами, потом у него как-то странно задергался кадык, и он проговорил сипло:

— Ламко убита...

— Галина?.. — Вадиму Федоровичу захотелось потрясти головой и прогнать наваждение.

— Галина. Вчера. Там уже милиция... Ее нашли сегодня рано утром буквально на пороге салона... За углом... И я боюсь. Проходите, Вадим Федорович. — Но Арбузов мешал зайти в комнату, стоя у стеклянных дверей в нее, и вдруг заломил руки, сморщился, сказал скороговоркой. — Я боюсь, меня заподозрят, я же имел несчастье именно вчера поссориться с ней при свидетелях! Но ссора никакого отношения... Или вы мне не верите? Не верите, что

я к убийству не причастен? Похоже, да? Из-за всех бывших раз-ногласий, похоже, конечно? Почему у вас такое лицо?

Вадим Федорович передернул плечами и вошел в большую, очень большую, дорого и со вкусом убранную комнату. Сказал, осматриваясь:

— Обычно ложные версии разрабатывают до, а не после преступления.

Арбузов отшатнулся:

— Вот, вот, видите, о чем вы сразу! Даже вы! А я не совершал преступления! И вы, Вадим Федорович, это прекрасно, лучше других знаете! А через час мы встретимся с сыщиками, как поведет себя ментура, если вы сами готовы подозревать, я ума не приложу. Как держаться, что говорить, что отвечать — для меня это... — И Арбузов воздел руки над головой.

Вадим Федорович присел к накрытому столу и начал завтракать. С удовольствием смаковал кофе.

— Не понимаю, Олег Александрович, чего вы боитесь?

— Всего! — выкрикнул Арбузов. — Мы, кооператоры, сегодня люди подозрительные! Для милиции кооператор — уже потенциальный преступник, рэкети́р, сутенер, растлитель малолетних и кто там еще... И где будут искать мотивы убийства! Да, конечно, в кооперативе! Первым делом, не разбираясь, из профилактических соображений закроют «Элладу» до выяснения. Только пойдя ее потом открой! Мы с вами на улице окажемся! Вот чего я боюсь больше всего, если откровенно.

— Верно. Спасение предприятия — более благородная и бескорыстная цель, нежели спасение своей, извините, шкуры. Так и держитесь, за то и цепляйтесь, когда станут прижимать.

— Зачем вы так, Вадим Федорович, — обмяк Арбузов.

— А вы встаньте на мое место и представьте, о чем я сейчас думаю, Олег Александрович...

— Не представляю. Мне вполне хватает того места, на котором я оказался. Так о чем вы думаете?

— Рассуждая логично, я полагаю, что вам есть от чего паниковать — и вы ведь паникуете. Свободные от угрызений совести обычно спокойны. Как я, например, — он еще налил себе кофе. — Мне жаль Ламко, событие кошмарное, но лично у меня нет причин впадать в крайнее волнение. А весь кооператив, однако, знал, какие непростые отношения сложились у Ламко с вами. Пожар, несколько месяцев назад разыгравшийся у нее в салоне, был симптомом вашего разлада, показателем, насколько этот разлад серьезен, и, конечно, прямым намеком, что Ламко следует выйти из правления кооператива, выплатить неустойку, расстаться с салоном. Вот почему все говорят о том, что пожар был умышленным поджогом. Конечно, об исполнителях вслух не говорят, их, слава богу, не нашли, но все знают, какую роль в кооперативе играет ваш ближайший помощник Григорий Борисович и целая рать его помощников — экспедиторов, курьеров, набранных из бывших тренеров, спортсменов, дзюдонстов, каратистов и уголовников. Конечно, вы знаете, как зовут Григория Борисовича за глаза...

— Как? — насторожился Арбузов.

— Малютой Скуратовым... Был такой подручный, кровавых дел мастер у царя Ивана Грозного.

— Вадим Федорович, родной, мы не о том говорим, все это грязные сплетни, низкие слухи, а Гришина команда — она же

у нас исключительно ради обороны, на всякий случай... И ни разу, к счастью, не пришлось... А у других что делается, знаете? И оружие, и бронежилеты покупают, заключают неправомочные сделки, да, представьте. А мы... Мы чисты. Поверьте мне. Вы бы знали, я бы вам сказал. Будете еще кофе? А то, может, поедем?

Вадим Федорович вдруг почувствовал, как изменились их роли — сейчас Арбузов явно попадал в зависимость от него, своего сотрудника.

— Погодите. Вы не сказали мне главного: так какую версию вам желательно выработать и протолкнуть? — Он зорко следил за выражением арбузовского лица: конечно, он врет и юлит, наверняка еще вчера знал, что убьют Галину. А сегодня испугался. Он думает, это все так, игрушки... Думает, за разгул преступности, с которым не справляются, он спрячется... А как иначе его понимать?

— Любую, лишь бы не касалась «Эллады», — твердо сказал Арбузов. — Вы же сами прежде всего заговорили именно о таком повороте дела. Или я вас плохо понял?

— Но чтобы придумать стоящую версию, мне самому нужно разобраться. Чтобы ненароком не навести милицию на верный след. Так что пока, Олег Александрович, постарайтесь на все вопросы следователя отвечать «не знаю», «не видел», «не понимаю».

Молча ехали в белой арбузовской «Волге». Вадим Федорович думал: «Если бы Арбузов был чист, он бы и вел себя нормально. Он, конечно, боится, что, когда всех будут разглядывать на просвет, уцепятся за Гришку. Григорий Борисович, пожалуй, способен на все, знаю я этих мальчиков новейшей формации. Были бы деньги, не нужно и рая... Души у них нет, не держат за ненадобностью, вместо сердца — пламенный мотор, в полном соответствии с полученным общественным воспитанием. И ненасытное брюхо. Выходит, я должен покрывать преступников, убийц?» — От этого вопроса Вадиму Федоровичу стало тошно, мутно, потому что стало ему яснее ясного, что не покрывать он их не сможет, ему этого просто не позволят, раз уж вызвали и заставляют. Вот что-то там пытались втихаря запрещать Гале Ламко, неплохой, в общем, женщине, не слишком счастливой только...

«Она по проволоке ходила, она циркачкой была», — пропел Вадим Федорович ни с того, ни с сего. Арбузов резко обернулся к нему:

— Что?

— А не мог ли ваш Гриша наломать дров за вашей спиной, Олег Александрович?

Арбузов не ответил, но Вадим Федорович увидел ужас в его глазах.

2

— Господи! Это нас всех ждет! За что?! И нас!!! Галя, Галочка... — Услышали Арбузов и Вадим Федорович, переступив порог салона-ателье.

Переглянулись.

— Это Тоня Горохова причитает, — сказал Вадим Федорович. — Крепитесь, Олег Александрович, такие вещи всегда плохо действуют. Но ее можно понять, они вместе работали много лет.

— Да, еще до нас, еще в «люксе» на Чернышевского, — кивнул Арбузов. — Не волнуйтесь за меня, не раскисну. Я выпил элениум.

В приемной, среди примерочных кабинок, расфранченных манекенов, развешанных моделей дамской одежды, витрин с образцами тканей, никого не было.

— Они в цехе,— подсказал Арбузов, и оба направились к украшенной цветным стеклом двери. Но в этот момент дверь растворилась, и из нее вышла женщина в форме майора милиции.

— Здравствуйте,— слегка оторопело сказал Арбузов.

— Доброе утро,— уверенно начал Вадим Федорович.— Разрешите представиться: юрисконсульт кооператива «Эллада» Воздвиженский. Это наш председатель, Олег Александрович Арбузов. Вы ведете следствие?

— Здравствуйте. Вы нам нужны,— деловито ответила женщина в мундире.— Одну минуту...— Она пересекла салон и вышла на улицу под встревоженными любопытствующими взорами Арбузова и Воздвиженского.

В цехе у раскройного стола в каких-то неестественных позах застыли сотрудницы «Афродиты». Над Тоней Гороховой со стаканом в руке стоял ее племянник Гриша, он же Григорий Борисович, по прозвищу Малюта Скуратов, и не знал, как привести тетку в чувство.

— И нас!!! И нас! Рэкетеры и нас!!! — Повторяла она.

— Это не они,— быстро проговорил Гриша и обернулся. Воздвиженский понял: Горохов не хотел, чтобы кто-то услышал его слова, и отвернулся с печальным и безучастным видом.

— Гриша,— заговорил Арбузов,— хоть с тобой тут можно нормально общаться? Где милиция? Что тут к чему?

— Они на улице. Из дверей налево и за угол. Там увидите. Май, а мух налетело...— Он машинально прибил одну.— Ее увезли, а на асфальте мелом...— он брезгливо поморщился.— Увидите...

— Олег Александрович,— подняла к Арбузову заплаканное лицо швея Лена Фролова,— Олег Александрович...— Ее плечи по-детски затряслись.— Если бы знать... я бы пошла с ней... Мы вчера работали до десяти. К празднику отшивались до последнего, вы же сами велели... Я потом, то есть мы с тетей Тоней к остановке, а она — туда, дворами, к стоянке, где у нее машина. Но мы ничего не слышали. Не вскрикнула, ничего...

Арбузов утешающе погладил девушку по голове.

— Галя долго возилась с замками,— вставила закройщица Нина Бойцова.— Мы за это время могли далеко уйти, дойти к остановке, и автобус быстро пришел. И мы никого не встретили. Никого. Неужели ее за углом ждали?

Арбузов беспомощно взглянул на Воздвиженского.

Тот понял его:

— Да, я сейчас пойду туда.

Идти оказалось недалеко. «Это не они...» — ухмыльнулся про себя Воздвиженский, повторяя слова Гришки.— А кто же?»

Группу в серых форменных плащах Вадим Федорович увидел возле большого нового дома, похожего на тот, где жил Арбузов. Высокий немолодой полковник резко обернулся к нему.

— В чем дело? Кто вы? Что вам здесь нужно?

Вадим Федорович представился и хотел было выразить готовность помогать, но полковник оборвал его:

— Адвокаты пока к следствию не допущены. Если вам нечего сообщить по факту, не мешайте.

Дама-майор оказалась любезнее:

Рис. В. Родина

— Я вам советую пройти в салон, мы скоро там будем.

Неторопливо удаляясь, Вадим Федорович слышал, как полковник сказал:

— Черт знает что! Убили, считай, середь «бела дня»... Люди в это время в кино сидят, «телек» смотрят...

В ателье уже находились какие-то совершенно незнакомые Воздвиженскому люди. Их опрашивал молодой капитан яркой наружности, про таких, подумал Воздвиженский, обычно говорят — «столичная штучка». Олега Александровича Воздвиженский обнаружил в кабинете Ламко. — он стал явно спокойнее и будто увереннее.

— Вы, часом, не выпили?

— Добавил психотропных. Если желаете, Гриша даст. Очень влияет в положительную сторону.

— С вами уже был разговор?

— Мадам майор поинтересовалась, были ли на Галине Алексеевне серьги,— он пожал плечами.— А я откуда знаю? Никогда не обращал внимания на бабьи цацки.

— Что еще спрашивала?

— Что было вчера, когда, куда, кто, с кем... Были ли у нее враги и сколько. Где муж, был ли любовник. А я почему знаю?

— Про пожар не спрашивали?

— Нет.

— Значит, никто еще не проболтался. И вы молчите. Остальных я предупрежу.

Вошла Бойцова. Сказала с горькой усмешкой:

— Нет, товарищи, вы как хотите, а я подаю заявление. Слышите, Олег Александрович, я заявление подам. Мне моя жизнь еще дорога. А свои пятьсот я заработаю... Индивидуально-трудоу займусь. Еще вам, членам правления, можно рисковать, за ваши-то миллионы или тысячи. А нам, простым наемникам...

— Ладно, ладно...— Проворчал Арбузов,— и вы не обижены. А про индивидуальную спроси Тоню, она расскажет, какая это радость. А заявление пиши, пиши...

— Сберкнижку Галину надо, наверное, им отдать, она тут, в столе должна быть...— Нина выдвинула ящичек стола и достала сберкнижку.

Арбузов долго, изучающе рассматривал голубоватые листочки. Сказал:

— А ведь ее ограбили. Товарищи, ее ограбили...— Он явно обрадовался.

— На каком основании вы делаете подобное заявление? — Раздался с порога четкий голос. В дверях кабинета стоял тот самый высокий полковник с тяжелой челюстью и недоверчивыми глазами. Полковник тер свою челюсть, словно у него болели передние зубы.

— Вы руководитель группы полковник Быков? — Вальяжно осведомился Арбузов, не торопясь отвечать.— Будем знакомы. Я председатель...

— Я вас знаю, Олег Александрович. Почему вы считаете, что Ламко была ограблена?

— Потому что вчера она получила жалованье. Оно у Галины Алексеевны немалое, она всегда клала деньги на книжку. А вчера этого не сделала, ведь сберкасса была закрыта, воскресенье. Если деньги не в сейфе, а их там нет, значит, она взяла их с собой.

— Сколько точно было выдано Ламко?

— Мы с вами, товарищ полковник, должны, наверное, поговорить о многом. Но прежде я сделаю заявление,— Арбузов сказал повелительно,— я попрошу оставить нас с полковником наедине.

Воздвиженский поразился неожиданной прыти барина. Видно, Гришка накачал его не только таблетками, но и идеями.

— Я должен сделать заявление,— повторил Арбузов, когда дверь закрылась.— Итак. Кончина Ламко не может находиться ни в какой связи с деятельностью нашего предприятия. Наши люди здесь ни при чем, как бы ни складывались их отношения с покойной. И я, как глава правления кооператива, буду протестовать, если вы вмешаетесь в наши цеховые дела. Независимость кооператива я буду отстаивать до конца.

— Я обязательно вмешаюсь в ваши цеховые дела, это моя обязанность. Независимость вашего кооператива тут вообще ни при чем. Итак, сколько денег получила Ламко? Сколько могло быть при ней?

— Тысяча семьсот рублей. Вы принимаете мое заявление?

— Я попрошу вас дать собственноручные показания. Когда вы видели Ламко последний раз, о чем говорили с ней, какие сообщения она сделала при этом? Опишите также характер ваших личных отношений. С какого времени она в кооперативе, почему, как... Все понятно? Бумагу дать или у вас есть?

— Одну минуту, — не унялся Арбузов. — Я хочу еще раз подчеркнуть, кооператив и убийство прошу не смешивать. Мы следим за кадрами. Уголовников среди нас вы не найдете. Мы обязаны выполнить огромную социальную задачу: помимо насыщения рынка товарами, мы обязаны сделать все, чтобы преодолеть в обществе недоверие к нам как к социально-экономическому базису, показать, что кооператив — это будущее нашей экономики...

— Извините, мне нужны показания, а не тезисы вашего доклада в клубе кооператоров. Надеюсь, мое присутствие не помешает?

Арбузов писал, предельно осторожничая. Но решил все-таки сам написать о своей последней ссоре с Ламко, пока кто-то из доброхотов не заявил о ней.

Быков даже не посмотрел, что сочинил Арбузов. Забрал показания и сухо процедил:

— Вы свободны...

Олег Александрович и впрямь почувствовал себя свободным человеком, впервые в жизни по-настоящему оценив, что это за дар — личная свобода... Он вышел в приемную. За столом, где обычно оформлялись заказы, молодой капитан записывал показания Нины Бойцовой. Быков читал книгу регистрации заказов. Майор Левченко с чисто женским любопытством рассматривала модели.

— Нравится, Валентина Михайловна? Заходите. Мы оденем вас, как английскую королеву.

Левченко внимательно посмотрела в его лицо — он даже смутился немного от ее прямого, пронизывающего взгляда.

— У меня доход несколько ниже, чем у ее величества, — сказала Левченко и отошла. Арбузов снова почувствовал себя неважно. Как утром.

И вдруг с шумом распахнулась входная дверь. В салон вбежала высокая, немного грузная женщина. Она остановилась и обратилась к Левченко:

— Моя фамилия Городницкая. Я вам сейчас все объясню. Нас с Галиной Алексеевной перепутали. Убить должны были меня.

И тут Арбузов увидел, что на женщине точно такой же плащ, какой носила последнее время Ламко.

3

Быков резко захлопнул толстую книгу учета заказов.

— Кто, кто вам грозил? — Его вопрос прозвучал взволнованно. Воздвиженский даже вздрогнул от такой неподходящей для профессионала искренности.

— Я живу в постоянном страхе, — заговорила Городницкая. — Вот уже почти полгода. Мой сын отлежал в больнице, у меня убили собаку, и буквально три дня назад, когда мы с Галиной

Алексеевной встретились тут неподалеку, они прошли мимо нас и один сказал: «Убить их обеих и спалить...» А позавчера они сказали мне: «Обратитесь в милицию — проститесь с жизнью». Пойдемте, прошу вас, в наш двор. Только там вы поймете, когда все увидите собственными глазами.

Женщина смотрела на полковника моляще, что-то жалкое было во всем ее облике.

— Кто вам грозит? Почему вы не называете этих людей? Вы знаете их имена, фамилии? — участливо расспрашивал Быков.

— Это всего лишь ватага подростков. Не надо смеяться. Они способны на все, — вымученно ответила она.

Городницкая увела за собой Быкова и Левченко. Потом, закончив писать показания Бойцовой, ушел из ателье и капитан Сиволодский.

— Вставной концертный номер, — вдруг сказал Воздвиженский. — Такого в жизни не бывает.

Гриша Горохов пристально посмотрел на Воздвиженского, усмехнулся и тоже вышел.

Воздвиженский пошел в цех, откуда просматривался двор соседнего дома. Он увидел, что Быков, Левченко и Городницкая стоят посреди прекрасно оборудованной детской площадки. Городницкая, жестикулируя, указывала на окна то одного, то другого дома, что-то рассказывала. Воздвиженский отметил, что двор замкнут и похож на треугольник, образованный двумя домами послевоенной постройки и одним новым. Ничего необычного. Таких дворов в Москве миллион. Что ж за страсти могли тут разбушеваться, искренне недоумевал он.

И полковник Быков недоумевал, слушая Городницкую. У него даже сложилось впечатление, что женщина рассказывает все это не в первый раз, оттого не сбивается, не подыскивает слова. Быков готов был поклясться, что если впервые начать формулировать подобные заявления, очень пришлось бы подумать, вспоминая давно ушедшую из оборота лексику.

— Все это не что иное, как проявление классовой ненависти, — чеканила Элеонора Андреевна, и ее, чувствовалось, тоже раздирала та же самая ненависть. — Эти лимитчики, которым долго внушали гегемонизм, а теперь внушили ненависть к руководству, совершают в отношении нас теракты, террор, осуществляют моральную блокаду, вытесняют нас со двора... На парадную дверь перед каждым праздником они клеют записки: «Здесь живут аппаратчики — враги народа». Да, у нас ведомственный дом. Но ведь и мы должны где-то жить!

— Ну, а вы-то почему оказались в центре этой классовой борьбы? — Не выдержал длинного монолога Сиволодский.

— Я — председатель домкома. Эти беспризорные мальчишки... У них инстинкт разрушения. А что вы хотите? Учтите, товарищ полковник, детки действуют под диктовку взрослых. Дети сами не додумались бы на Первое мая снять с нашего дома флаги. Эта лимита заявляет, что мы захватили их двор! Их территорию! Мы не говорим, что они всю Москву захватили, мы молча сопротивляемся и, несмотря ни на что, благоустраиваем свой двор. Вот это их и раздражает. Мы, конечно, не запрещаем им гулять в нашем дворе, мы только умоляем: не крушите, не корежьте... Конечно, нашим детям с детьми из этих домов общаться неинтересно, слишком разный уровень культуры. Что ж теперь делать? Они созна-

тельно избегают этих хамов. Потому наши дети вечно биты. Хотя никому из этого отродья ничего дурного не сделали, я клянусь вам. А я единственный защитник наших детей и всего этого,— Городницкая простерла руки, словно хотела прикрыть детскую площадку своим крылом.— Сколько раз они бросали мне в почтовый ящик записки с черепом, угрозами, оскорблениями, а однажды посадили туда полуживую мышь!

— Сохранились записки? — уточнил Быков.

Сиволодский отвернулся, чтобы Городницкая не видела его улыбки, и подмигнул Левченко, на ту тоже произвела впечатление бедняга мышь, засунутая в ящик для газет.

— С какой стати! Я не придавала значения. Даже когда они избили моего сына... И только теперь, когда погибла Галина Алексеевна, я поняла, что все это далеко не детские шалости, эти выходки иной природы. Вы посмотрите на нашу ограду.— Городницкая указала на низкий парапет из труб, какими почти везде обносят зеленые насаждения и выгораживают детские площадки, площадки для сушки белья, стоянки личных автомобилей.— Только мы установили эту оградку, как явилась вся банда во главе со своей предводительницей Зойкой Гераськиной и ее братцем олигофреном Виталькой. Начали парапет раскачивать. Потом притащили кувалду. Вот, посмотрите, товарищ полковник, все это следы их вандализма.

И действительно, заборчик был местами повален, столбики выбиты, трубы сплющены. Быков тяжело вздохнул. Вспомнил собственный двор. И в унисон его мысли высказалась Левченко:

— Везде одно и то же...

— Ну, нет. Вы не знаете. Гераськины и их банда за час справились с тем, на что мы потратили несколько месяцев, собирая деньги, выбивая из треста зеленых насаждений эту ограду... Я молчать не могла. Я пыталась их увещевать. А эти детки мне: «Вызовете милицию, женщина, придем». И ушли, смеясь мне в лицо. Наверное, нет сильнее и мучительнее чувства, чем бессильная ярость.

— Так вы обращались в милицию? — Спросил Быков нетерпеливо.

— Нет. Я побоялась. А что может сделать наш участковый? Он сам боится, да, да, я видела однажды, как он с ними держится. А инспектриса по борьбе с малолетними преступниками перед ними просто заискивает! А их надо к ногтю, в колонию, пока из бандитов не выросли рецидивисты!

— Когда избили вашего сына, вы тоже промолчали?

— Мне было не до того, у мальчика обнаружилось сотрясение мозга, правда, при более тщательном обследовании оно не подтвердилось, но была гематома в лобной части, разве это не менее опасно? Мозг! Мы, домком, обращались в милицию, когда сняли флаги и разорвали полотнища. Ну и что? Кто-то найден? Кто-то наказан? Боже, до чего надоела вседозволенность, это торжество безнравственности! Рокеры спать мешают — не страшно, мальчикам нравится ночью кататься на мотоциклах, нужно уважать их увлеченность! На улице продают пирожок за рубль — можно, закон охраняет спекулянтов, объявив их кооператорами. А Дзержинский спекулянтов расстреливал! Потому что они плодили в стране голод. Но ведь теперь жалеют всех, кого ЧК поставила к стенке. А я думаю: у нас вообще власть-то есть? Вот вы, представитель

власти. Я вам рассказываю страшные, вопиющие вещи, у вас ни одна жилка не дрогнула, ваши помощники откровенно улыбаются! — Городницкая смотрела на Быкова с отчаянным вызовом. — Вы ведь не верите, вы думаете, я преувеличиваю, у меня счета со слабыми глупыми детьми... А Галины Алексеевны нет! Куда от страшного факта деться? Ее не за что было убивать. Кроме хорошего, люди от нее ничего не видели. Я жила у нее много лет, я знаю. Если бы вы могли понять, насколько она была одинока и беззащитна! Неделю назад она сказала мне с тоской: «Эля, найди мне человека постарше... Нынешние, — она имела в виду наших ровесников, которым до сорока, — нынешние — такие банкроты...» А я подумала: вот у меня есть муж, но разве в нынешней ситуации он защитит меня?

— Ладно, — устало вздохнул Быков. — Ладно. Пишите заявление, Элеонора Андреевна. Будем разбираться.

4

Правление кооператива «Эллада» разместилось в кривеньком, будто вросшем в асфальт переулке, уходящем под крутую горку. Домишки в переулке стояли, теснясь друг под другом, тоже кривенькие, но Грише нравились эти домики с оконцами, за которыми, казалось ему, текла жизнь старозаветная, спокойная, безвозвратная, но такая заманчивая, теплая, как изразцовая печь.

Надо отдать должное Арбузову. Он так отреставрировал помнивший наполеоновскую гвардию особнячок, что прохожие удивлялись, откуда взялось здесь это современное здание «под старину». Олег Александрович прежде работал в министерстве, усвоенные там представления о том, какой должна быть стоящая фирма, воплотил в интерьере и оснащении возглавляемого кооператива. Даже компьютерную технику завел. В общем, «Эллада» не какая-то шарашкина контора, а современное, отвечающее всем требованиям производство.

«И приключения у нас на вполне современном уровне», — ворчал Гриша, загоняя во дворик особняка свои новенькие, самые современные, а-ля «Рено» «Жигули» — он ласково звал машину «зубилкой».

Было ли ему жалко Галку Ламко? Честно, он и сам не знал. Вообще когда это случилось, первым порывом Гриши было немедленно броситься к Максиму. Вовремя остыл. Чем Макс поможет?

Олег Александрович собрал у себя членов комиссии по похоронам. Гриша обрадовался, что обошлись без него, и решил не напоминать о себе начальству, оно и спокойнее. В бухгалтерии у Марии Сергеевны за заваленным документами столом сидели люди в штатском. Ну, ясно — обэхээсники, как же без них.

В кабинете компьютерной техники скучал завкабинетом Саша Чернов.

— Привет, — сказал Саша. — Вот кошмар! Ты оттуда?

— Вестимо... — Вяло отозвался Гриша. — Как тут дела?

— Я всегда считал, — Чернов состроил многозначительную мину, — что против рэкеты эффективны лишь превентивные меры. Как я слышал, в свое время Галина Алексеевна отказалась участвовать в создании специального фонда защиты. Да, она явно переоценила нашу московскую краснознаменную милицию...

— Никакого фонда у нас нет, — перебил его Гриша, — ничего та-

кого ты слышать не мог, не бери меня на «рэ». Никто не предлагал. Ты-то откуда знаешь?

— Болтал кто-то. Болтал и болтал, неважно. Ты слушай дальше. В коридорах кричат: «Рэкет, рэкет...» А на прямой вопрос милиции: «Вас-то, мол, рэкетеры за грудь брали», — дают уклончивый ответ. Все поголовно, кого из любимых сотрудников ни возьми.

— А это ты откуда знаешь?

— Да все сами рассказывают, сочинять не надо. А вот наш стряпчий мне что-то активно не понравился сегодня. Взбодрился, прохиндей. Как своих, в мундирах, почуял, копытом забил! Во-первых, он полез в архив и рылся в моих старых папках. Что он там может найти? А главное, что понять? Не зря же наша документация ведется на компьютерном языке — Олег очень толковый мужик, все продумал, — Чернов засмеялся. — Вот... А потом Вадимчик яко тать проник в кабинет Арбузова. И вышел оттуда с оттопыренными карманами. Что-то унес, не иначе. Слушай, Гриша, — Чернов деланно озаботился, — может, Ламко не зря утверждала, что тут шурует мафия и бежать отсюда надо?

Гриша повертел пальцем у виска, посмотрел на часы и сказал:

— С мафией милиция разобраться не может, чего уж нам-то вникать. Есть — есть, вроде не мешает, нет, еще лучше. А мне надо на Савеловский, Веру встречать. Она своих недоумков сегодня повезла по местам боевой...

— Перехвати ее, — кивнул Саша. — Такие женщины, как Вера, в трамвае ездить не должны.

На Савеловском Гриша был без пятнадцати шесть и пятнадцать минут промаялся, ожидая электричку. Хорошо, не опоздала. Все-таки на малом каботаже МПС еще держит марку. Сначала Гриша увидел гурьбу ребятишек, которых начала расхватывать такая же шумная гурьба встречающих родителей, и только потом — Веру. Она шла позади своего гомонящего класса, выглядела усталой, но заулыбалась, увидев Гришу. Когда он усадил ее в машину, она спросила:

— К тебе? Ко мне?

Гриша замялся. Они жили уже третий год. Встречались или у нее, или у него, ведь у каждого была своя однокомнатная кооперативная. Свою Гриша получил недавно, и они теперь предпочитали бывать у него в Свиблово, потому что у Веры иногда можно было напороться на ее отца — на Макса. Гриша очень хотел жениться, но предложение делать не спешил, боясь отказа. Все-таки пока у них с Максом разные весовые категории. К счастью, Вера все понимала правильно.

Она смотрелась в зеркальце, поправляла сережку.

— За город бриллианты могла бы не надевать, — наставительно сказал Гриша. — Ты не представляешь, что сейчас творится. За пуговицу убьют. Я, извини, отвезу тебя домой, а сам поеду к тете. У нас большие неприятности. Помнишь модельершу, у которой ты шила костюм?

— В клеточку с бархатной отделкой? — оживленно уточнила Вера.

— Так вот, ее убили вчера вечером. Прямо у ателье. А тетка...

— Да, Гришенька, я знаю они дружили... — Вера сочувственно закивала. — Представляю, что с Антониной Васильевной творится! — Вера подняла руки, быстро сняла серьги, бросила их в сумочку. — А за меня ты не волнуйся, — сказала, заметив его на-

смешливый взгляд.— Как-никак первый разряд по бегу с барьерами. И на тренировки по каратэ хожу не просто так.

Гриша хмыкнул. Это все так. Верка ни одной тренировки не пропускает, занимается с редким для нее рвением. Только не женское это дело — каратэ. Поэтому Гриша был против. Зачем каратэ Вере? Откуда такое поветрие? Но пока он не был ее мужем, ничего запретить не мог.

Когда выехали на Садовое кольцо, Вера спросила:

— Если папа позвонит или появится, ему сказать?

Гриша ответил не сразу:

— Пожалуй... И добавь, что кое-какие соображения у меня уже есть.

5

Гриша просидел с теткой за полночь, вытянул из нее всю необходимую информацию. Короче, история была банальна и грустна: любовная лодка разбилась о быт. С другой стороны — ущемленное мужское самолюбие, как это так, бабенка экономически лидирует, материально под себя мужика подминает. Ну, и, разумеется, современная бабья логика — на кой ляд содержать трутня. Поглядели бы нынешние бабоньки на пчел: насекомые, а знают, зачем трутень, холят его, лелеют. В результате в семье полная гармония. Гриша понял, что Ким Малышев — типичный истерик, беден, как только может быть беден рядовой советский инженер в КБ легкой промышленности. И то, и другое Гриша счел крайне ценным для формирования мнения в милицеских кругах. Даже такая деталь, что Малышев живет вдвоем с матерью-инвалидом, прикованной к креслу-каталке, может реально сработать на благо «Эллады».

Схема должна быть такой: этому самому Малышеву надо засунуть более-менее приличную сумму. После чего на одной из встреч с милицией объявляется будто невзначай, что последние дни Малышев буквально преследовал бывшую жену с неизвестной свидетелям целью. Потом Тонька как старая подруга не то должна проговориться, не то вспомнить, как в день убийства, то есть 8 мая, Малышев несколько раз звонил бывшей жене, просил о встрече, и та, разумеется, отказывалась, вызывая его несправедливый гнев. Также кто-то, уже не Тоня, а например, Олег Александрович, знакомый, естественно, по клубу кооператоров со своими коллегами, показывает, что Малышев собирался вступать в кооператив и искал деньги в долг, чтобы внести первый пай. Не с пенсии же престарелой матери ему набрать эту сумму. Детали еще есть возможность додумать, а кончать дело нужно инсценировкой самоубийства, как раз накануне задержания и разоблачения. Истерик испугался ответственности, полез в петлю или в Яузу. А пока операция с Малышевым прорабатывается, нельзя упустить и вариант, который дарит жизнь. Надо помочь милиции найти свидетеля по заявлению Городницкой. Без свидетелей эта дамочка в лужу сядет, это ясно. А «Эллада» останется без наvara.

Утром Гриша отвез тетку в «Афродиту» — Арбузов распорядился, несмотря на траур, не прекращать работу: весна, от заказчиц отбоя нет. Отвез, и в «Элладу» не поехал, а устроился во дворе «Афродиты» под кустом сирени с книжкой. Глянуть на Гришу — ну, прямо-таки образцово-показательный студент, усердно готовящийся к сессии.

Гриша вдруг вспомнил себя — счастливого первокурсника, без блатов и взяток поступившего в вуз, про который всю жизнь мечтал.

Вспомнил, каким он был на третьем курсе — роскошный парень, любимец однокашников и деканата, мастер спорта по самбо. Вспомнил и тот новогодний бал в областном педвузе, ту минуту, когда он познакомился с Верой, а потом с ее отцом. «Что вы собой представляете, молодой человек? Вы не располагаете даже совмиимумом», — полупрезрительно, полунасмешливо, полусочувственно сказал тогда Макс. А когда Макс понял, что у Гриши с Верой не пустая интрижка, вызвался помочь... Ну что ж, если «совмиимум» — это квартира, машина и дача, то Гриша уже начал над минимумом приподниматься.

Предаваясь приятным воспоминаниям, Гриша, однако, зорко следил за жизнью двора. От дома, где проживала Городницкая, то и дело откатывали черные персоналки и разноцветные личные «Жигули». Из двух старых домов унылого силикатного кирпича выходили такие же унылые люди и брели куда-то, озабоченно глядя перед собой. На солнышко вышло несколько молодых мам с колясочками, появилась детвора. Но это совсем не тот контингент, на который рассчитывал Горохов. И только около одиннадцати часов Гриша увидел искомое. К соседней лавочке шаркающей походкой подходил старик с авоськой, в которой позвякивали пустые бутылки. На старике надет выношенный китайский макинтош образца 54-го года, кепка-аэродром образца конца шестидесятых. Покажи мне, как ты одеваешься, я скажу, кто ты. Старик сел напротив Гриши и застыл. Все ясно: абориген двора, ждет сотоварищей, чтобы сдать постпраздничную посуду, купить бутылку «красняка» и, «оклемавшись», забить козла.

— Сегодня день прямо летний, — безадресно и беззаботно проговорил Гриша.

— Ничего, — буркнул в ответ старик.

Немного помолчали, и Гриша снова сказал:

— Дворик какой зеленый!

— Ничего, — опять отозвался дед, и тут Гриша заметил его цепкий взгляд.

— А правда, — Гриша решил больше не тянуть, — что у вас тут женщину убили?

Старик нахмурился:

— Правда. Прямо перед Победой. Такой праздник спортили! Милиции набежало... Вон на том углу она лежала, как мелом зарисовали, так и осталось... Говорят, допризывники...

«Быстро Городницкая обработала общественное мнение», — порадовался Гриша.

— И никто не заступился? — осуждающе спросил.

— Нынче никто не вмешивается. И милиция-то не вмешивается. А чего? Им стрелять нельзя. Дубинка... Подумаешь, дубинка, — старик махнул рукой. — Кончился порядок на Москве. Всю зиму даже не чистили. Я два раза падал, коленка и сейчас ноет. А дочь чуть сосулькой не прибило, это по весне уже, значит. При «отце родном», бывало, не то что сосулька, капель с крыши не упадет... Во, порядок блюл! А допризывников этих уж давно бы взяли. А я их утром видел... Идут и в ус не дуют. Ничего не боятся, распустились...

— Так вы знаете убийц и молчите? — поразился Гриша.

— Я про наших допризывников, с нашего двора говорю. Их я видел. Утром, когда за молоком ходил. Про них говорят, они дохулиганились. Они могли, они такие.

— Так вы заявите на них. Страшно же жить рядом с головорезами.

— Я ж не видал...

— Но знаете же!

— Так все знают! Я утром-то, в праздник, выхожу в магазин, дворничиха наша Клава идет. Плачет!.. Помнишь, говорит, портниху? С этого ателье? С голой бабой на вывеске? Царствие ей небесное. Убили портниху. А потом и другое стали рассказывать. Кто говорит, любовник у нее был: не то цыган, не то американец. Он кооперативную ковбойскую школу открыл, подпольную, конечно, китайской борьбе учить, чтоб прикоснулся пальцем — и намертво... А как портниха ему изменила, велел ученикам ее убить, а сам обратно в Америку уехал. Но все-таки думаю, наши допризывники. Обидно, ах, обидно...

Гриша увидел, как из «Афродиты» вышла Лена Фролова. Тоня говорила, повестка у нее на двенадцать. Значит, пошла Леночка давать показания. Бог ей в помощь. К Лене подошел какой-то парень. Стало быть, нового хахала завела. Тоже Бог ей в помощь...

— Да, обидно,— повторил Гриша.— Жаль, что некому пойти и отстоять справедливость. Вот вы же не хотите идти.— Он осуждающе посмотрел на старика, уже не надеясь на успех предприятия.

Но, видно, все-таки заделась какая-то саднящая струнка в стариковской испитой душе.

— Я не хочу?!! Да я за справедливость до Кенигсберга дошел! Меня там контузило! Генерал Черняховский... Слыхал? Командующий наш. Так его убило. Вот какое сражение было! Командующего!..

И тут из дальнего подъезда большого нового дома вышли три офицера милиции. Не те, что были здесь вчера. Хотя один из них, похоже, тот же молодой капитан.

— Вон, дедуль, глянь, милиция...— Сказал Гриша,— на ловца и зверь бежит.

— Спросят, скажу,— прогнусавил дед.— Может, им и не надо спрашивать, сами дознаются. Наш участковый, он мужик ничего, умный, всех насквозь видит, разберется, только сам я к нему не пойду.— И старик, поглубже натянув кепчонку, старческой рысью устремился к своему подъезду.

6

При других обстоятельствах Лена, пожалуй, даже пофорсила бы с этим парнем. Мальчик что надо. Вьется с утра, проходу не дает. И не то пугает, не то заманивает.

— Слушай, как тебя, ты что, на работу не ходишь?

— А сейчас это и есть моя работа, Леночка, ходить за вами.

— И много тебе за это платят?

— Почти как вам, Леночка. Только у меня работа на воздухе, и машинка швейная не стучит. Разнообразие присутствует. Вот зачем вы сейчас в милицию идете, а, Леночка? Скажите, зачем?

— Тебе-то какое дело? Чего прицепился?

— Объясняю, Леночка. Не будьте себе врагом, послушайте. Я не шучу с вами. Сейчас все в ваших руках. Вы меня больше не увидите, коль уж я вам не нравлюсь, если дадите мне честное слово.

— Дам честное слово, только исчезни. Надоел!

— Молодец, Лена! Значит, вы даете мне честное слово, что сообщите милиции про то, как Гриша Горохов звонил Галине Алексеевне весь день, пытаясь назначить ей интимное свидание на своей квартире. А потом вы видели в переулке, где «Афродита», Гришину машину.

— Я не видела Гришину машину. Он под праздник свою тетку не встречал.

— Молодец, Лена. Гриша тетку не встречал, а машину вы его видели.

— Не видела! Ты кто такой? Ты на что меня подбиваешь!?

Парень нагло засмеялся, схватил Лену за руку, подтащил к стене какого-то дома, собой загородил улицу:

— Я учу вас, Леночка, что вам выгоднее всего сказать в милиции. Скажете, что видели Гришину машину в переулке за пять минут до убийства...

— Если я видела, то Нина и тетя Тоня тоже видели,— задиристо возразила Лена, решившая не сдаваться, она никогда никому не вралась и вралей презирала.— Тогда мы вместе шли с работы.

— А вы из окна видели, из окна, когда еще не выходили на улицу.

— А у меня окно цеха во двор. И в окно глядеть мне некогда. Работа сдельная.

— Очень хорошо. Значит, вы видели машину Горохова во дворе «Афродиты». Это прекрасно, очень убедительно. Что вы упрямитесь? Разве Горохов ваш сват, брат, извините, сожитель? Учтите, Леночка, свалите дурака, не заложите Гришу, вашего папочку найдут под забором с летальным исходом на почве отравления алкоголем.

— Не пугай, сейчас людей кликну.— Лена рванулась.

Он удержал ее:

— А что мне люди? Скажу, с любимой девушкой ругаюсь.

— В милиции не скажешь.

— А здесь нет милиции. Тихий переулок. Убью, не скоро найдут. К вечеру.

Лена огляделась. И как она раньше тут ходила без опаски? Ни одного постового. И прохожих, считай, нет. А ведь милиция — почти за углом.

— Слушай,пусти. Сейчас заору. Гляди, окна в домах открыты!

— Пушу. И до милиции провожу. А потом узнаю, что вы в милиции сказали. Так что не пытайтесь меня обмануть.

— А я тебе назло не пойду в милицию. Тогда что?

— Тоже плохо. Опять вынужден напомнить про папочку и его склонность к антиобщественному поведению. Мне как раз очень нужно, Леночка, чтобы вы пошли в милицию и сообщили про Горохова, который пылал к Галине Алексеевне неизменной страстью. Все равно будет по-нашему. Сами-то жить хотите, Лена? Хотите, я знаю. Пошли.— И парень повел Лену за руку. Лене стало так жутко, что она перестала сопротивляться, за парнем попевала плохо, коленки тряслись.

Прошли мимо железных ворот, за которыми виднелся дворик с песочницей под грибочком. Парень вдруг остановился.

— Вот что, девушка. Я буду ждать в этом прелестном уголке. А райотдел — перед вами.

И точно — через дорогу от железных ворот стояло двухэтажное здание со светящейся вывеской «Милиция».

Страх перед парнем исчез, как только Лена вбежала в милицейские двери. Но, оглядевшись, оробела. Какие-то потертые, неприличные люди в коридоре. И ей пришлось минуты три посидеть рядом с ними.

Заходя к следователю, она не могла отделаться от желания если не вымыть, хоть вытереть обо что-то руки.

Обрадовалась, что следователь знакомая — Валентина Михайловна, которая вчера приезжала. С ней, как с женщиной, говорить легче будет. Лена решила про парня рассказать. Разве она не читает газет, разве не знает про рэкетиров? Отцу они ничего не сделают, не успеют, милиция их быстро схватит. А вот промолчишь — и неизвестно...

И Лена сразу все выложила про парня, как он подучивал, как угрожал.

— Наверное, он из той банды, про которую наша заказчица говорила. Валит на Гришу, своих выгораживает.

— Значит, Лена, вы верите в возможность группового нападения на Галину Алексеевну, в то, что ее могли перепутать с Городницкой?

Лена пожала плечами:

— Не знаю... Если они обознались... Плащ похожий, это точно. Но уж когда били, небось, лицо видели же. Или добить решили, чтобы не загреметь? Звери... У этого парня, который ко мне пристал, глаза, ну точно как у дикого кота.

— Опишите его подробнее.

— Обыкновенный. Блондин. Белые джинсы, самоострок. Нос нормальный. Куртка белая кожаная, привозная. Стрижка хорошая. На ногах адидасы лицензионные. Вроде все. Да, рубашка голубая, пакистанская. А вообще он ведь меня ждет тут, в скверике. Он припугнул, все равно узнает, что я вам скажу.

— Как он узнает? — усмехнулась Левченко. — Он просто рассчитывает сделать выводы из наших дальнейших действий. Вы нас предупредили, Леночка, мы и подкорректируем свои действия соответствующим образом. Кстати, а почему в тот вечер Горохов не приехал за тетей, вы не знаете?

— Он не каждый раз ее встречает. Он ей звонил, предупреждал, что не будет встречать, иначе мы все бы его ждали, чтобы до метро подвез.

— В предварительных показаниях, Лена, вы сообщили, что рабочий день 8 мая ничем не отличался от других. Все было, как обычно. Вы ничего не вспомнили? Ну, например, не звонил ли кто Галине Алексеевне?

— У нас целый день телефон трещит. То заказчицы, то ошиблись, то нам, по личному...

— Так звонили ли Галине Алексеевне в тот день по личному делу?

— По-моему, да. Мужчина. Но не Гриша. Я снимала трубку, звонил мужчина. Гришин-то голос я как-нибудь знаю...

— Это был ее бывший муж?

— Не знаю, я не слышала разговора, я только позвала Галину Алексеевну, она примерку делала...

— Вы что-то знаете о скандале между Галиной Алексеевной и Арбузовым?

— Они каждый день ругались. Галина Алексеевна за глаза Арбузова «крестным отцом» звала.

— А что происходило после последней стычки с Арбузовым?

— Ничего особенного... Восьмого он велел работать. Обещал по удвоенным расценкам уплатить. Уплатил...— Лена тяжело вздохнула.

— Лена, а как к вам, к работницам ателье, относились окрестные жители? — резко изменила тему беседы Левченко.

— Нормально. Были, конечно, некоторые, нэпманами обзывали. Но это ж от зависти.

— Конфликтов с жильцами дома не было? Не помните? Или с жэком?

— Нет. Когда пожар был, из жэка приходили. Даже сочувствовали, но не ругались.

— О каком пожаре вы говорите? — Валентина Михайловна посмотрела строго и внимательно.

— Да о самом обыкновенном. Горело. Сказали, проводка старая замкнула.

— Когда это было?

— Зимой. В марте. Мы сами потушили, пожарников не звали. Мы так потом боялись, что Галина Алексеевна уйдет! Арбузов ей прямо сказал: или уходите, или возмещайте убытки. Мы уж скидываться собрались. Ткани погорели, хорошие, дорогие... Только Вадим Федорович, юрист наш, вмешался и сказал, что незаконно с Галины Алексеевны возмещение требовать, тем более уволнять ее...

— Понятно. Спасибо, Леночка. А парень, значит, ждет тебя...— Валентина Михайловна поглядела пристально.— Ну и скажи ему, что последовала его советам. Ты сейчас иди и ничего не бойся. За тобой пойдет наш сотрудник, поглядит на твоего преследователя. А вот тебе мой телефон, если что, звони, не стесняйся...

В сквере уже не было парня с глазами дикого кота. Лена растерянно постояла под грибком, посмотрела на милиционера в штатском, остановившегося у газетной витрины на углу, пожалала недоуменно плечами и пошла к метро. Нужно еще зайти в универсам, купить еды на вечер, пока люди не пошли с работы, пока не выстроились у касс часовые очереди.

7

Капитан Сиволодский, инспектор по делам несовершеннолетних лейтенант Титова и участковый Соловьев поднимались в квартиру Акимовых.

— Миша, ему опасно доверять, он контуженый,— тихо сказал участковый.

Титова недовольно кашлянула, она не верила в виновность подростков. Все, что угодно, только не убийство...

Дверь открыл сам старик Акимов, пригласил в кухню.

— Чего ремонт-то делать,— оправдывал беспорядок Константин Григорьевич.— Потолок все равно течет. Как жэк обслужит, так и уют наведем. А так — только деньги переводить. А где они,

деньги? Мы люди трудящиеся, не ворует, не спекулируем... Сидел я, Михаил Игоревич, вот здесь, значит, в кухне.— Акимов поставил табуретку под окно.

— Сидели, в окно смотрели, увидели драку и даже милицию не вызвали? — спросила Наташа Титова.— Из этого окна действительно видно место, где лежала убитая Ламко. Неужели вы остались равнодушны?

— Во-первых, у нас телефона нет,— объяснил Акимов,— а во-вторых, я не понял, что бьют женщину. Думал, просто драка, меж собой допризывники... Я, когда молодой был, тоже дрался. Мы на эмтээсников стенка на стенку ходили. Значит, чтоб потом до девок героями идти. Посмотрел на драку... Ну и все.

— Ваш зять, внук, ваша дочь видели драку?

— Внук у меня в армии. Он не видел. Зять спал. Дочь телевизор глядела. «Парад Победы» фильм шел... про парад, про Сталина... Показывают его там... Раньше и Брежнева показывали, теперь вырезали. А на Сталина я нагляделся... Как в армию из колхоза утек, ну, воскрес...

— Значит, вы не хотели смотреть телевизор, поэтому смотрели в окно. А ведь темно было. Чего спать не ложились?

— Я бы лег, но выпить очень хотел. А дочка бутылку спрятала сюда, за кухонный стол. И я ждал, когда она ляжет. Недопить хуже, чем перепить...

— И много выпили? — мрачно спросила Титова.— Не померещилась ли драка?

— Ты, девушка, дитяи занимайся, меня не надо воспитывать,— огрызнулся Акимов, продолжил: — вот отсюда я драку и видел... А потом, как принял, спать пошел...

Сиволодский сел на дедов табурет под окно. Да, угол хорошо просматривается. Но как же старик при слабом зрении мог разглядеть, что делается в темноте? С другой стороны, вон фонарь, близко от угла.

— Константин Григорьевич, вы не помните, фонарь на углу светил?

— Ну, а как же...

— Понятно. Пошли...— сказал Сиволодский Титовой и Соловьеву.— Вот-вот придет Зоя Гераськина, давайте ее встретим. Хочу понаблюдать ее в неформальной обстановке.

Во дворе сладко пахло расцветающей сиренью. Все трое уселись на скамью в тени пышного куста.

— Вот скажите мне, товарищ капитан, что такое в правовом отношении благополучный ребенок? Тот, кто не попал на учет,— начала разговор Титова,— или школьный отличник? Или разрядник детской спортивной школы? Или маменькин сынок? Или просто хороший человек? Я здесь выросла, в этом районе, по сей день живу неподалеку, вон в том переулке.— Она показала вдаль, туда, где под старыми тополями темнели серые пятиэтажки.— Пока этого дома, где живет Городницкая, не было, шла устоявшаяся жизнь достаточно среднего и однородного социального круга. А этот дом бросил вызов всему микрорайону. До определенного возраста людям невозможно объяснить, почему детям из этого дома можно ходить в красивый детский сад в пристройке с прекрасной игровой площадкой и бассейном, а остальным — нельзя. И невозможно ребенку объяснить, что в английскую школу берут только подготовленных детей, а не всех желающих. А что же делать тем, у кого родите-

ли не подумали, что среди тяжелой, черной работы, пьянства, коммунальных неурядиц, личной неустроенности необходимо тем не менее еще и развивать ребенка, учить его? Другие родители других детей развивают с пеленок. Они меньше работают? Больше зарабатывают? Не носятся по магазинам? Откуда у них время на детей? Они не пьют? Так из этих вопросов рождается ненависть к более высокой социальной ступени, я убеждена в этом. Спустились со своих министерских высот, товарищ капитан, и вы увидите такое, что захочется закрыть глаза и бежать куда подальше.

— Она права,— мрачно заметил участковый.

«Ведь и я начал путь с середины социальной лестницы,— вдруг подумал Сиволодский.— Что же, кто-то ненавидел меня за это? За то только, что я прочно стоял с рождения на средней ступени, до которой добрались мои отец и мать, инженер и мэнээс. Немецкая спецшкола, спортивная секция и не бокс, не футбол, а ватерпол. Потом университет. Попал бы я туда, кабы не оказался мастером спорта? Потом сразу — Петровка. Получил бы я приглашение в МУР, если бы не закончил юрфак с отличием? Потом министерство. Взяли туда не за одни красивые глаза. И только мне одному известно, сколько приходится вкалывать. А инспектор и участковый про меня знают, что у меня на работе буфет, пропуск в спецполиклинику, путевки. И именно этим я в их глазах почему-то прежде всего отличаюсь от рядовых работников милиции».

Титова вдруг вскочила со скамейки:

— О, вон Ира Ломакина идет. Эта девушка знает все про всех.— Вера побежала навстречу странному существу, пол которого Сиволодский на глаз не взялся бы установить. Брюки, мужской свитер на квадратных плечах, походка вразвалочку, рост за сто семьдесят, густая челка, короткая стрижка.

Титова смотрела на Иру Ломакину снизу вверх. Ира хмуро глядела на трех милиционеров.

— Ну, чего? — вдруг услышали они девичий голос.

— Ирочка, познакомься, это наш коллега, который занимается расследованием...

— Знаю.

— Капитан Сиволодский Михаил Игоревич. Михаил Игоревич, это Ира Ломакина, мастер спорта по гандболу, наша знаменитость. Ей уже шестнадцать лет. Очень серьезная девушка. Когда-то она у меня училась в начальных классах...

Сиволодский недоумевал, с какой стати Титова лебезит перед девчонкой. Впрочем, ей лучше знать свои кадры. А может, в первом классе эта громила была трогательным голубоглазым пупсом с белым бантом, и Титова по сей день млеет от воспоминаний?

— Чего, Наталья-Сергеев, сказать-то? Городническая брешет. Вот все говорят, конец привилегиям. Пускай этот дом расселяют тогда. И будет полный порядок. Никто никого не бил. Понятно? — Ира посмотрела на Сиволодского так, как взглянул бы, наверное, рассерженный докучливым вниманием снежный человек — по крайней мере Сиволодский почувствовал себя именно под таким не слишком доброжелательным взглядом.

— Дальше,— рубила девушка слова,— нечего на Зойку лить. Она в колонию не собирается. Ей надо школу кончать, специальность получать и от семьи отрываться. Она из Москвы так и так уедет, если вы ее не упечете ни за что. У них с Виталькой али-

би — они были в клубе. Спросите Комарова Игорька, он там диск-жокей. Он скажет. Если что, я из него сама кишки выпущу. И не трогайте Зою. Она боится дома ночевать. Думает, заберете. Начиталась, наслушалась. — Ира Ломакина весьма выразительно фыркнула.

— Ирочка, ты сама была восьмого на дискотеке? — терпеливо выпрашивала Титова.

— Нет. У меня была вечерняя тренировка. А потом с ребятами ездила кой-куда. Трупешник видела. Только думала, проститутка пьяная валяется. Я и сама была хорошо под мухой.

— Ира, спортсменам нельзя, — наставительно, но ласково произнесла Наталья Сергеевна. Сиволодскому хотелось истерически расхохотаться. Он смотрел на участкового — тот оставался невозмутим.

— Я вас искала, — сказала Ира участковому, — а девятого увидела милицию, ну, думаю, все, лады, чего лезть, разберутся, раз приехали.

— Ира, кого вы еще видели в тот вечер? В переулке, во дворе?

— Ну, парней двух видела. Шибздики, один мне вот так будет, — она полосонула себя ниже уха, — я на них внимания не обратила бы, но один был весь в белом, я еще подумала, о, гомик идет...

— Во сколько это было?

— Я часов не ношу. Но домой я в одиннадцать пришла, точно. Если я в одиннадцать часов не приду, меня ж мамка побьет...

И Сиволодский представил себе эту «мамку»...

8

Николай Иванович Абашкин из ОБХСС, недавно получивший подполковничьи погоны, выкладывал перед Быковым финансовые документы «Эллады», как карты в пасьянсе.

— Мы проанализировали последнюю декларацию о доходах, — пояснял он. — Проверили объемы производства и документацию. Очевидно, фактические доходы занижаются. И что любопытно — эта картина наблюдается во всех подразделениях кооператива, кроме «Афродиты».

— Коля, — перебил его Быков, — а почему там такие странные названия? «Афродита», «Гермес»...

Абашкин улыбнулся:

— Наверное, потому, что в этом кооперативе, как в Греции, все есть... Детская одежда — ателье «Амур», мужская — «Арес», обувная мастерская — «Гермес», и так далее. Само собой, дамская одежда — «Афродита», богиня красоты. И объединяет их, естественно, общая фирма «Эллада». Арбузов — мужчина с образованием и вкусом. — Он усмехнулся. — С не меньшей выдумкой он обтлапывает и прочие дела.

Быков кивнул:

— И, надо понимать, Ламко мешала жулью. Ее предусмотрительно убрали. Ну, а фининспектор, Татьяна Ивановна Никонова, она, что же, в сговоре? Ты с ней беседовал, Коля?

— Беседовал, — степенно ответил подполковник. — В принципе ее характеризуют как опытного человека, но... «Ах, я проглядела!» — вот, пожалуй, ее единственное внятное объяснение. Ссылается, конечно, на объективные обстоятельства. Дескать, для коопера-

тивов нет единой статистической формы отчетности, каждый кооператив ведет бухучет на свой лад. Пока приноровишься к каждому, сколько, мол, воды, а я говорю — денег — утечет.

— Неразбериха на руку...— проворчал Быков.— До чего же я не люблю убийствами заниматься! Хоздело, разбойное нападение, да что угодно — разобрался и вроде урон компенсировал. А тут... Как ни крутись, в итоге словно работал зря: убийцу найти можно, а погибшего человека не вернешь. Когда похороны? — обернулся он к Левченко.

— Завтра.

Абашкин вдумчиво глянул на коллег и заметил:

— Между прочим, последнее время убийства стали предтечей больших хозяйственных, экономических преступлений. Не обратили внимания? Ладно, ребята,— и он начал упаковывать документы в свой толстый истрепанный старомодный портфель, над которым подсмеивалось полминистерства,— с уголовными делами вы без меня... Меня дети ждут. И мама. Я у мамы один сын. Пора к ним. На чистых людей пару часиков полюбоваться — и на боковую. Ты знаешь, Слава, я совсем восстанавливаться перестал. Утром встаю, как и не вздремнул ни минутки. А в голове — мысли, мысли... И одна хуже другой.

— Все впереди,— мрачно поддакнул Сиволодский.— У нас впереди еще аренда, хозрасчет, совместные предприятия... Много нового с новыми и очень немалыми криминогенными возможностями.

— Типун тебе на язык,— махнула рукой Левченко.— Николай Иванович, не слушайте его, он молодой пессимист.

— Это уж как за дело взяться,— ответил Абашкин и ушел.

Быков вопросительно посмотрел на своих сотрудников.

— А фонарь не работает... и не работал,— сказал Сиволодский.

— Не говори загадками, я устал. И покороче.

Пока Сиволодский и Левченко рассказывали о событиях заканчивающегося рабочего дня, Быков что-то рисовал на лежащем перед ним чистом листе бумаги. Валя видела, как под быковским фломастером появляются фонарь, дом, человеческие фигуры. На доме Быков написал: «Аптека». Все ясно: ночь, улица...

— Так, значит, и сказала мастер спорта по гандболу — думала, пьяная проститутка валяется. В этом районе они не редкость? Что там рядом, откуда путаны берутся?

— Гостиница «Космос» недалеко, комплекс «Ярославской»...

— Поверим в искренность чемпионки мира по регби?

— По гандболу...— Хмыкнул Сиволодский, вспоминая Ломакину.

— Хорошо.— Лицо Быкова вдруг стало собранным, деловитым и холодным.— Версия Городницкой, конечно, чушь. Как я и думал. Но не проверь мы ее, не знали бы о двух парнях. Со слов Фроловой надо составить фоторобот человека в белом. Эта, олимпийская чемпионка, может быть, тоже что-то конкретней вспомнит.

— Я думаю,— отозвалась Левченко,— куда важнее обратить внимание на неоднократные высказывания Ламко о связи Арбузова с мафией. Я бы не связывала ее заявления только с неприязненными личными отношениями или с тем, что слово «мафия» стало притчей во языцех.

— Почему отношения Ламко и Арбузова стали неприязненными, Валя? Этот вопрос меня интересует больше, чем заключения Ламко насчет своего патрона. Я час допытывался у Гороховой, она только плечами пожимает и рассказывает историю взаимоотноше-

ний Ламко с бывшим мужем, который ей прохода не давал, чего-то хотел, чего-то просил, не то прощения, не то денег, и оттого Галина Алексеевна была вечно взвинчена и срывалась на всех подряд, а чаще всего на товарище Арбузове, человеке милейшем из милейших. Дайте почитать, что там вам сегодня свидетели показали...

Быков читал долго. Левченко успела и в самовар воду залить, самовар и вскипеть успел, чаек успел завариться, настояться...

— Ну вот,— почти весело вдруг сказал Быков,— живем не зря. За один день работы тьма вопросов, на которые отвечать и отвечать: почему Лену Фролову заставляли дать показания против Горохова? Почему именно против Горохова? Кому он на мозоль наступил? Почему Горохов и его тетка намекают на возможную причастность к преступлению бывшего мужа Ламко? Какие к этому есть основания? И такое соображение: уж не подбили ли Городницкую и Акимова дать ложные показания, как пробовали подбить Лену Фролову? Если да, то кто? Тот же парень в белом? И он ли убийца, если исходить из версии чемпионки мира и окрестностей? Необходимо тщательно проверить окружение Городницкой, Арбузова, Горохова, Фроловой, Акимова и бывшего мужа Ламко, Малышева. Вдруг где-то рядом с ними тоже возникнет «мальчик в белом»?

Левченко, разливая чай, мерно качала головой, не то понимающе, не то сокрушенно.

Сиволодский проговорил вкрадчиво:

— Американцы, когда приезжали, рассказывали: на видео снимают, магнитофон используют, и то и се, и компьютер, и банк информации...

— С компьютером и овчарка Мухтар следствие проведет,— буркнул Быков.— А вот голыми руками и золотой головкой... Это мастером надо быть. Майор Левченко, разве наша группа снизила процент раскрываемости?

Валя покраснела:

— Процент раскрываемости не снижается, это уровень преступности растет. Ах, Вячеслав Иванович, рассуждения у вас... святых выноси.

— А я старый человек, с устоявшимися убеждениями,— мрачно проговорил Быков, но Левченко видела: глаза его смеются.

— У Шерлока Холмса, и у того техника была — трубка и скрипка.

— Я думаю, Валя,— нарочито серьезно ответил Быков,— после того, как поступило разрешение вести фотосъемку и телепередачи в палате общин британского парламента, нам тоже скоро позволят использовать в качестве источников доказательств видео- и фотоматериалы, звукозапись и что вы еще там мечтаете получить в ходе оперативно-розыскных мероприятий вместо собственной головы...

— Другое заботит,— вздохнула Левченко.— Ведь добрая половина свидетелей по делу Ламко просто-напросто врет, выдумывает... А в суде они вообще от всего откажутся. Почему? Потому что начитались, наслушались, какие мы плохие, как мы невинных людей упекаем, лишь бы дело поскорее закрыть. Не знаю уже, боятся ли нас... А вот тех, кто на свидетелей давит, кто им угрожает,— тех боятся.

— Мне Арбузов очень не понравился,— сказал Быков.— Говорит, скоро кооператив будет так же незаменим, как гастроном.

А гастрономы, как и колхозы, исчезнут, их вытеснят арбузовы в конкурентной борьбе. Еще один борец... И Воздвиженский тоже мне не понравился. Мелет...— Быков засопел и начал пить чай.

— Не обращайтесь внимания, Вячеслав Иванович,— ответил ему Сиволодский.— Я как-то выезжал на митинг в Лужники. Теперь все мелют... А там только Бурлюка и батьки Махно не хватало... А люди слушают безответственный треп и наивно верят лоскутной информации: тут кусок правды, там обрывок сенсации и рядом — откровенная ложь и подтасовка фактов. А люди слушают, внимают, многие из них, к сожалению, мало что знают, плохо понимают... Эйфория гласности, иначе не скажешь.

Быков внимательно, очень серьезно посмотрел на Сиволодского: задумчиво улыбнулся. Повертел в руках опустевший стакан и, опустив глаза, проговорил тихо:

— А знаете, друзья мои, мы вдруг все стали похожи на монахов, убежавших из монастыря. Мы, наконец, избавились от обета бедности, то есть уравниловки, от обета политического целомудрия, от обета смирения с диктатом, произволом, развалом. Но стоим в растерянности и будто не знаем, как жить без этих обетов, без вероучения, что делать со своей свободой.

— У-у-у...— засмеялась Левченко.— Я выпадаю в осадок. Товарищ полковник ударился в философию. Что-то обязательно должно произойти.

9

С похорон Галины Алексеевны, где он присутствовал с гнетущим чувством принужденности, Вадим Федорович отправился на Кузнецкий мост.

Среди прочих бумаг из кабинета Арбузова Воздвиженский выкрал две доверенности на имя Горохова Г. Б. Доверенности эти позволяли Гришане получить по 3750 рублей, выписанных художникам Дома моделей Шапочникову и Коваленко. С какой это стати люди, живущие в Москве, передоверили свой гонорар? Нет возможности получить лично, можно указать расчетный счет в сбербанке, нет такового — дать почтовый адрес, деньги переведут без всяких доверенностей!

Третий день Воздвиженский непрестанно раздумывал над взаимосвязью: убийство Ламко в воскресенье вечером — и утренний звонок Арбузова в праздничный понедельник. Откуда Арбузов так быстро узнал об убийстве? От участкового, с его слов. Воздвиженский в подобную разворотливость милиции не слишком верил.

Частное свое расследование Вадим Федорович начал только потому, что понимал: не установив вероятного убийцу, вообще невозможно выстроить линию защиты или ложную версию,— ведь ложная версия, чтобы сработать, фактически должна быть полуправдой.

Когда Вадим Федорович попросил Арбузова показать ему все последние финансовые бумаги, Олег категорически отказал, заявив, что отчетность к делу отношения иметь не может. Это насторожило. И вообще Воздвиженскому стало казаться, что «барин» утратил интерес к его персоне, более того, уже сожалеет, что в горячах тогда утром обратился к нему. Но Вадим Федорович на эту историю уже имел собственные виды... И пошел ва-банк. Не зря же Вадим Федорович в суете предварительного следствия и подготовки к по-

хоронам исследовал шкафы и письменный стол Арбузова. Вот хотя бы эти интереснейшие доверенности. О чем они говорят? О том, что Гриша Горохов — наидовереннейшее лицо Арбузова. А кому поручают организацию убийства? То-то.

Над второй обнаруженной среди арбузовских бумаг шарадой Воздвиженскому пришлось побиться, даже поднять кое-какую литературу по налогообложению. И вот что обнаружилось: всякий раз, когда «Эллада» сдавала крупную партию товаров, происходило фактическое сокрытие доходов. Деньги эти растворялись, как сахар в горячей воде, как соль в супе. То есть расходились по своим. Воздвиженский удивился: как это райфининспектор Таня Никонова могла столь халатно относиться к проверкам? Началось это с марта. Что было в марте, старался припомнить Вадим Федорович. Будто ничего особенного. Пожар у Ламко был в феврале. Очень подозрительный пожар, конечно. Все эти факты виделись ему разрозненными, но он уже чувствовал: они должны выстроиться в схему. Нужно только хорошо поискать недостающие к схеме звенья.

Воздвиженский шагал по Кузнецкому, поглядывая на витрины. Остановился возле зоомагазина. Он любил смотреть на попугайчиков в клетках и гуппи в аквариумах, хотя ни птиц, ни рыб дома не держал никогда. Потом перешел дорогу и вошел во двор Дома моделей, там, он знал, — служебный вход. Движение перекрывала вахтерша.

— Мне нужно связаться с отделом кадров, — объяснил ей Воздвиженский. Насупленная женщина неопределенного возраста, закутанная в оренбургский платок — из глубокого двора-колодца тянуло холодом, — молча пододвинула Воздвиженскому телефонный аппарат внутренней связи, указала на табличку с трехзначным номером.

— Как мне связаться с Ириной Дмитриевной Коваленко?

— Ирина Дмитриевна Коваленко у нас не работает, — ответили в кадрах.

— И давно она уволилась? — поинтересовался Вадим Федорович.

— Я тут двенадцатый год, при мне такого сотрудника вообще не было.

— Ну, как же... Художник, модельер...

— Одну минуту. — Голос незримой собеседницы Воздвиженского зазвучал глуше. — Сережа, у нас среди штатников Ирины Дмитриевны Коваленко, художника, нет? Я что-то не слышала... — Голос снова приблизился. — Нет, товарищ, Коваленко у нас ни в штате, ни штатно не работает.

— А Шапочников Константин Иванович?

— Шапочников? — Кадровичка явно удивилась. — Товарищ, вы что-то путаете. По адресу ли вы обратились?

— Извините.

— Всего доброго.

Ну что ж, так оно и должно быть. Теперь выясни, существуют ли эти люди вообще. Проходным двором, известным только истинным москвичам, Воздвиженский двинул на Пушечную, к центральному паспортному столу.

По запросу, сделанному еще вчера, Вадим Федорович получил адрес Ирины Дмитриевны Коваленко и справку, что в г. Москве гр. Шапочников К. И. не проживает. Справку Воздвиженский очень

аккуратно уложил в специально заведенную папочку. Интересно будет посмотреть на барина, когда он увидит подборку документов из этой папочки, например, эту вот справку рядом с липовой доверенностью.

«Может ли быть такое на госпредприятии? — раздумывал Воздвиженский, направляясь к метро. Коваленко жила возле Киевского вокзала. — Ни-ког-да! Хотя бы такое: доверенности, по которым получены деньги, остаются в бухгалтерии. Значит, Арбузов их изъясил и припрятал. Какому директору госпредприятия удастся это проделать? Странно, однако, что Олег не догадался их вовсе уничтожить. Видно, крепче всего Арбузов надеется, что его многогранную деятельность проверить-то фактически некому. Ну, что такое фининспектор Таня? За те гроши, что она получает у себя в конторе, она еще много работает. Лезть в детали она не будет — и некогда, и незачем. Или взять депутатскую комиссию исполкома райсовета. Кто в нее входит? Они бухучет от спецучета не отличат. Так чего же их бояться? Они, что ли, будут искать всяких коваленок и шапочниковых? Тем более всемерная поддержка у нас как понимается? Однозначно: сплошной звон литавр и скромно опущенные очи перед отдельными мелкими недоработками. Даже если эти недоработки... даже если в иных условиях за то же самое сажают, исключают из партии, лепят строгача. ОБХСС нужен сигнал, нужно нечто, доходящее до уголовщины. Что творится в «Элладе», и не только в ней, уже само по себе пахнет преступлением, нарушения сплошь и рядом. Но ведь разрешено все, что не запрещено? А что запрещено, когда во главу угла поставлено заветное слово «обогащайтесь». Но ведь даже мультимиллионеры Запада не обогатились честным путем. Сказки про мальчика — чистильщика сапог по фамилии Рокфеллер — это сказки. А документы о спекуляциях родоначальника клана Кеннеди — это исторические факты. Почему не помнят о таких поучительных вещах? Не знают? У нас и правда мало читают... с толком, особенно те, от кого многое зависит».

Дом Коваленко оказался почти на привокзальной площади — снесли старые домишки, и построенное по замысловатому проекту здание будто сделало шаг вперед.

Увидев на парадной двери переговорное устройство, Воздвиженский приуныл: сейчас начнутся дурацкие вопросы, на которые так трудно отвечать, — кто, зачем, откуда?.. Но сколько ни жал на кнопку Вадим Федорович, телефон оставался нем. Нет дома? Но тут он заметил щель между дверью и косяком. Не действует эта штука, открывающая парадное прямо из квартиры, не действует — путь открыт.

Поднялся на лифте. Позвонил. Не открывали дольше, чем следовало. Он сразу понял почему, — руки молодой женщины, возникшей перед ним в дверном проеме, были обсыпаны мукой и клочками теста. Она держала ладони кверху, удивленно смотрела.

— Извините... Проходите, пожалуйста. Минутку. — И побежала по коридорчику.

По ее кратким и емким словам Воздвиженский понял, что незваные и даже незнакомые посетители здесь не редкость. Кто к ней приходит? Заказчики? Покупатели?

— Снимайте плащ, проходите в комнату, располагайтесь, — звенел откуда-то, судя по всему, из кухни, молодой голос, приглушаемый то звяканьем посуды, то шумом воды.

Посреди комнаты лежал ярко-оранжевый палас. Над паласом низко висел светильник, ни на что не похожий, авторская работа, из тех, что продаются в художественных салонах. Мебели почти нет. Телевизор на треножнике, тахта, кресло, секретер. Сразу видно, здесь живет человек с развитым вкусом профессионала. По занавескам, по обоям, по керамике на подоконнике... Воздвиженский сел на тахту.

— Так... Слушаю вас...— Ирина Дмитриевна вошла в комнату: совершенно другая женщина. Не обремененная стряпней, губки подкрашены, волосы уложены просто, на косой пробор, как у комсомолок двадцатых годов. Лицо милое и доброжелательное. По первому впечатлению — абсолютно безупречна.

— Где же ваши модели для кооператива «Эллада», Ирина Дмитриевна? Мы их ждем третий месяц.

— Модели? — Она подняла брови, повернула голову эдак в три четверти оборота, ничего не скажешь, владеет мимической пластикой, отлично изображает недоумение. Она села в кресло против Воздвиженского, развела руками.— Вы не ошиблись? Может быть, вам этажом ниже, там действительно живет работающий модельер? А я, простите, график. Извольте, могу показать свой членский билет МОСХа, где моя квалификация означена черным по белому.

— Вы хотите сказать, что моделированием одежды не занимаетесь?

— Совершенно.— Она как-то нелепо хихикнула.

— И договора с «Элладой» не заключали?

— Помилуйте, какой договор...— Она опять развела руками.

— Но вы же получили от «Эллады» достаточно значительную сумму, выписали на нее доверенность Горохову Григорию Борисовичу и расписались в получении. Номер паспорта на доверенности — ваш, Ирина Дмитриевна. Не зная его, я бы не нашел ваш адрес в паспортном столе.

У нее приоткрылся рот.

— Боже мой,— проговорила она,— какой кошмар!.. Значительная сумма? Какая же сумма? Послушайте, здесь что-то не то.

— Отнюдь. Вот ваша доверенность, посмотрите.

Она с готовностью подошла, с явным интересом взяла документ, оглядела его и так, и эдак и вдруг метнулась к секретеру, начала лихорадочно выдвигать ящик за ящиком, со стуком, нервозно. «Художники балансируют на грани дозволенного, наверняка, то продадут что-то в обход салона, а то и вовсе за границу, боятся — и эта боится». Коваленко резко обернулась, протянула Воздвиженскому свой паспорт:

— Вот, действительно, это данные моего паспорта, но, честное слово, я не знаю никакого Горохова, впервые слышу про кооператив «Эллада». А вы кто?

— Почему вы не спросили сразу? Вдруг я мошенник?

Она опять неопределенно хихикнула:

— Я привыкла всем доверять. Сначала подумала, вы из закупочной комиссии, сегодня должны прийти. Хотите посмотреть, что я продаю и за что получаю побольше, чем мне, так сказать, причиталось по доверенности?

— Спасибо. И без того голова кругом. Я юрисконсульт «Эллады».

— О...— Она опять села.— Я вам сочувствую. Судя по нашей ситуации, блюсти законность в вверенном кооперативе вам не

слишком удастся, чем же я могу вам помочь? Ведь это — подсудное дело, как я понимаю.

— К сожалению, вы правы. И вы бы мне помогли, если бы написали соответствующее заявление. Примерно такого содержания: «Я, Коваленко Ирина Дмитриевна, художник-график, номер членского билета такой-то, не могла в силу профессиональной неподготовленности или, если хотите, по профилю работы заключить договор с кооперативом «Эллада» на моделирование женской одежды, так как этим видом работ не занимаюсь. Свидетельствую, что доверенность на имя Горохова от такого-то числа мной не выдавалась и заверена в жилищно-эксплуатационной конторе по месту моего жительства не была, несмотря на верно указанные номер и серию моего паспорта, о чем могу сообщить следующее...» Что вы можете сообщить, откуда кто-то мог вызнать данные вашего документа?

— Это элементарно, — ответила Коваленко. — Я много езжу. Часто останавливаюсь в гостиницах. Заполняю анкету. Можно посмотреть. Зимой, например, я была в Таллинне и Тарту.

— Верно, — заметил Воздвиженский и удивился, отчего такое простое решение самому ему в голову не пришло. «И Гришка был в Таллинне в конце января, — вспомнилось, — он договаривался с эстонскими трикотажниками о прямых поставках по договорным ценам. Те нам тогда подкинули роскошный западногерманский трикотаж. Сами как-то спроворили по прямым связям и нам толкнули втридорога. Арбузов тоже не растерялся. Прежде это называли бы спекуляцией... А нынче — ничего, все весьма довольны взаимной оборотистостью и предприимчивостью».

— И еще одна улика против аферистов, — продолжала Коваленко. — Печать с номером не нашего ЖСК. Да, надо вам помочь. Тем более я совершенно не желаю быть замешанной в грязную историю. Вот так ходишь по белу свету и не ведаешь, что с тобой вытворяют! До чего же надо быть в наше время осторожной! — Она сокрушенно покачала головой, откинула крышку секретера и начала писать.

И тут Воздвиженский понял, что ему совершенно неинтересно, кто больше врет — доверенность или Коваленко. Ему важно, что сейчас он получит достаточно вескую улику против Гришки. Совершен подлог. Как его объяснит Арбузов? И хватит ли этого, чтобы припереть его к стенке? И скоро ли он признается? Скоро ли «отдаст» своего Гришеньку? «Я, конечно, ему дам понять, что лучше по доброй воле быть откровенным со мной, чем по принуждению — с полковником Быковым», — планировал Вадим Федорович.

10

Для визита в Министерство внутренних дел старик Акимов принарядился. Быков глядел на него и гадал: чей пиджак и галстук он приспособил на выход — зятя или пребывающего в армии внука?

Акимов заученно рассказывал про то, как дело было...

— А Городницкую-то вы давно знаете? — подбрасывал Быков вопросы будто между прочим. — Брата и сестру Гераськиных хорошо знаете? А с кем из ателье «Афродита» знакомы?

На вопросы Быкова старик отвечал кратко, будто от мух отбивался: Городницкую он вообще не знает, в мастерскую эту с голдой бабой на вывеске ни разу не заходил, Гераськиных с рожде-

ния помнит, еще Зойка в распорках в коляске лежала, она с вывихнутыми ногами родилась.

— Но дело не в том,— вворачивал старик, заканчивая краткий ответ, и продолжал про избивание женщины допризывниками.

— Вы само убийство видели? Ну, наверное, когда допризывники,— Быков невольно усмехнулся, откуда только дед это слово откопал,— убедились, что их жертва мертва, они разбежались, кто куда, а убитая осталась лежать на асфальте рядом с фонарем. Горел фонарь, не помните, Константин Григорьевич?

— Фонарь? — Акимов попытался сосредоточиться, собрал лоб складками.— Не помню, товарищ полковник. Наверное, горел, а чего ему не гореть?

— Ну, а эта женщина, которую били, она кричала, звала на помощь?

— Во-первых, у меня окно закрыто, мы его как на зиму заклеили, так и не открываем, дочка говорит, теплее, и сажа с проспекта не летит. А потом... Разве что с улицы услышишь? Это не прежнее время. Хоть оборись... У кого магнитофон, у кого видики — техника орет, стены дрожат...

— Но в вашей квартире было тихо, все готовились ко сну.

— Это точно.

— И тем не менее вы только видели, но не слышали, как в немом кино.

— Я, товарищ полковник, недолго и смотрел. Так, глянул,— старик опустил глаза,— глянул, ребяшня дерется, и все. Подумал, дело молодое... Я с четырнадцати лет... Ну, обязательно, чтоб ясно было, кому перед девками гоголем ходить, кому валенок валять... Мы-то, бывало, не до смертоубийства, а так, до первой крови... И про этих подумал — ребяшня... А что они женщину убивали, это я только третьего дня сообразил.

— Темно было, когда подростки драку затеяли?

— Темно, товарищ полковник.

— И поэтому вы особенно хорошо должны были рассмотреть молодого человека в белом костюме. Вы обратили на него внимание?

Старик чего-то явно испугался:

— В белом костюме? Это какой же? У нас во дворе таких нет... Не было никого в белом, не было... Темно же было...

— Да, Константин Григорьевич, фонарь-то на углу не светил. И если вы в темноте не заметили белое, то... — Быков покачал головой.— Хорошее у вас зрение, на зависть, как вы смогли разглядеть убийство с пятого этажа в крошечной темноте.

— А что? — Быков видел, старика «заело». — На глаза не жалуюсь. Я ценники с конца очереди вижу. А убийства, говорю, не видал, что да, то да. Что женщину убили что не сами по себе допризывники дрались, меня один человек надоумил. Только он был не в белом костюме,— с опаской, пока Быкову не слишком понятной, подчеркнул Акимов.— Это кто-то из ваших со мной говорил. Он мне так и сказал: некрасиво получается, что вы, ветеран, фронтовик, за справедливость не деретесь, не хотите, чтоб нашли убийц, молчите... Вот я и стал говорить. А то я промолчу, другой промолчит, что ж получится?

— Пристыдил вас, значит, этот человек. Что за человек-то? Прежде видели его? Какой он? Молодой? Старый?

— Молодой мужчина. Видно, самостоятельный. Книжка у него

была. Прежде не встречались. Он сидел на скамеечке под сиренью. И я сел. Мне бутылки надо было сдать, только я рано вышел. Изжога, помню, мучила, я и пошел на воздух. Слово за слово... Ну, и вышло, что убили, значит, что видеть я был должен...

— Этот мужчина вам сказал, что женщину убили подростки? Он на этом настаивал?

— Зачем ему настаивать? Про это все говорили на Победу.

— И все-таки вы видели или нет?

— Прямо так не видел.— Акимов опять засмутился.— Но ведь кто-то должен сказать, чтоб с мертвой точки дело сдвинуть, все ж боятся. А мне что?.. Я никого уже не боюсь. Я подумал и решил, что раз надо, раз человек этот мне советует, надо помочь. Я так подумал, он из ваших...

— А вы не подумали, что даете ложные показания?

— Какие ж ложные? Убили женщину, портниху? Убили. Подростки дрались? Дрались.

— Они дрались у школы, Константин Григорьевич, часом раньше, и вы не могли эту драку видеть, из вашего окна не видна школа, там, во дворе, и дрались ребята из ПТУ, а вовсе не из вашего двора.

— Да какая мне разница... Мне человек сказал, помогите... Надо.— Лицо у Акимова было и виноватое, и раздраженное, ну явно попал впросак, умысла, видно, не имел, так Быкову все больше казалось, а вот был ли умысел у того, кто так настойчиво давал ему совет помочь милиции? — Я думал, парень из органов, он знает, что советовать. И прямо отправил меня к участковому. Он как раз шел по нашему двору с какими-то еще милиционерами. Еще женщина была, училка бывшая, у нее мой внук учился в первом классе... За погоны теперь получает... Ну, я к ним.

Быков разложил перед Акимовым несколько фотографий. Это были фотографии молодых сотрудников «Эллады». В конце концов если уж кому и выгодно проводить дезинформацию, то кооперативу. Так посчитал Быков. Сбоку он выложил фоторобот, составленный со слов Лены Фроловой, про который Ира Ломакина сообщила, что «сделали клево, только на живого не похож...» — не опознала Ира парня в белом, но, увы, она и не рассмотрела его в темном переулке, где не горел фонарь. Что-то там зацепили в проводах, когда иллюминацию развешивали,— это пояснили в райэнерго.

Акимов с любопытством поглядел на фоторобот, но отодвинул его в сторону и начал перебирать фотографии.

— А вот он.— Старик протянул Быкову фотографию Григория Борисовича Горохова.

— Этот человек вам не предлагал денег? Может быть, предлагал пойти выпить?

Темное лицо Акимова стало бордовым. Он покраснел и так посмотрел на полковника, что Быкову стало не по себе — обидел старика.

— Как вы расстались?

— Как сейчас с вами расстанусь,— проворчал Акимов.— Встану и пойду. И тогда я встал и пошел. Акимов не продается... Акимов всегда за власть. Ну, ошибся. Думал, власти, милиции так нужно. Ошибся...

Когда Акимов ушел, недовольно сопя, Вячеслав Иванович распорядился вызвать к нему Горохова. И пошел к Левченко — она до-

прашивала Никонову, фининспектора. Быков решил, пусть они поговорят с глазу на глаз. Уж слишком деликатная тема...

Разбираясь в обстоятельствах, при которых в феврале впервые Никонова допустила то, что сама называла «оплошностью», а подполковник Абашкин «должностным преступлением», хотя Быков и прокурор пока усматривали только халатность, Вячеслав Иванович установил, что в феврале дочь Никоновой находилась на лечении в подмосковном детском санатории. Первой мыслью было, что в тот период Никонова особенно остро нуждалась в деньгах. И, вероятно, взяла первую взятку, за которой, конечно, последовали другие, оплачивающие каждую инспекторскую небрежность. Но вскоре выявился любопытный факт. Никонова, как утверждали сотрудники санатория, посещала свою дочь каждую субботу. И вот в одну из суббот в конце февраля недалеко от санатория в редком перелеске произошло то ли избиение, то ли изнасилование. Пострадавший найден не был, о происшествии никто не заявил. Милиция обнаружила следы крови на снегу и пуговицу от женского пальто. И то случайно. Гаишник на мотоцикле ехал.

Пожар в «Афродите» произошел в тот же день. Связав два эти факта, Быков предположил, что дело вовсе не в банальной взятке. Обеих женщин, и Никонову, и Ламко, очевидно, запугивали, как теперь говорят, «заламывали»... Никонова сломалась, Галина Алексеевна в те дни устояла... Но пока это было только предположение. Быков искал подтверждений. Левченко должна была спросить Никонову напрямик: изнасиловали ли вас, Татьяна Ивановна, в субботу 21 февраля, когда вы вышли из ворот санатория, опоздали на автобус и шли на станцию пешком? От такого вопроса, содержащего практически всю необходимую следствию информацию, не уйти...

С Никоновой Быков не встретился. Левченко уже отпустила ее.

— Ну, что?

— «Это были вы или не вы?» — спросила я ее, когда отмолчалась в ответ на мой развернутый вопрос. И она так ответила «Не я», что все стало ясно. Но в ближайшее время показаний мы от нее не добьемся. А второй смысл, интонации, проникновенный взгляд, брошенный при этих словах, к делу не пришьешь. Если возьмем банду, если она убедится, что больше ей никто не угрожает, ни ей, ни, главное, дочери, эти же гады всегда шантажируют ребенком, конечно, и ее шантажировали, тогда, конечно, она покажет на своих оскорбителей. И получается замкнутый круг. Эх, жаль, что сотрудники райотдела, которые обследовали место происшествия, куда-то задевали ту пуговицу...

Быков сел на подоконник.

— В принципе, — сказал, глядя в окно, — мне уже ясно, за что могли убить Ламко. Я знаю силу, которая послала убийцу. Но мне нужно знать, кто убил. Кто поднял руку?

Левченко с удивлением и любопытством посмотрела на своего руководителя. Какую же информацию он добыл? Пока, с ее точки зрения, ситуация довольно мутная...

Продолжение следует

СЕРЕБРИСТАЯ ПЫЛЬ

Адяна задержали в аэропорту Кольцово города Свердловска при попытке провезти в багаже около пяти килограммов серебра в слитках. Самолет на Ереван улетел без него, а задержанный после недолгого заперательства сознался, что приобрел слитки драгоценного металла по сходной цене у Ямпольского, своего давнего знакомого, работающего в цехе гальванопластики ювелирного завода. Сделка состоялась сегодня утром, заплатил он за серебро пять тысяч рублей.

На допросе Ямпольский с пеной у рта отрицал факт продажи технически чистого серебра знакомому из Еревана. Ничего не дала и проведенная между ними очная ставка. Ямпольский настаивал, что вообще в последние десять дней не держал в руках серебра ни на работе, ни дома. Да и зачем ему, начальнику цеха, впутываться в такие грязные дела?

Чтобы проверить, так ли это, ладони Ямпольского протерли ватным тампоном, смоченным в слабом растворе азотной кислоты. Если он держал серебряные слитки, то на коже неминуемо должны были остаться мельчайшие частички серебра. Они-то и должны были перейти на тампоны. Не забыл следователь протереть и тыльные стороны ладоней, дабы проверить утверждение подозреваемого, что на работе у них даже воздух якобы пропитан серебристой пылью.

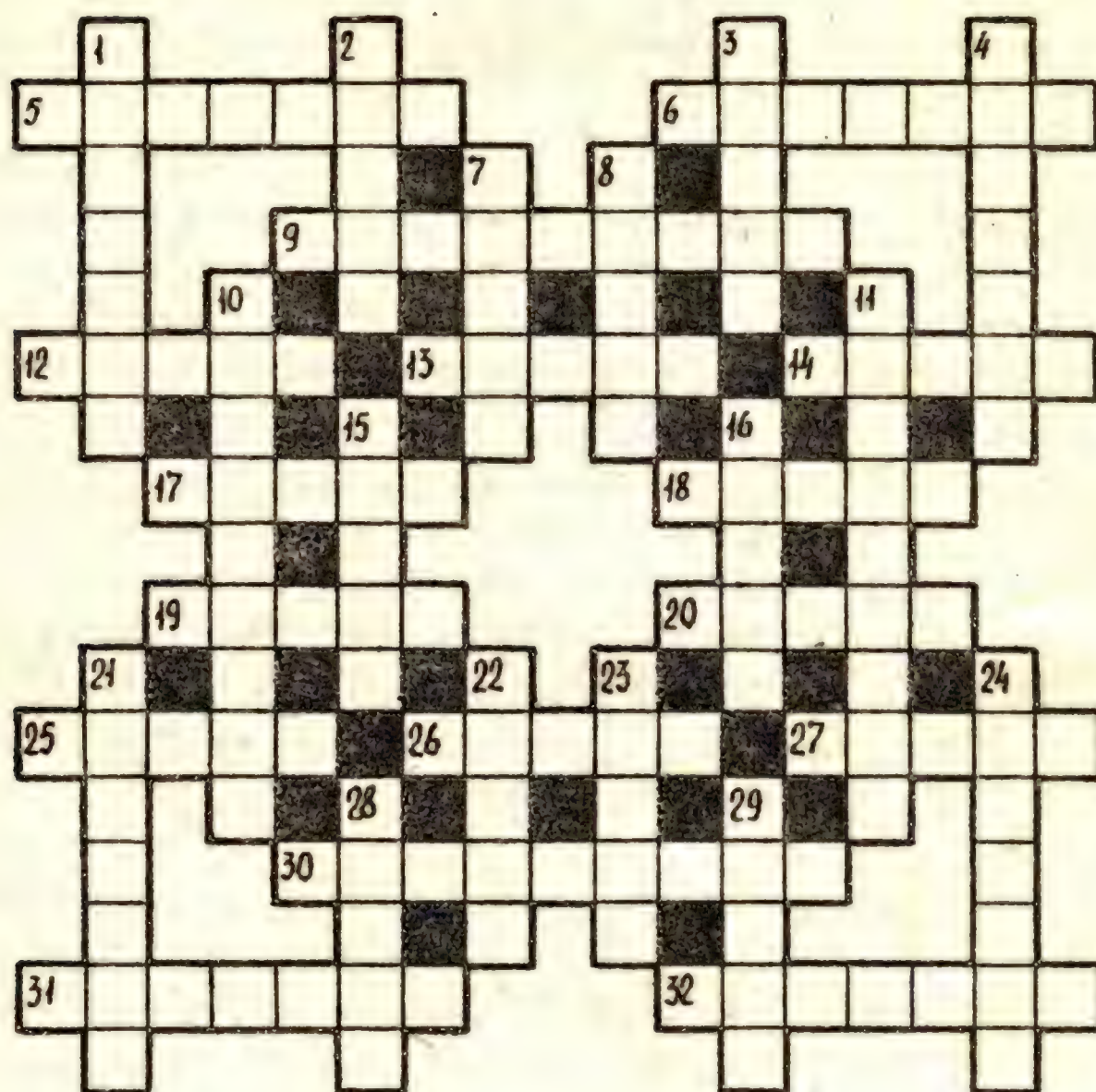
Ватные тампоны следователь направил на микрохимическое исследование в лабораторию судебных экспертиз. И что же? Оказалось: на ладони рук Ямпольского налипло в 10 раз больше частиц серебра, чем на их тыльные стороны. Однако из рабочей одежды начальника цеха сколько-нибудь заметного количества серебряной пыли вытрясти вообще не удалось. Но карманы спецовки, как и ладони рук Ямпольского оказались изрядно посеребренными.

Версия подозреваемого об облаках серебристой пыли в цехе растаяла, как настоящие серебристые облака в стратосфере. Скрупулезно изучив заключение экспертов, Ямпольский понял, что его песенка спета, и рассказал, как воровал драгоценный металл в цехе, как переплавлял его в слитки, как договаривался с подпольным ювелиром Адяном о противозаконной сделке...

Оба преступника вскоре предстали перед судом по обвинению в нарушении правил о валютных операциях.

Е. ИЩЕНКО

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ПРАВО?

По горизонтали: 5. Лицо, ведущее практическую работу по воспитанию, образованию и обучению детей и молодежи. 6. Достижение известности, славы, выгоды. 9. Советский писатель, автор романа «В августе сорок четвертого». 12. Грабитель, морской разбойник. 13. Мнение, выраженное голосованием. 14. В уголовном процессе следственное действие, направленное на получение доказательств по уголовному делу. 17. Высший орган по делам законодательства и государственного управления, учрежденный Петром I. 18. Тайная террористическая организация в Италии. 19. В гражданском праве способ обеспечения исполнения обязательств. 20. Лицо, обращающееся в суд, арбитраж или третейский суд. 25. Установленный распорядок жизни. 26. Заключение под стражу. 27. Жестокый, властный человек, мучитель (перен.). 30. Советский педагог и писатель. 31. Одна из форм поощрения. 32. Умышленное присвоение авторства на чужое произведение литературы, науки, искусства.

По вертикали: 1. Превышение расходов над доходами. 2. Сообщение компетентному органу заведомо ложных сведений о совершении преступления. 3. Советский кинорежиссер и актер, постановщик фильма «Щит и меч». 4. В советском праве одна из форм осуществления надзора за соблюдением законности. 7. Человек, добровольно сдающий кровь. 8. Свободное время. 10. Распоряжение гражданина относительно своего имущества на случай

смерти. 11. Деятельность государственного или общественного обвинителя, а также потерпевшего по доказыванию вины подсудимого. 15. То же, что дипсомания. 16. Денежная наличность предприятия, организации. 21. Лицо, избранное членом представительного органа власти. 22. Духовой клавишный музыкальный инструмент. 23. Человек, отказывающий себе в жизненных удовольствиях. 24. До начала XX века одиночная камера в тюрьме. 28. Группа вооруженных людей, совершающих совместно преступные действия. 29. Учебно-воспитательное учреждение.

Составитель М. ФАЛЬКО

ст. КАНЕВСКАЯ,
КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 3

По горизонтали: 1. Агреман. 5. Пропуск. 9. Кони. 10. Фонд. 11. Следствие. 14. Отчим. 17. Фрахт. 18. Новелла. 19. Пошлина. 20. Варрант. 22. Дигесты. 24. Репин. 25. Сенат. 29. Солиситор. 31. Путч. 32. Клад. 33. Головка. 34. Хищение.

По вертикали: 1. Аукцион. 2. Ранг. 3. Аваль. 4. Подстрекательство. 6. Режим. 7. Угон. 8. Кадастр. 12. Симуляция. 13. Приоритет. 15. Дотация. 16. Клевета. 21. Ареопаг. 23. Штаудте. 26. Полак. 27. Побои. 28. Стол. 30. Плен.

ЮРИЧЕСКИ

ШПИОНСКИЕ СТРАСТИ

В ответном донесении в центр агент 0.07, внедрившийся в штат винного завода г. Монтекарловска и проработавший там всего две недели под видом разнорабочего, допустил грубейшую оплошность, подписавшись в конце — агент 0,75.

В МИРЕ УВЛЕЧЕНИЙ

Редчайшую коллекцию книжек собрал А. Цымбалюк. Их всего восемь, зато все трудовые.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРАКТИКУМА

Задача 1

Доводы директора неосновательны.

В соответствии с частью 4 статьи 18 КЗоТ РСФСР работнику, приглашенному на работу в порядке перевода из другого предприятия, учреждения, организации по согласованию между руководителями, не может быть отказано в заключении трудового договора.

Головина вправе обратиться в комиссию по трудовым спорам картонажной фабрики. В случае несогласия с решением КТС она вправе обжаловать его в профсоюзный комитет, а затем в народный суд.

Задача 2

Работа в выходной день может компенсироваться по соглашению сторон предоставлением другого дня отдыха или в денежной форме в двойном размере (статья 30 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде, статья 64 КЗоТ РСФСР).

Такой порядок действует с февраля 1988 года. Ранее за работу в выходной день предоставлялся другой день отдыха в течение ближайших двух недель. Оплата такой работы в двойном размере допускалась, если предоставление дня отдыха было невозможно (например, в связи с увольнением рабочего или служащего). Именно этими устаревшими правилами и руководствовалась администрация, издавая приказ.

По новому законодательству выбор формы компенсации (повышенная оплата или отгул) зависит от соглашения работника и администрации. При этом отгул может быть предоставлен в любое время, в том числе и присоединен к отпуску.

Повышенная оплата производится в следующем порядке:

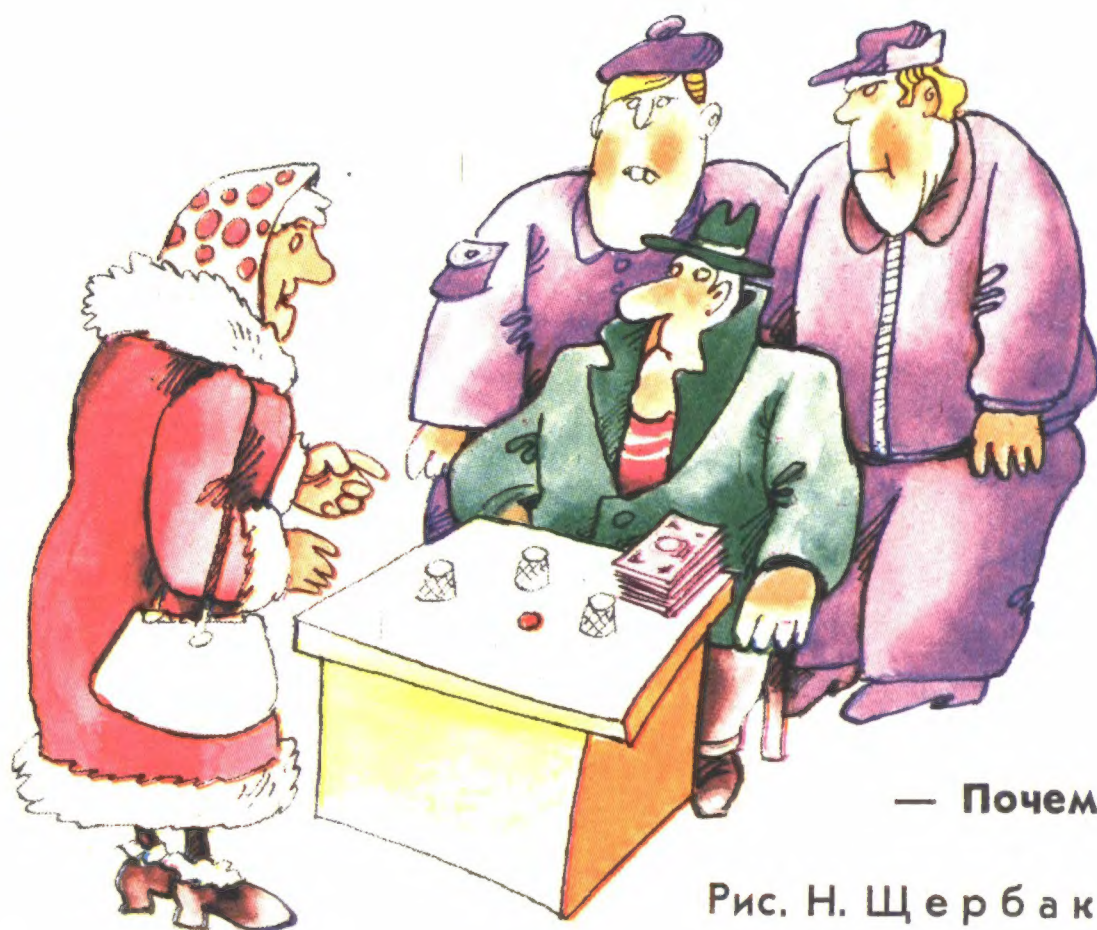
- сдельщикам — по двойным сдельным расценкам;
- работникам, труд которых оплачивается по часовым или дневным ставкам, в размере двойной часовой или дневной ставки;
- работникам, получающим месячный оклад, — в размере одинарной часовой или дневной ставки сверх оклада, если работа в выходной день производилась в пределах месячной нормы рабочего времени, и в размере двойной часовой или дневной ставки сверх оклада, если работа производилась сверх месячной нормы (статья 89 КЗоТ РСФСР).

Сдано в набор 24.01.90. Подписано в печать 19.02.90. А 07254.
Формат 84×108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,56.
У.-изд. л. 9,40. Зак. 1847. Цена 60 коп.

Адрес редакции:

129850 ГСП, Москва, И-110, Олимпийский проспект, 22.
Телефон 281-68-12.

Отпечатано 1 100 000 экз. (из общего тиража 9 150 000 экз.) с фотоформ ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда» в типографии издательства «Уральский рабочий». Свердловск, проспект Ленина, 49.
Зак. № 668.

— Почем наперстки, касатик?

Рис. Н. Щербакова

Рис. С. Ополева

60 коп.

Индекс 71075

